DK32.7
.P48
1928a

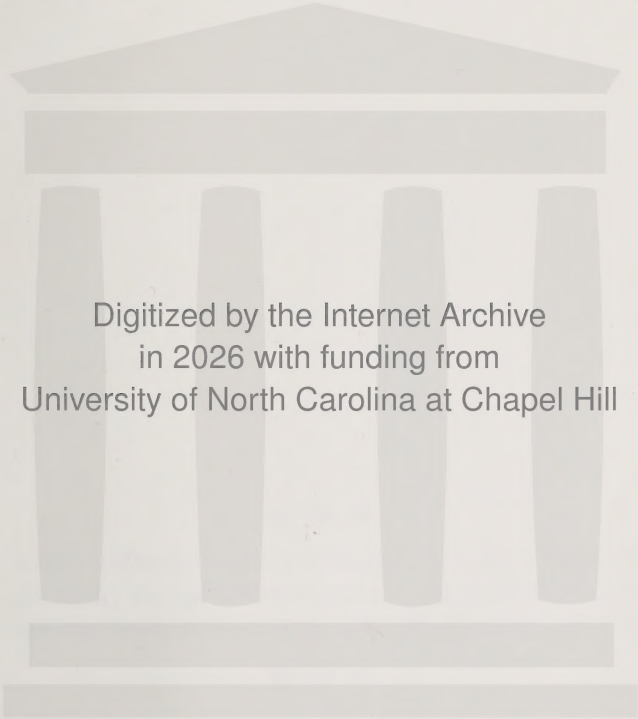
THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK32.7
.P48
1928a

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
Form No. 513			


Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/oblastnyekulturn00piks

* * *

This is an unmarked facsimile of the original book, and was produced in 1970 by xerography by University Microfilms, A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

* * *

* * *

This is an authorized facsimile of the original book, and was produced in 1970 by microfilm-xerography by University Microfilms, A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

* * *

Piksanov, Nikolaĭ Kir'iakovich
DK 32.7
MC .P48
1928a
Oblastnye kul'turnye gnezda

Н. К. ПИКСАНОВ

ОБЛАСТНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ГНЕЗДА

Oblastnye kul'turnye

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДНЫЙ СЕМИНАР

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ — ТЕМЫ ДЛЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ КРАЕВЕДНЫХ РАБОТ — СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ — РУКОВОДЯЩИЕ ВОПРОСНИКИ

ПРИЛОЖЕНИЕ:
УКАЗАТЕЛЬ СЛОВАРЕЙ МЕСТНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ

ор28005
755779

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1928 ★ ЛЕНИНГРАД

THE LIBRARY OF CONGRESS
PHOTODUPLICATION SERVICE
WASHINGTON 25, D. C.

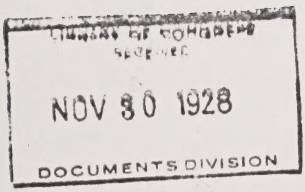
Н. К. ПИКСАНОВ

ОБЛАСТНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ГНЕЗДА

★

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ★ 1928

DK 32
.7
.P48



Главлит № 95598. Гиз № 20507 Тираж 3.000 экз.

Тип. Госиздата „Красный пролетарий". Москва, Пименовская ул., дом 16.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Областной принцип в русском культуроведении был мною намечен впервые в 1913 году, в книжке: «Три эпохи», где предлагалось для примера изучение Воронежского культурного гнезда. Подробнее эта мысль была обоснована во вступительной лекции в курс литературы в Саратовском университете, 24 октября 1917 г., на тему: «Областные культурные гнезда». Отсюда аргументация была перенесена в одноименные доклады, сделанные осенью 1922 г. в Москве—в Обществе любителей росс. словесности и Росс. академии художественных наук, а потом—в первое издание книжки—«Два века русской литературы» (М. 1923; здесь же было предложено значительное количество тем, с библиографией и вопросниками). Доклад вновь был повторен в июне 1924 г. в Центральном бюро краеведения в Ленинграде, а тезисы его напечатаны в «Дневнике второй всесоюзной конференции по краеведению» (№ 1, 9 декабря 1924). В журнале «Искусство» (№ 2, 1925) доклад был напечатан, но в сильно сокращенном объеме. И только теперь, в этой книге, рассуждение печатается в своем полном виде, отменяя все прежние редакции.

К рассуждению здесь присоединен обширный темник и библиографический указатель. В таком составе книжка получает двойное назначение.

И в основном замысле, и в детальных разработках я дорожил прежде всего научной проблемой. Для русской искусствоведческой науки существенно утвердить областной принцип мышления и исследования и разработать куль-

турно-историческую схему под этим углом зрения. Уже теперь наша наука может плодотворно синтезировать наличные материалы и перестроить изложение истории русской культуры. Это совершенно очевидно для многих эпизодов, разработанных мною ниже—в темпике. Такова, например, культура русского Севера на грани XVII и XVIII веков. Такова культура Казани в начале XIX в. Такова культура Воронежа середины XIX века. Для каждого из этих эпизодов накопилось такое богатство опубликованных документов и частичных разысканий, что кому-нибудь оставалось бы только объединить их в своем индивидуальном научном сознании и резюмировать выводы. Это, правда, еще не сделано, но сделать это легко и увлекательно, а результаты получились бы крупные: сразу бы осветились крупные моменты в истории общерусской культуры и были бы установлены типологические образцы и приемы для других исследований. Научно-историографическое значение имеют такие темы, как о Щапове, о Костомарове и их взглядах на областной фактор в русской истории. Принципиально-методологическое значение имеют и такие темы, как областничество во Франции или понятие большого города в культуроведении. Этот ряд заданий может быть выполнен в центре, в столицах, с помощью центральных книгохранилищ и в общении с центральными краеведческими организациями.

Но есть огромное количество иных заданий—не синтетических или методологических, а материальных и аналитических. Новизна областного принципа в искусствоведении и молодость русского краеведения оставили необследованными десятки, сотни областных и местных культурных гнезд и движений. Необходимо немедленно приступить к их разработке, торопясь спасать нередко гибнущий невозвратно материал. И даже в тех случаях, когда те или другие работы уже начаты и продвинулись вперед, но еще не завершены, важно, чтобы они были осознаны в свете основных принципов областного искусствоведения и связаны с общим историческим развитием русской культуры. Такие задания должны выполняться на местах,

с разработкой местных материалов и в общении с местными краеведными организациями.

Посредником между синтезирующей наукой и конкретным краеведением хотел бы быть я вместе с своей книжкой.

Я не имел претензии исчерпать тематику областного искусствоведения. Наоборот, занимаясь этим вопросом, я сам хорошо знаю, сколько нетронутых тем перед краевым искусствоведом. Допетровское время мною едва затронуто. Из крупных культурных центров почти совершенно не захвачен Киев, столь богатый художественно-идеологическими движениями; не отмечен Тифлис и т. д. Это случилось не по небрежению к таким крупным явлениям, а частью—по меньшей осведомленности моей о них, частью—просто по недостатку времени и места.

Да и цель книжки—не исчерпать вопрос, а поставить и обострить его. Если формулированные мною принципы областного искусствоведения найдут широкое признание, если будут разработаны хотя бы главнейшие из предложенных мною тем, если по их образцу будут сформулированы другие аналогичные темы, если в состав областных краеведческих изучений будет включено, как непременное задание, обследование местных культурных гнезд,—это будет наилучшей наградой автору.

Могу с глубоким удовлетворением отметить, что идея областных культурных гнезд еще в ее первой, черновой формулировке (в «Двух веках», 1923 г.) встретила сочувствие и поддержку такого авторитетного литературоведа, как П. Н. Сакулин. В своей новой книге: «Синтетическое построение истории литературы» (М. 1925 г.) он признает «плодотворной идею об областных литературных гнездах», и к тому, что мною приводилось в ее защиту, делает несколько очень ценных дополнений. Выдающийся краевед, проф. И. М. Гревс, горячо поддержал мой «краеведческий подход для изучения развития русской культуры, по литературным памятникам и движениям, исходившим из провинциальных центров» (Былое 1925, III, 113), и настаивал на обследовании украинских культурных гнезд. К моей работе проф. Гревс возвращается в своей статье

«История в краеведении» (журн. «Краеведение» 1926, № 4). Другой краевед, Н. П. Анцыферов, в книге: «Теория и практика литературных экскурсий» высказывает надежду, что «призыв Н. К. Пиксанова встретит горячий отклик среди историков литературы и краеведов нашей провинции». Мне дорого также и то, что, откликаясь на предложенную в «Двух веках» тему, нижегородский краевед А. Н. Свободов опубликовал исследование: «В Нижнем Новгороде на заре XX века. К характеристике культурного и литературного гнезда» («Нижегородский краеведческий сборник», 1925); это исследование развернуло такие богатые материалы и привело к таким полновесным результатам, что они превзошли все ожидания и могут служить красноречивым примером плодотворности таких начинаний. Отмечу еще работу М. П. Сокольникова: «Литература Иваново-Вознесенского края. Введение в изучение местной литературы» (1925), рисующую широкую картину краевого литературного движения (давшего прежде—Ф. Д. Нефедова, в революционные годы—Д. А. Фурманова).

Я убежден, что принцип культурного областничества будет поддержан и оправдан многими другими работниками-краеведами. Этого повелительно требует сама современная жизнь. Хотелось бы только внести в начинающуюся повсюду работу больше принципиальности, методичности и организованности.

Это тем необходимее, что наше краеведческое движение приобретает мощный размах и захватывает всё новые и новые кадры деятелей и области, часто совершенно лишенные прежде культурных организаций. Нарастание краеведческой армии идет чрезвычайно быстро, и необходимо воспользоваться силами молодых краеведов для организации искусствоведческих, историко-культурных изучений. Именно на молодых краеведов рассчитаны многие из предлагаемых мною тем. Для них разработаны вопросники. Им адресуется и следующее ниже обращение. Я имею ввиду также и студенчество вузов, где теперь учреждаются краеведческие кружки и ведутся соответствующие семинары.

Во избежание недоразумений подчеркну, что под «культурой» я разумел ближайшим образом искусство, литературу, просвещение. Жизнь общественная, политическая (например, революционные организации и кружки), очень богатая иногда в провинции (вспомним хотя бы роль Саратова в эпоху хождения в народ), мною затрогивалась только эпизодически.

Два слова о библиографии. Специалисты признáют, что иногда она разработана мною с большой полнотой, на основании непосредственного изучения обширного материала. Но это бывало не всегда. Иногда я только намечал соответствующую литературу, предоставляя взявшему тему самому продолжить подбор материалов. Если в числе названных мною пособий было такое, где имеется библиографический указатель по данному вопросу, я отмечал это и уже не давал у себя места детальной библиографии. Иногда я, вероятно, допускал крупные пропуски. Особенно опасаюсь за украинскую и белорусскую библиографию. Да и великорусская краеведческая литература, особенно местная и областная, так быстро нарастает, что уследить за всем выходящим очень трудно. Я был бы благодарен за все дополнения, исправления и замечания в печати по поводу моей книжки.

Я пользовался обширными краеведческими коллекциями в библиотеке Политехнического музея в Москве. Советами мне помогали М. К. Азадовский, Л. П. Гроссман, Н. К. Гудзий, П. Н. Сакулин, Б. М. Соколов, Ю. М. Соколов, М. П. Сокольников, А. М. Эфрос. М. П. Алексеев обработал целую группу тем по Одесскому культурному гнезду,—из них в мою книжку вошли только некоторые. При составлении указателя местных биографических словарей мне помог Н. М. Ченцов. Составленный им же Указатель указателей областной периодики не мог быть помещен в этой книге—ввиду обширного объема указателя.

Н. Пиксанов

ОБЛАСТНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ГНЕЗДА

ВВЕДЕНИЕ В ИХ ИЗУЧЕНИЕ

Wer den Dichter will verstehen,
Muss in Dichters Lande gehen.
Goethe.

Начало, которое еще не сознано ясно в нашей науке: начало областности.
Щапов.

1.

В 1858 году два русских профессора, Пыпин и Стасюлевич, посетили Иену. Потом Пыпин рассказывал («Мои заметки», 114): «М. М. Стасюлевич, как и я, раньше не бывал в Иене. Мы приехали в Иену поздно вечером; на другое утро, по обычаю, поспешили осматривать город, и первым делом было, конечно, посмотреть университет... На пути встретилась книжная лавка, и здесь всего ближе было справиться, как пройти в университет. Мы были очень удивлены, когда на наш вопрос об университете приказчик ответил нам: «Aber wir haben keine Universität». Как, в Иене нет знаменитого иенского университета? Оказалось, что действительно нет центрального здания, которое заключало бы в себе университет; был только один сравнительно небольшой дом, где помещалась библиотека и, кажется, одна-две аудитории, все остальные аудитории были рассеяны по городу в частных домах».

Этот простенький эпизод мне всегда казался глубоко характеристичным, символическим для германской культуры. Как иенский университет, она рассеяна по стране, по

городам и городкам; «центрального здания нет». Даже в новейшее время, когда политическая гегемония перешла к Берлину, и здесь поместился такой мощный магнит, как парламент,—культура духовная: научная, художественная, литературная — не подчинилась политической централизации, и молодая столица империи, при всех своих успехах втечение столетия, не смогла монополизировать культуру. Попрежнему богато цветут другие—и многочисленные—рассадники культуры, победоносно превозмогая столицу то в том, то в другом отношении. А в прошлом эта децентрализация германской культуры еще заметнее. Галле, Иена, Гамбург, Лейпциг, Веймар—достаточно назвать эти города, чтобы вспомнить целые направления или периоды в литературе и культуре, там локализированные. Если к этому присовокупить, что германская культура и литература имеет еще один крупный филиал—австрийский, децентрализованность ее станет еще определеннее. Естественно поэтому, что в изложении литературно-исторического процесса немецкие ученые всегда отдают много внимания местным, областным группировкам: швабские поэты, иенские романтики, цюрихская школа и т. д.

Не менее, если не более, чем в Германии, децентрализована культура в Италии. Такие города, как Флоренция, Венеция, Милан—это отдельные миры, художественные организмы, жившие своею особой, автономной жизнью и создававшие своеобразные ценности и движения.

В сравнении с германской или итальянской культурой культура французская является сильно централизованной. Здесь столица выкачивает из провинции всё выдающееся и монополизирует духовную продукцию страны. Если в Германии Берлину легко противопоставить в том или другом отношении Мюнхен, Дрезден или Гейдельберг, то во Франции Париж несравним, он не имеет достойных соперников. Притягательная сила Парижа столь велика, что он вовлекает в свой круг писателей других стран, никак не связанных с остальной Францией, но подчинявшихся, временно или навсегда, обаянию парижской культуры и сливавшихся в своем творчестве с общим движением фран-

цузской (парижской) литературы. Таковы: Роденбах, Гюисманс, Метерлинк, Верхарн, Эредиа и др. В известном смысле парижская культура становится как бы экстерриториальной.

Однако и во Франции, в классической стране централизованной культуры, если внимательно всмотреться, мы заметим явственные черты областной дифференциации. Во-первых, Париж не всегда играл такую исключительную роль. Жорж Ренар в своей книге о научном методе в истории литературы дает любопытные наблюдения над историческим чередованием в культурном первенстве разных областей Франции. Он пишет: «Есть связь в сосуществовании известных черт в литературе с известной физической средой. В известные эпохи та или другая провинция берет первую роль; она интеллектуально первенствует, идет во главе Франции, поставляет для нее крупнейших людей». Так, в середине XVI столетия такое значение имеет центр бассейна Луары. Потом бассейн Гаронны наследует первенство. Потом наступает черед Нормандии. В середине XVII в. главной провинцией становится Иль-де-Франс с Парижем в центре. «Без сомнения,—продолжает Ренар,—есть социальные причины, объясняющие богатство человеческой жатвы, собранной поочередно из разных провинций. Причины эти различны: Париж и его окрестности, значение которых всегда значительно, играют, повидимому, наиболее блестящую роль в эпохи политических волнений; одна местность была обязана своим эфемерным блеском, как будто, пребыванию двора, существованию какого-нибудь процветающего университета, другая находилась на пути потока идей, несущегося из чужеземной страны: так, Гасконь в конце XVI века извлекала пользу из величия Испании, ее соседки. Но каковы бы ни были причины, переносящие из одной области в другую интеллектуальное превосходство, оттуда следует, что дух известной эпохи может иметь окраску гасконскую, нормандскую или парижскую. Если тщательно анализировать и сравнивать произведения людей, которые выходят из главенствующей провинции, можно найти много речений, местных событий, особых обы-

чаев, обиходных образов, которые составляют вклад этой провинции в национальную цивилизацию». Не считая эту сторону культуры вполне изученной, Ренар предлагает приступить к разработке того, что «позволительно назвать литературной географией Франции». (Georges Renard. La méthode scientifique de l'histoire littéraire Paris. 1900. Pp. 140—142).

Словно отвечая на вызов Ренара, вскоре появилось ценное издание: «Les poètes du Terroir du XV au XX siècle», под редакцией Ad. van Bever. Это—хрестоматия стихотворных произведений поэтов-областников за целых шесть столетий, снабженная краткими, но точными биографиями и хорошей библиографией; кажется, самым ценным в этом трехтомном издании являются карты старинных областей Франции, по каким локализировались областные поэты (на картах отмечены места рождения поэтов). По этому изданию, как и по другим французским историко-литературным работам, можно отчетливо проследить, как обособляются местные группы литераторов и как их творчество зависит от особенностей края.

Правда, это обособление обычно не идет далеко. Но вот есть во Франции область, резко обособленная и этнически, и исторически, и по языку, и в быте, и, как результат,—в литературе: Прованс. Провансальское литературное движение (движение фелибров), насчитывающее около ста лет, замечательно характерно и богато плодами: достаточно указать Ф. Мистраля, поэта общеевропейского значения.

Провансальское движение, впрочем, общеизвестно, и здесь достаточно только о нем напомнить. Менее известно иное движение—бретонское. Конечно, оно не так обширно и ярко и длительно, как провансальское, но для нас здесь ничуть не менее показательно,—тем более, что оно на наших глазах расширяется и углубляется и может представить живую аналогию тем национальным областным культурным движениям, какие происходят теперь в Советской России. Правда, движение это еще не обострилось до открытой борьбы за автономию политическую; бретонцы еще не добились даже такого минимума национально-культурного

определения, как свободное преподавание родного языка в начальных и средних школах; во многом бретонское движение напоминает судьбы украинского движения перед революцией. Но этнические и языковые особенности, своеобразие бытового и хозяйственного уклада, резко очерченный национальный характер—всё это создавало сильные факторы областного обособления. Бретань уже имеет своих энтузиастов-вожаков; в ней растет общественное самосознание и организованность; там выходит много политических, научных и литературных журналов и газет на бретонском языке (в том числе и с уклоном в революционизм). Особо следует отметить, что на бретонском языке, уже давно хорошо разработанном литературно, имеется богатая художественная литература. Известны многие поэты, как Бризе, П. Пру, из современных—Жаффренуа (псевдоним «Тальдир») и особенно—Эмиль Массон, недавно скончавшийся вождь бретонского областничества.

За бретонским движением, несомненно, большое будущее (его политический сепаратизм, кажется, сильнее провансальского). Но Бретань, как и Прованс, обособлены языком и расой. Это ослабляет для нас их показательность. Остальная же Франция не дает ярких образцов областной культуры. В общем Франция, наоборот, остается примером централизованной культуры и в этом смысле противостоит Германии. Париж является диктатором и монополистом культуры, это—в римском смысле слова—u r b s среди муниципий и провинций.

2.

В свете таких историко-культурных установок—как осознать отношение центра и областей в русской культуре?

Этот вопрос застает нашу научную мысль врасплох.

Великая русская революция произвела изумительный по смелости и размаху опыт с расчленением прежней деспотии на составные части и с созданием на ее месте Союза республик и автономных областей. И теперь рядовой читатель

газет принимает, как обычное, поток сведений о росте национальных и краевых движений Советской России.

Однако смелый политический опыт потому и оказался прочным, что он опирался на реальные основы самой жизни и истории.

Но если многое и основное в современной жизни революция помогла осознать поновому, то в области исторического мышления у нас остается немало косного, архаического. И здесь приходится доказывать иногда положения весьма простые и как будто очевидные.

Когда школьнику, воспитанному в стихии родной речи, указывают, что русского языка нет и что он говорит не порусски, а повеликорусски,—школьник теряется. Но—несколько разъяснений, и простая истина быстро усваивается молодым сознанием.

Когда же взрослому и образованному, даже ученому человеку говорят, что русской литературы нет, что научные и учебные книги, носящие название «История русской литературы», начинаются с грубого извращения в определении своего предмета, взрослый и ученый человек не верит и, как ему полагается, начинает подбирать замысловатые возражения.

Однако дело просто и ясно: русской литературы нет, и под этим псевдонимом скрывается литература великорусская.

Здесь в неточности термина и мысли характерно сказалась та же тенденция, что и в нашем историческом процессе. Научное мышление подчинилось историческому бытию. Старый исторический процесс был процессом централизации, подчиняющей суровой власти—сначала московской, потом петербургской—малые национальности, независимые области, местную хозяйственную жизнь и т. д., подчиняющей по возможности всё одной политической и полицейской униформе и стирающей безжалостно местные особенности.

Несомненно, под давлением централистических тенденций истории и власти и наша научно-историческая мысль усвоила те же тенденции; она скрадывала местные особенности в угоду государственной униформе. Великорусские

историки, говоря о русской истории, разумеют собственно свою, великорусскую, и внимание отдают центральной России, об областях же и окраинах говорят, главным образом, в связи с пресловутым «собиранием русской земли». Деятели областной культуры и историографии это остро ощущают. Украинский ученый Багалей упрекал москвича Ключевского: «Нельзя ограничиваться в русской истории, как это сделано в блестящем, талантливом курсе В. О. Ключевского, изложением судеб одной великорусской народности. Для воссоздания русского исторического процесса в полном его объеме необходимо проследить и судьбу малорусской и белорусской народностей, ибо они составляют органическую часть целого».

Правда, сила фактов такова, что даже историки-централисты вынуждены были осложнять историческую схему и изучать, хотя бы в экскурсах, не только «русскую» историю, но и «литовско-русское государство», и «историю Малороссии». Эти две дисциплины давно обособились и приобрели права гражданства даже в университетском преподавании, не только в исторических монографиях. Однако процесс дифференциации на этом и остановился. История огромной Сибири оставалась совершенно заброшенной. Не выделена и история Поморья, т. е. русского Севера, столь богатая и своеобразная. В зачаточном состоянии—история Поволжья; не осознано значение казацкой республики Донского Войска в XVII в.,—и т. д.

Подобно истории хозяйства и учреждений, и литературная русская история тоже централизована. Правда, для древней письменности именно под давлением слишком ярких фактов сделаны кое-какие уступки. В общих курсах древней русской литературы (особенно четко и последовательно—у В. А. Келтуяла) выделяются литературы: новгородская, псковская, владимирская, тверская, муромо-рязанская. Но и здесь уже допускается крупный пробел: затушевывается северно-русское литературное творчество. С того же момента, как названные области теряют последнюю самостоятельность под ударами московского царства, а потому устанавливается империя,—всякое расчленение исчезает из ли-

тературной схемы, и историки начинают говорить об одной «русской» литературе.

В конце концов историческая карта литературно-культурных путей сообщения сводится к такому графику: от древнего Киева на Москву, с веткой на Новгород, и от Москвы на Петербург.

Но это, конечно, грубый график. Он совершенно не отображает той сложной сети путей, какими двигалась русская культура в ее истории.

И насколько здесь насильственны упрощения, покажет то обстоятельство, что в курсе литературы XVIII—XIX вв., излагая под именем русской литературу великорусскую, замалчивают литературу украинскую. Ни из учебников школьных, ни из курсов университетских нельзя было толком узнать, что ведь рядом с литературой «русской», т. е. великорусской, втечение тех же длинных двух веков жила и развивалась литература украинская, давшая Котляревского, Артемовского-Гулака, Квитку-Основьяненко, Гребенку, наконец—Тараса Шевченко. И это тем страннее, что в тех же учебниках и курсах, когда излагаются XVI и XVII века, говорится о «юго- западной» литературе, ее виршевой поэзии, ее драме, ее теоретических рассуждениях и влиянии всего этого на московскую литературу. Централистические тенденции нашего историко-литературного мышления были так сильны, что даже А. Н. Пыпин, в своей «Истории русской этнографии» посвятивший целый том (третий) этнографии малорусской, а в «Истории славянских литератур»—большой отдел малорусской литературе, в третьем своем труде: «История русской литературы» ни одной главы не отводит украинской литературе последних двух веков.

Нечего и говорить, что из поля зрения выпадает меньшая литература белорусская. О ней до самого последнего времени ничего не знали не только профаны, но и спецы от литературы.

Можно условиться, что украинская и белорусская литературы не входят в схему русской, т. е. великорусской литературы. Но следует их признать присутствующими ря-

дом. Одно это признание было бы огромным шагом вперед для уточнения и расчленения историко-литературных понятий и схем. Однако нельзя на этом остановиться. Дифференциацию необходимо провести дальше.

Когда говорят о русской литературе, то разумеют великорусскую,—это теперь ясно. Но под великорусской разумеют ведь, собственно, столичную. «Русская литература»— это литература столичная, петербургская и московская, никакая иная. Необходимо условиться и в этом. Но тогда следует сейчас же признать, что есть различия и между петербургской и московской литературами. Эти различия всегда бросались в глаза наблюдателю. О них писал Пушкин в «Мыслях на дороге» (1834), Белинский в статье: «Петербургская литература» (1845), Герцен в статье «Москва и Петербург» (1842), Ап. Григорьев в статье под тем же названием (1847), Гоголь, в 70-х годах В. Авсеенко и многие другие. Все они явственно различали два столичных культурных гнезда и две литературы: петербургскую и московскую. Следует раз навсегда усвоить это различение двух столичных гнезд и приучать свою мысль применять этот принцип в историко-литературном мышлении. Ведь дело идет о различении двух огромных совокупностей явлений, богатых высокими ценностями, более крупными, чем, напр., Прованс и Бретань. Соучастие или соперничество в созидании культуры двух столиц, бифуркация литературной производительности—явление, свойственное только России и не повторяемое в Западной Европе.

Без особых усилий можно установить даже чередование, своеобразный ритм этих двух культур: если в первой половине XVIII века превалирует петербургская культура, то во второй, с учреждением московского университета, особенно с переездом в Москву Новикова, с открытием вольных типографий с 80-х годов подымается московская культура; она владеет гегемонией до войны 1812 года, когда после жестокого московского пожара испытывает болезненный надрыв. С возвращением войск из-за границы, с 1815 года, вновь оживает Петербург, куда переезжают и видные московские литераторы (Карамзин, Жуковский, Гри-

боедов, молодой Пушкин), и десятилетие 1815—1825 проходит под знаком петербургской культуры. С катастрофой декабризма наступает глубокий интервал, и вновь поднимается Москва с «Московским телеграфом» и «Телескопом», с философскими кружками, со Станкевичем, Герценом, Бакуниным, Белинским и Грановским. Ссылка Герцена и Огарева, переезд Белинского в Петербург (1839 г.) и другие общего значения обстоятельства вновь выдвигают Петербург. В сороковые годы разночинско-буржуазное западничество локализируется в Петербурге, дворянское славянофильство в Москве; позднее они трансформируются в либерализм и консерватизм; в Петербурге будет выделяться радикальный некрасовский «Современник», в Москве консервативный катковский «Русский вестник». Не продолжая выслеживать чередование двух столиц в дальнейшие десятилетия, укажу только, что в наше время перенесение столицы создает новое противостояние ленинградской и московской культур; в узко-литературной области оно определяется борением формализма и марксизма.

Итак, будем различать культуру русскую и великорусскую; наряду с великорусской будем помнить украинскую и белорусскую; под великорусской культурой в подлежащих случаях будем разуметь столичную; в столичной культуре будем различать петербургскую и московскую.

Но топографическую дифференциацию культуры необходимо провести дальше и глубже—в области.

Допетровская Русь создала несколько сильных областных культурных центров: новогородско-псковской, тверской, муромо-рязанский и другие. Конечно, областное культурное расслоение опиралось на политическую независимость и обособленность. Потом эта независимость пала, и политическая власть сосредоточилась в Москве, затем в Петербурге. Старые областные культуры постепенно угасали, и культура интегрировалась в столице.

Но означало ли это окончательную гибель областных культур?

Конечно, нет.

И допетровские культурные центры опирались не только на политическую независимость; скорее сама она была производной из других сил и условий. Географические особенности, своеобразия в организации народного хозяйства давали более устойчивые основы культурному обособлению. Но ведь они сохраняли свою силу и властность и в новое время, и их новые сочетания могли вести и к новообразованиям областной культуры.

Из изучения карт областной культуры во Франции в упомянутом издании «Les poètes du Terroir» явствует, как литературные деятели с принудительностью распределяются по местностям у больших рек, портов, крупных путей сообщения. То же самое следует сказать и о России. И у нас не только и не столько политическая независимость, сколько хозяйственная жизнь создавала культурные гнезда или их разоряла. Поэтому открытие железной дороги, новых промыслов или фабрик могло в корень изменить культурную жизнь данной местности. Пароходство по Оке и Волге, всероссийская ярмарка и Сормовские заводы дали в XIX веке мощность Нижнему и без политической независимости.

В послепетровское время выживают в исторической борьбе некоторые старые областные гнезда: Ярославль, Архангельск, Тверь, Киев. Но возникают и новые, дотоле безвестные: Саратов, Иркутск, Одесса, Воронеж, Харьков. В столичную, общерусскую культуру они время от времени высылают своих представителей. Ломоносов пришел из Холмогор, Волков и Дмитревский—из Ярославля, Чернышевский—из Саратова, Добролюбов и Горький—из Нижнего, Кольцов и Никитин—из Воронежа. Иногда такие выходцы из областей занимают в столичной культуре крупное, руководящее положение, как Ломоносов, Чернышевский. Все знают это, но мало кто осознает. Факт признается вяло, безотчетно. Между тем, чтобы осмыслить появление и роль таких деятелей в общерусской культуре, необходимо изучить гнезда, в которых они воспитывались.

Приэтом, однако, быстро выяснится, что подобные разыскания имеют не только служебное значение—для осмысле-

ния известного эпизода в столичной культуре,—но и большое самостоятельное значение.

Однако такие изучения еле начаты; то, что имеется,—эпизодично, не складывается в четкую картину, а главное,—не осознана еще общая, принципиально-методологическая задача изучения областных культурных гнезд, не понято важное значение их для всего общерусского исторического процесса.

Впрочем, тут обоюдная зависимость: конкретные изучения замедляются отсутствием принципиального осознания; это же последнее не укреплено хорошо проведенными частичными исследованиями.

Но стоит только немного углубиться в обозрение и осмысление областного культурного материала, чтобы многое стало ясным и стройным.

3.

«Родившись в отдаленном, холодном и забытом краю России, в приморском селении Денисовке, Холмогорского уезда, Ломоносов, казалось, был осужден на забвение; но гений его открыл путь к бессмертию».

Так говорится в старинном, 1833 года, «Руководстве к изучению истории русской литературы» В. Плаксина. К этому Некрасов потом прибавил: «По своей и божьей воле стал велик и знаменит». И приблизительно так понималось дело и позже,—пожалуй, до наших дней. Сын рыбака, еле овладевший грамотой, томившийся среди тундр и, наконец, тайком бежавший в Москву,—таков традиционный образ Ломоносова. Только случайность да гений, т. е. нечто тоже случайное по обычному взгляду, приводят его в столицу.

Но мы и гений не считаем случайностью; наоборот, он обусловлен исторически, т. е. экономически и социально, и из бедных лопарей, окружавших Ломоносова на Севере, никто не явился за наукой в Москву и не прославился в Европе. Что же касается «отдаленного и забытого края»,

то теперь только невежество может представлять родину Ломоносова в таких чертах.

Наоборот, русский Север, Поморье, в первой трети XVIII века было одной из самых оживленных областей. Население, никогда не знавшее крепостного права и привыкшее к общинному самоуправлению, было много занято мореходными промыслами и вовлечено в торговлю с Москвой и иностранцами. Новейшие исследования сообщают, что на Севере в хозяйстве и промыслах еще с XVII века применялись такие технические приспособления (самодвигатели, солеваренные снаряды), каких не знали в остальной России и какие были забыты потом. С половины XVI века в устьях Северной Двины появляются первые английские корабли, а за англичанами—голландцы и другие иноземцы. Постепенно, не только в Холмогорах, но и в других городах Севера (в Архангельске, Вологде, Ярославле) появляются фактории иностранцев и устанавливаются постоянные торговые сношения. В связи с этими отношениями, как и с русскими мореходными промыслами, с конца XVII века развивается кораблестроение, создается знаменитая Вавчугская верфь Бажениных, а вслед за ней их же прядильный и парусный заводы и водяная пильная мельница. При верфи имелись мастерские: столярные, литейные, слесарные, такелажные, чертежные и другие, где руководили русские и иностранные техники. Позднее возникает верфь Крылова, строившая для русских и иностранных фирм ежегодно по шести купеческих кораблей, а также и военные корабли для правительства. Никита Крылов первый из русских купцов открыл непосредственную торговлю с Амстердамом и Гамбургом.

Следует подчеркнуть, что семья Ломоносовых принимала самое деятельное участие в этом энергичном движении. Отец, Василий Дорофеевич, вовсе не был тем «бедным рыбаком», каким его рисовала легенда. Это был один из наиболее зажиточных и предприимчивых поморов. Кроме промыслов на Мурманском берегу и в других приморских местах, где он ловил треску и палтусину со своих судов, он имел еще значительное количество земли. Он первый вы-

строил и поевропейски оснастил на Двине галиот «Чайку» и ходил на нем по Двине, Белому морю и по Северному океану для рыбных промыслов. Ломоносов-отец занимался перевозкою казенных запасов и частных товаров из Архангельска в Пустозерск, Соловецкий монастырь, Колу, Кильдин, по берегам Лапландии, Самояди и на реку Мезень. Сын его Михайло с десяти лет помогал отцу в его предприятиях и совершал с ним те же путешествия до 19-летнего возраста, т. е. втечение десяти лет. Напряженное торгово-промысловое движение, общение с иностранцами, города, реки, море, океан—всё это воспринималось юношей не наблюдением со стороны или по слухам, а в непосредственной деятельности.

Следует еще сказать, что «селение», в котором жили Ломоносовы, было заречным пригородом у Холмогор, и Ломоносовых можно, в сущности, считать горожанами. А Холмогоры не были глухим уездным городком. Наоборот, это был главный город Севера, более важный тогда, чем Архангельск. Именно около него работала Вавчугская верфь; в Холмогорах с 1682 г. открылась самостоятельная архиепископская кафедра; потом там учреждено славяно-латинское духовное училище (1723 г.); а также подъяческая и певческая школа, из которой вышел дьячок Семен Никитич Скобельков, «воспитатель юности Ломоносова». Не так далеко от Холмогор находился известный Антониев-Сийский монастырь; в Холмогорах действовали крупнейшие фактории иностранцев, через Холмогоры шло непрерывное движение на Москву и из Москвы. По справедливому замечанию Ф. А. Витберга, именно Холмогоры были «единственным окном в Европу» тогдашней России. Новое окно—Петербург—только еще было прорублено; только с 30-х годов Петербург начинает перетягивать к себе внешнюю торговлю, и значение Холмогор начинает падать. Это был северный областной культурный центр, подобно тому, как в то же время южным культурным центром был Киев.

Отмечу любопытное обстоятельство: открывший в 1723 году при Холмогорском архиепископском доме славяно-латинскую школу «ученейший» архиепископ Варнава был

воспитанник Киевской академии и бывший учитель Московской академии; его окружали многие киевляне, студенты Киевской и Московской академий. Некоторые из них стали вскоре приходскими священниками вокруг Денисовки. При Варнаве в Холмогорской школе устраивались торжественные действа, мистерии, диспуты. Так, в северный центр были перенесены дары южной культуры. Если бы юноша Ломоносов не принадлежал к податному сословию или мог бы это скрыть (как сделал в Москве), он мог бы получить хорошее образование в Холмогорах в школе при архиерейском доме.

Всего сказанного достаточно, чтобы не считать Ломоносова легендарным выходцем из тундр.

Бойкая практическая, торговая и промысловая жизнь Поморья могла бы подготовить в Ломоносове смелого мореходца, предприимчивого промышленника, крупного купца. Таким и хотел его видеть отец, долго боровшийся с стремлением сына отдаться духовным интересам.

Но откуда возникло это стремление? Чем оно воспитано?

И на этот вопрос красноречивый ответ дает знакомство с северно-русской историей.

Духовная культура Поморья была не менее богата, чем материальная. Кое-что указано выше, но следует изложить и другие факты.

На Севере существовало много монастырей с высоким религиозным подъемом и культурным уровнем, и среди них такие знаменитые, как Соловецкий или Антониев-Сийский. Последний находился ближе к Холмогорам, стало быть, более важен для нас, так как мог непосредственно влиять на Ломоносова. В монастыре еще с конца XVII века существовала типография; сам основатель монастыря, Антоний Сийский, был искусен в иконописании, и от него это искусство сохранилось и развивалось в монастыре, например, через монаха, потом архимандрита монастыря Никодима, близкого ко времени Ломоносова. В монастыре была собрана замечательная художественная коллекция: Сийский иконописный подлинник, «цельная иконографическая система

в образцах»; в собрании находится до 500 рисунков в лист, в том числе и гравюры на меди. Вероятно, от монастыря живописная культура перешла и в Холмогоры. Здесь в начале XVIII века образовалась большая группа опытных иконописцев: целая семья Струниных (не менее четырех), Коротаев, Погорельский и многие другие, имена которых сохранились. Примечательно, что Иван Погорельский был живописцем-персонником, т. е. портретистом. Для Ломоносова, будущего мозаичиста-портретиста, это имеет большое значение.

Не меньше, чем православные монастыри, имели влияние монастыри старообрядческие. Ведь в них еще недавно действовали сам протопоп Аввакум и его крупные сторонники. В знаменитых Выговских монастырях орудовали братья Денисовы. В этих убежищах гонимой старой веры был высок подъем религиозно-нравственных движений. Но культура Выговских монастырей была так содержательна, что они должны считаться своеобразной старообрядческой академией. Как установлено новейшими исследованиями В. Г. Дружинина, в Выговской поморской пустыни изучались и светские словесные науки: диалектика, логика, риторика. Подъем идейный и этический здесь был так велик, что молодой Ломоносов был близко вовлечен в него. Редко кто знает, что Ломоносов в юности примкнул к толку беспоповщины и пробыл в нем около трех-четырех лет.

В связи с религиозной культурой необходимо отметить еще один вид культуры художественной. Если в Сийском монастыре и в Холмогорах процветала иконопись, то по всему Поморью простиралось искусство архитектурное. Только в XX веке впервые русское и западно-европейское искусствоведение высоко оценило это изумительное северно-русское зодчество, храмовое и гражданское. Эстетический вкус Ломоносова должен был неизбежно на нем воспитываться, и достойно запоминания то, что заботами его отца в 1728 г. в Денисовке была воздвигнута каменная, хорошего вкуса, Димитриевская церковь, существующая и поныне. Художественная обработка утвари, резьба по кости и дереву (на Севере дольше, чем в центре, держа-

лись в храмах скульптурные иконы), богатый поморский костюм, пышные, глубоко-драматизированные обряды: свадебные, похоронные, рекрутские, аграрные,—всё, чем мы любуемся и теперь, и что стимулирует современную художественную мысль,—всё это несомненно воспитывало както Ломоносова.

Но было одно искусство, которое должно было ближайшим образом подготовлять будущего поэта: устная поэзия. В XVII веке на Север из Московии переселились гонимые центральной властью скоморохи, эти старорусские профессиональные артисты. Они принесли с собой в Поморье свое сложное искусство: поэтическое, музыкальное, вокальное, хореографическое. Позднее оно разложилось,—в нем отмерло всё, кроме пения былин, но ко времени Ломоносова многое сохранялось несравненно лучше, чем к половине XIX века, когда явились на Север исследователи. В монастырях, особенно — в раскольничьих пустынях, тогда пышно расцветал другой вид устной словесности: духовный стих и легенда. И если нас и теперь поражает исключительное, несравнимое богатство северно-русской поэзии: былин, сказок, духовных стихов, причитаний, легенд, драматических пьес и т. д., то в ломоносовское время это богатство было еще обширнее и даже еще нарастало на глазах современников. Недопустимо, чтобы Ломоносов в Холмогорах и в десятилетних скитаниях с отцом по всему Поморью не заслушивался постоянно этой дивной поэзии.

Еще одна черта. В 1703 году в Архангельске у иноземца Ивана Антонова была представлена первая комедия, «на которой были воевода и всякие люди, как мужи, так и жены, и при которой брало по гривне с каждого человека». В Москве только годом раньше, в 1702 г., была открыта публично комедийная храмина.

Такова была культура Севера, когда в конце 1730 г. Михайло Ломоносов покинул Денисовку и отправился в Москву за наукой. Он шел в большую столичную культуру, но нес с собой дары немалой культуры областной. После вышеуказанного не будет звучать парадоксом утвер-

ждение Ф. А. Витберга: «Ломоносов мог явиться именно только с севера».

Но если Поморье делегировало в столичную культуру Ломоносова, дав ему такую хорошую подготовку, то, конечно, он не мог быть единственным питомцем этого гнезда.

Действительно, Ломоносов не был одинок. В те же десятилетия русский Север выдвинул немало других даровитых деятелей просвещения. Таковы: В. В. Крестинин и А. И. Фомин, местные историки, собиратели памятников старины, основавшие в 1759 г. в Архангельске первое в России частное историческое общество, просуществовавшее девять лет. Этим ревнителям истории наука обязана сбережением таких памятников, как «Устав князя Владимира и сына его Ярослава», «Русская Правда», «Двинский летописец» и др. Крестинин был первым историком Холмогор, Архангельска и Двинской области, а Фомин—первым книгопродавцем в Архангельске и первым директором народных училищ. Таким же деятелем просвещения был П. И. Рычков, по происхождению холмогорец, историк Оренбурга, топограф, металлург, плодовитый писатель по натуральным наукам, первый член-корреспондент Академии Наук. Все трое много печатались в «Ежемесячных сочинениях» Академии Наук; Крестинин и Фомин, как и Рычков, были избраны ее корреспондентами. «Таким образом,—заключает Ф. А. Витберг,—Холмогоры дали нам всех первых русских членов нашей Академии». Любители книг были и в Денисовке: таков богатый крестьянин Христофор Дудин; это у него береглись старинная грамматика Смотрицкого и тогдашняя обширная, в шестьсот страниц, энциклопедия для самообразования—арифметика Магницкого,—две книги, ставшие для Ломоносова «вратами учености». А у Баженинных на Вавчугской верфи образовалось целое обширное книгохранилище.

Но самым значительным представителем северной культуры следует после Ломоносова признать знаменитого скульптора Ф. И. Шубина, создавшего столько превосходных изваяний. Правда, он ушел из той же Денисовки в столицу тридцатью годами позже Ломоносова (и потому

уже не в Москву, а в Петербург), но замечательны его связи с северной родиной. Направление к скульптуре было предуказано Шубину резьбой из кости и перламутра и по дереву, какая процветала в Поморье и которой он овладел еще в детстве. По свидетельству краеведов, и теперь еще в Ломоносовке есть дети-кустари, умеющие вырезать ножом и стамеской любую вещь из дерева. Замечательны и связи Шубина с Ломоносовым. Это именно отец Шубина, Иван Афанасьевич Шубный,—крестьянин Куростровской волости, Холмогорского уезда, односельчанин Ломоносова,—выучил мальчика грамоте. Зато и Ломоносов, когда младший Шубин попал в Петербург, помог ему определиться на службу (в придворные истопники!), а потом и в Академию художеств. К слову сказать, другой односельчанин Ломоносова, Петр Дудин, в 1750 годах обучался в Петербурге при содействии знаменитого земляка «рисовальному художеству и наукам».

Итак, Поморье конца XVII и начала XVIII вв. проявляло необычайное движение. Здесь процветали промыслы,—морские, речные и сельские. Здесь велась обширная торговля по речным, морским и сухим путям. Поддерживались непрерывные сношения с Англией, Норвегией, Голландией. Работали огромные корабельные верфи; при них и отдельно действовали многочисленные и разнообразные механические мастерские. Материальной культуре не уступала в подъеме культура духовная. В монастырях собирались рукописи, печатались книги, работали иконописные мастерские, школы. Раскол проявлял необычайное напряжение сил и создавал вокруг себя религиозное брожение. На русском Севере слагалась богатая и оригинальная архитектура—церковная и гражданская, процветало прикладное искусство,—в частности резьба из кости. Бывали театры—школьный и публичный. Холмогоры были центром всего движения. В городе и вокруг него действовали верфи, мастерские, школы и проч. Денисовка была пригородом Холмогор; ее жители являлись деятельнейшими участниками поморского торгово-промышленного движения. Ломоносовы были тесно связаны с Холмогорами

и Архангельском (там жили и служили многие их родственники). В Денисовке жило много крепких, деятельных семейств, связанных тесно с Ломоносовыми; среди них и вокруг них было немало любителей просвещения. Через Холмогоры на Москву и обратно шло постоянное движение. Односельчане Ломоносова нередко ездили в Москву и оставались там подолгу.

Культура Севера была богата. Она воспитала Ломоносова и хорошо подготовила его к восприятию столичной и европейской культуры. Она же воспитала и других замечательных деятелей, действовавших в середине XVIII века. После всего, что изложено выше, не поразит то обстоятельство, что из одной и той же Куростровской волости, на протяжении двадцати лет, вышли: гениальный ученый поэт Ломоносов, славный скульптор Шубин и даровитый натуралист Рычков. Наоборот, странно было бы обратное: если бы такая богатая среда не выдвинула крупных питомцев.

4.

Показательность северно-русского культурного центра именно в том и заключается, что он воспитал не одного Ломоносова, а целую группу выдающихся его современников и земляков.

И это явление будет наблюдаться всякий раз, как мы станем изучать то или иное областное культурное гнездо, сколько-нибудь крепкое и давнее.

В те годы, когда гениальный помор, закончив ученье в Москве и за границей и утвердившись по возвращении в Петербург в Академии наук, развивал там кипучую деятельность,—в молодую столицу, ставшую уже мощным центром, были привлечены питомцы иного, но тоже северного гнезда—ярославского. Старый Ярославль, с его богатствами художественных памтников архитектуры и живописи, с его бойкой торгово-промышленной жизнью, с его разнообразными образовательными средствами сумел отправить в столицу делегацию—и опять не единоличную, а групповую. Группа талантливых ярославцев, во главе

с братьями Волковыми и Дмитревским, оказалась нужна новой затее Петербурга—постоянному публичному театру, и провинциалы-ярославцы быстро заняли блестящее положение в столице в начале пятидесятых годов XVIII века. Но эта делегация не была единственной. Воспитательные средства ярославского культурного гнезда были так обильны, что и позже, во второй половине века, Ярославль высылал в Петербург своих питомцев; таковы известные писатели екатерининского времени: М. Д. Чулков, В. И. Майков, В. М. Попов. Примечательно, что в Ярославском крае появился первый областной журнал: «Уединенный пошехонец».

Когда, столетием позже, в столичных журналах стали печататься свежие, оригинальные песни Кольцова, появление в литературе воронежского «прасола» можно было рассматривать как случайность, каприз судьбы. Но вскоре за смертью Кольцова в столичной печати появляются произведения другого воронежского поэта Никитина. И уже в пятидесятые годы стали догадываться, что в этом выдвижении двух значительных поэтов нет случайности, что тут следует искать каких-то общих причин. Новейшие исследования А. Г. Фомина с очевидностью доказали, что Кольцов и Никитин были только более яркими представителями целой группы культурных и литературных деятелей, воспитанных воронежским областным гнездом. Второв, Де-Пуле и другие литераторы и деятели просвещения образовали вокруг двух поэтов довольно многолюдную группу.

В те же пятидесятые годы один за другим в Петербург прибывают питомцы Саратовского культурного гнезда: Чернышевский, Иринарх Введенский, А. Н. Пыпин, Г. Е. Благосветлов, Д. Л. Мордовцев. Они так близки друг другу социально, идеологически, наконец—по характеру литературной деятельности, что и в этом дружном выступлении сразу можно было угадывать какую-то обусловленность. И позднейшие разыскания Е. А. Ляцкого и других убедительно раскрывают, какая культурно-зрелая и социально-однородная среда воспитала и потом выслала в столицу эту группу критиков и публицистов.

. Все эти областные культурные гнезда, как и многие еще иные, объединены тем признаком, что издавна накапливая местные культурные средства, они воспитывали исподволь своих питомцев, которые потом перемещаются в столицу.

Но есть областные культурные объединения иного типа. Бывает, что в город, дотоле незаметный, собираются отовсюду готовые, зрелые деятели культуры и здесь наново налаживают бодрую общественную деятельность. Таков пример Самары девяностых годов. В глубоко провинциальный, малокультурный (впрочем, очень бойкий по торговле и быстро растущий) город собрались, вольно или невольно, единомышленники нового направления—марксисты, и вот неожиданно—не в столице, а в провинции—организовалась первая в России марксистская газета: «Самарский вестник». Плеханов, Ленин, П. Маслов, Гвоздев-Циммерман и другие выдающиеся представители марксизма, лично бывавшие в Самаре или посылавшие туда свои статьи, локализировали там важный момент общественно-идеологического движения. Приехавшие в Самару (тоже со стороны) Горький, Чириков, Скиталец добавили к этому свое литературно-художественное творчество. Правда, это гнездо, наскоро слаженное, быстро и распалось, но в течение 1896—1897 гг. «Самарский Вестник» сосредоточивал на себе внимание русского общества и оказывал сильное влияние на умы. Здесь формировалось мировоззрение молодого Чирикова. На столкновениях с «Самарским вестником» созревали взгляды Горького, жившего тогда в Самаре и писавшего фельетоны в «Самарской газете» под посевдонимом Иегудила Хламиды. Из Самары этих лет вышел в столичную литературу Скиталец-Петров.

К числу таких же культурных гнезд, образовавшихся не столько внутренним ростом, сколько приселением со стороны, следует отнести Иркутское гнездо пятидесятых-шестидесятых годов XIX века. Конечно, и в самом Иркутске имелись некоторые местные культурные силы, и, что не менее важно, крупное хозяйственно-политическое значение его было дано раньше. Но все-таки расцвет иркутской обще-

ственности середины века обусловлен деятельностью лиц не местного происхождения,—начиная с известного генерал-губернатора, пресловутого графа Муравьева-Амурского. Около него, а потом и в борьбе с ним, собралось в Иркутске много «чужестранцев», ссыльных, необычайно богатых культурой и дарованиями. Это, прежде всего, петрашевцы: сам Буташевич-Петрашевский, Спешнев, Львов. Сюда же был прислан Бакунин. Сюда потянули и некоторые декабристы. Такое необычайное сгущение культурных деятелей высокой европейской марки в далеком областном городе с неизбежностью должно было отозваться на расцвете местной жизни. И, действительно, сразу началось оживление. Исследовались естественные богатства области, изучался ее этнографический состав, ее хозяйственная жизнь, политико-географические условия. Налаживалось учебное дело. Трудами иркутского Восточно-сибирского отдела Русского географического общества организовывались богатые результатами экспедиции. Под умелым редактированием петрашевца Спешнева казенные «Иркутские губернские ведомости» превратились в содержательный общественно-научный орган. А вслед за «Ведомостями» возникла и частная газета «Амур». В газетах писали и декабристы и петрашевцы. Немудрено, что иркутское общество было захвачено энергичным движением, поднятым политическими ссыльными. Некоторые частные эпизоды обостряли это движение: такова борьба между Бакуниным и Петрашевским, такова история с дуэлью между иркутянами Неклюдовым и Беклемишевым. Иркутск становился настолько заметным, что ему немало внимания уделял лондонский «Колокол» Герцена.

Иркутское областное гнездо еще не изучено, как следует; не обследованы, например, иркутские газеты пятидесятых годов, а в них нас еще ждут ценные находки. После новых изучений значение Иркутска в культурной истории Сибири обозначится еще ярче. Но мне здесь важно указать, что Иркутское гнездо выслало своих делегатов и в общерусскую культуру. Среди них, правда, не оказалось крупных представителей искусства. Но воспитанни-

ком Иркутска был такой почтенный деятель, как Н. А. Белоголовый, связавший свое имя с декабристами, с Салтыковым, Некрасовым, Елисеевым, Тургеневым, Герценом, Огаревым. Еще значительнее деятельность С. С. Шашкова, на исторических, критических и публицистических статьях которого воспитывалось не одно поколение читателей столичных журналов, а он начал свою литературную работу именно в иркутских газетах шестидесятых годов.

Иркутское гнездо складывалось усилиями пришельцев—и таких мощных, как Петрашевский, Бакунин, Спешнев. Но только-что мы видели, что поднятое ими движение не замедлило дать плоды и в местной жизни. Вскоре культурно-общественное движение в Сибири проявилось и в других местах и обострилось настолько, что привело к первой серьезной постановке общей проблемы областничества.

Огромные естественные богатства Сибири, своеобразное, крепкое, не знавшее крепостничества русское население, богатая хозяйственная и промышленная жизнь, отдаленность от Европейской России—всё это обособляло Сибирь и неизбежно ставило перед сознанием сибиряков проблему автономии. Отсюда идет замечательное движение сибирского областничества, выдвинувшего таких сильных людей, как Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин. В 1865 году администрация создала уже целый процесс против «сибирских сепаратистов», процесс, тенденциозно ею преувеличенный, но показательный для важного идеологического момента: оформления принципа областничества.

Областничество—это уже не фактическая наличность того или другого местного культурного запаса; это—осознанная тенденция, учет живых местных сил, стремление организовать их к дальнейшему развитию и противопоставить нивелирующему центру. Областничество—это практическое осознание того, что долго не было осознано столичной русской наукой теоретически. Областничество может опираться только на созревшие силы. В России оно возникает с шестидесятых годов, т. е. со времени общего подъема социально-политического движения.

Редко кому известно, что в семидесятых годах на Волге, создавшей несколько культурных гнезд (Ярославское, Казанское, Нижегородское, Саратовское), это областничество нашло себе идеологическое оформление и свой собственный орган. В 1872—1874 годах в Казани издавалась политическая и литературная «Камско-Волжская Газета». В ней работали убежденные областники и энергичные местные деятели: А. С. Гацисский, Н. Я. Агафонов, К. В. Лаврский. Вскоре после ее закрытия известный публицист и беллетрист Д. Л. Мордовцев, сам областник и по происхождению, и по настроениям, опубликовал статью: «Печать в провинции» («Дело», 1875 г., IX—X), где неожиданно высказался скептически относительно будущего провинциальной журналистики. Его статья была сигналом к ожесточенной полемике в печати, в чем приняли участие и трое названных волжских журналистов (особенно—Лаврский). Эпизод—очень показателен для понимания воинствующего провинциализма и областных культурных движений. Однако и он, как и многое другое, не изучен, попросту—забыт.

5.

На примере Ломоносова или Никитина, или Чернышевского можно ясно увидеть, как воспитательно и предопределяюще воздействует культурное гнездо на отдельного своего питомца. На тех же примерах мы убедились, что крупные представители областной культуры вступают в общерусскую, столичную культуру не одиноко, а вместе с спутниками, иногда многочисленными.

Но часто бывает, что такие делегаты областей в столичной культуре растворяются, теряя свои характерные черты, стилизуясь постоличному—как идеологически, так и житейски. «Много я в Петербурге уже передумал и перечувствовал нового, все мои провинциальные элементы должен был переработать и слить с столичными»,—пишет Г. Е. Благосветлов своему учителю по Саратовской семинарии Саблукову через полтора года по приезде в столицу.

В таких случаях схема взаимоотношений сводилась бы

к поглощению столицей даровитого провинциала, т. е., в конце концов, к той же централизации. Так оно чаще всего и бывало, и историку культуры иногда с трудом приходится улавливать характерные местные черты в облике овладевшего столичной культурой провинциала. Вместе с академиком Вернадским мы можем утверждать о научных уклонах Ломоносова: «Вопросы северного сияния, холода и тепла, морских путешествий, морского льда, отражения морской жизни на суше—всё это уходит далеко вглубь, в первые впечатления молодого помора». Однако ясно, что проработав три года в Марбурге, два во Фрейберге, овладев всем богатством европейской науки, Ломоносов уже новым человеком взирал на северное сияние и морские явления.

Другое дело, если бы столица сама заимствовала что-нибудь у провинции, если бы местный край не просто подготовил хорошо своего питомца к движению в русле столичной культуры, но внес в нее нечто свое, оригинальное, новое, создал особое направление в литературе, в искусстве, в идеологии.

Может ли что-нибудь в русском областном движении ответить таким ожиданиям?

Если даже для Франции, за исключением национальных движений провансальского и бретонского, мы затруднились бы при всей разработанности исторических материалов подыскать сразу убедительный пример, то тем труднее это для России с ее принудительной централизацией и меньшей общей культурностью.

Однако, всматриваясь, и здесь мы получим любопытные наблюдения: областная дифференциация и подъем культуры зашли уже так далеко, что можно указать выразительные образцы целостных культурных движений, создававшихся в провинции и переходивших потом в столицу.

Таков пример Казанского культурного гнезда начала XIX века.

«Вся моя будущность определилась этой поездкой»,— говорит С. Т. Аксаков в своих воспоминаниях о первом приезде в Казань. И это, конечно, не преувеличение. Изучив

учебные годы гениального мемуариста, мы иначе и думать не можем. Всего около семи лет провел Аксаков в Казани, но он сделал здесь такой большой культурный запас и так воспитался и созрел, что затем во всю свою долгую жизнь питался этим запасом и оставался неизменным. Для Казанского культурного гнезда было бы довольно, если бы мы сумели указать, как на его питомца, на такого крупного писателя, каким является С. Т. Аксаков.

Проследить, как Казань воспитывала Аксакова, теперь можно легко по обилию материалов, легче, чем проследить влияние Поморья на душу Ломоносова. Сам Аксаков оставил обширные воспоминания о Казани; они теперь проверены подлинными архивными документами в обширных исследованиях профессоров Булича, Загоскина и Архангельского. Вместе с многими иными данными они воссоздают казанскую жизнь конца XVIII и начала XIX вв. пластически ощутительно.

Культурное воспитание Аксакова началось с Казанской гимназии. Это была давняя, третья в России по времени учреждения (1758 г.), гимназия. Ведь в ней учился еще Державин. Ко времени Аксакова она располагала незаурядными силами. Здесь преподавали будущие профессора Казанского университета: математик Г. И. Карташевский, физик И. И. Запольский, классик Эрих, философ Левицкий, а также учитель-словесник Н. И. Ибрагимов, о котором так тепло вспоминает Аксаков. Из них Карташевский,—и по оценке Аксакова, и по другим данным,—был крупным человеком и профессором; поставив прекрасно преподавание математики в Казанском университете, он потом выдвинулся на административном поприще, был ректором Виленского университета, попечителем Белорусского учебного округа, умер сенатором. Он был ближайшим воспитателем Аксакова, живал по летам в его семье, и потом женился на его сестре.

Среди товарищей Аксакова по гимназии было на редкость много выдающихся людей. Таковы братья Перевощиковы: Дмитрий стал потом знаменитым математиком и астрономом, Василий—профессором словесности сначала в

Казанском, потом в Дерптском университете. Таковы братья Княжевичи: Александр, будущий министр финансов, и Дмитрий, будущий попечитель Одесского учебного округа. Таковы П. Кондырев—будущий казанский профессор, Тимьянский—будущий адъюнкт, братья Панаевы, да и другие. Это были не просто товарищи по гимназии или по классу, это были приятели, тесно связанные дружбой и духовными интересами. Замечательно, что они чуть не все были увлечены литературой, много читали на русском и иностранных языках, переводили, вскладчину издавали рукописный журнал. Впоследствии и братья Княжевичи, и Вл. Панаев, и В. Перевощиков, не говоря об Аксакове, много печатались в тогдашней журналистике.

Случилось так, что дарованиям этих гимназистов открылось дальнейшее поприще: в 1805 году начал действовать Казанский университет. В университете, помимо переведенных туда профессорами выше названных четырех учителей гимназии, нашлись и другие даровитые воспитатели молодой мысли, например натуралист Фукс.

К научным возбуждениям в университете прибавилось еще эстетическое—театр. Характерной чертой русского университетского быта начала XIX века были студенческие спектакли. Особенно хорошо они были организованы в Московском университете, где еще с XVIII века был постоянный театр, большой запас декораций и костюмов, давние и опытные руководители, даже свои собственные пьесы. В истории университетов, а также и в истории русской сцены и драмы, такие спектакли сыграли заметную роль. В Казани они были еще внове, но воспоминания Аксакова не оставляют сомнений в том, что они стали огромным возбудителем эстетической жизни. Аксаков на всю жизнь остался театралом, и в его литературном наследии масса работ по театру. Но и другие студенты, будущие литераторы, взяли от этих спектаклей немало.

Следует тут же добавить, что в Казани начала XIX в. уже действовал постоянный и недурно налаженный публичный театр (под управлением Есипова). И как раз в студенческие годы Аксакова приезжал на гастроли изве-

стный столичный актер Плавильщиков; он имел огромный успех и надолго задержался в Казани.

Но здесь мы уже переходим из университета в общественную жизнь. Вместе с тем и С. Т. Аксаков перестает быть центром внимания и вмешивается в многолюдную группу выдающихся питомцев и деятелей Казанского культурного гнезда.

Культура Казани первого десятилетия XIX в. не исчерпывалась молодым университетом. С давних времен, с двадцатых годов XVIII века, там существовала духовная семинария. В 1797 г. она была преобразована в академию, и некоторые деятели той и другой участвовали в общей культурной работе города.

При гимназии еще с 1762 г. состояла книжная лавка, одна из первых в провинции. В 1801 году при гимназии же заведена «Азиатская» типография, названная так потому, что она печатала Коран и множество религиозных и церковно-юридических мусульманских книг, а также и других на арабском, персидском, турецком языках; книги расходились по всей России и Средней Азии и доходили до Восточной Индии. В 1805 году, т. е. в год открытия университета, в Казани появилась первая русская типография — при губернском правлении. В 1809 г. учредилась вторая — при университете. И с тех пор книгопечатание в Казани развивается.

Имея важное административное значение, находясь у слияния водных путей Камы и Волги, будучи крупным центром торговли и промышленности, Казань издавна притягивала к себе большой областной район. Сюда тянули губернии Пензенская, Симбирская (включавшая и будущую Самарскую), Уфимская и другие. Еще в последней трети XVIII века культурный подъем Казани явственно обозначился. Не считая Державина и драматурга Веревкина, которые вышли в столичную культуру из Казани, но не были тесно связаны с местной жизнью, следует отметить старинную семью тетюшских помещиков Панаевых; здесь поддерживались личные связи с Державиным; увлечение литературой здесь было традицией; отсюда выделились Вла-

димир Панаев, идиллик, о коем речь ниже, и потом И. И. Панаев, беллетрист и критик, создатель Некрасова. Но для раннего литературного движения, еще в конце XVIII века, следует выделить особо поэтов: Г. П. Каменева и С. А. Москотильникова. Это были большие друзья, тесно связанные литературными интересами. С первого знакомства и до смерти Каменева они шли одной дорогой. Москотильников был на четыре года старше, и родом был не из Казани, а из Ярославля. Однако еще в 1793 г. он переехал в Казань и прожил там до смерти (в 1852 году), т. е. шестьдесят лет, деятельно участвуя в культурной работе. В Казань Москотильников приехал опытным литератором; он уже печатался в московских журналах Новикова и был автором трагедии «Остан». В Казани он писал стихотворения и трудился над переводом (с французского) Тассова «Освобожденного Иерусалима». Впрочем Москотильников не имеет такой характерной поэтической индивидуальности, как его младший друг Каменев (род. в 1772 г., умер в 1803 г.), купец по происхождению, получивший, однако, дворянское воспитание в «благородном пансионе» немца Вюльфинга (которого позднее знал и Аксаков). Здесь он овладел иностранными языками—французским и особенно немецким,—и это широко открыло ему двери в европейские литературы. Минуя русское литературное посредничество в виде переводов и подражаний в столичной печати, к чему обыкновенно прибегали начинающие провинциалы, Каменев в подлинниках знакомился с французскими и особенно немецкими шумевшими тогда поэтами: Коцебу, Шписом, Клейстом, Гесснером. Их он много переводил в прозе и в стихах.

Эту особенность необходимо отметить. В изучаемом нами соотношении провинции и столицы для выходца из провинции обычен путь усвоения культуры сначала на месте, потом в столице и только изредка после столицы—на Западе. Так было с Ломоносовым, Шубиным. Но в истории Казанского культурного гнезда наблюдаем своеобразный вариант: в XVIII веке Каменев, в первые десятилетия XIX Панаев и Перевощиков, минуя традиционное по-

средство столицы, почерпнули свое литературное вдохновение ex ipsa fonte—из немецкой поэзии. Относительно Каменева можно даже сказать, что, получив у Вюльфинга хорошее немецкое литературное образование, он русской литературой овладел позднее, не в школе, а самостоятельно; порусски до конца жизни он писал безграмотно. Правда, очень рано он не только переводит, но и пишет оригинальные стихотворения и прозаические рассказы, усвоивая русский поэтический язык и становясь хорошим стилистом. Он усваивает сентиментальную манеру, господствующую тогда в Европе. Проф. Бобров, тщательно изучивший биографию и творчество Каменева, пришел к замечательному выводу, очень важному для нас: «Он не начал, как это обыкновенно бывает, с подражания отечественным классикам. Сидя у себя в Казани, вне живого общения со столичными литературными кружками, Каменев вошел в русскую литературу как бы извне, со стороны, и литературное новаторство—введение сентиментализма в русскую литературу—принадлежало ему не как подражателю Карамзина или Радищева, первых русских сентименталистов, но наравне с ними. Он—не рядовой боец в дружине Карамзина, а самостоятельный поборник того же дела, предпринятого им независимо от других нововводителей».

Каменев пишет с начала девяностых годов, и вскоре его произведения уже печатаются в петербургских и московских журналах. В 1799 и 1800 гг. он предпринимает поездки в Москву, в 1802 г.—в Петербург, и в столицах принят дружески, на равной ноге, у Карамзина, И. И. Дмитриева, масонов И. В. Лопухина и И. П. Тургенева и др. В Петребурге он был избран в члены «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», где работало много свежих литературных сил. После сентиментализма Каменев пережил перелом к романтизму. И здесь хронологическими и литературными справками биограф устанавливает, что Каменев опередил Жуковского: баллада Каменева «Громвал» является первой русской оригинальной балладой. В литературной традиции сохранилось суждение Пушкина о Каменеве, заявленное казан-

ской поэтессе А. А. Фукс: «Этот человек достоин был уважения: он первый в России осмелился отступить от классицизма. Мы, русские романтики, должны принести должную дань его памяти: этот человек много бы сделал, если бы не умер так рано».

Каменев, действительно, умер очень рано, в 1803 году. Его не знал в Казани и не говорит о нем в воспоминаниях Аксаков. Но новейшая литературная наука выдвигает его, как раннего русского романтика. Для нас выступление этого провинциала в авангарде общерусского литературного направления имеет особое, типологическое значение. Замечательно, что Каменев и Москотильников—как начали, так и кончили свою деятельность в провинции, не переселяясь в столицу.

Это обозначало, что и в Казани культурная среда была уже достаточно насыщена. К кругу Москотильникова и Каменева примыкали преподаватели главного народного училища в Казани И. И. Чернявский (впоследствии профессор Виленского университета), В. Р. Бобровский, С. В. Смирнов, префект казанской духовной семинарии, К. С. Орлов, литераторы Д. Н. Зиновьев (будущий издатель «Казанских Известий»), И. А. Второв и другие. Особо следует отметить цивильского помещика Н. С. Арцыбашева, знатока русской истории, автора критического свода летописей, известного антагониста «Истории Государства Российского», критику коего на Карамзина так ценят позднейшие историки. Любопытно, что начало возражений Арцыбашева Карамзину появилось в местном органе—в «Казанском Вестнике» 1822 года. И Арцыбашев большую часть своей жизни прожил в провинции, в Цивильске и Казани.

Это была первая литературная казанская группа, на грани двух веков. После ее подготовки и при содействии молодого университета вырастает новое литературное поколение, о котором речь шла выше,—поколение Аксакова, Княжевичей, Перевощиковых, молодых Панаевых. К ним присоединяются и другие. Литературных интересов и сил накопилось так много, что простого дружеского общения

становилось мало. Из студенческого литературного кружка несколькими градациями возникло правильно организованное «Общество любителей отечественной словесности». Оно учредилось раньше аналогичного общества при Московском университете и существовало долго. Во главе его встал профессор русской словесности Г. Н. Городчанинов. Он появился в университете еще при Аксакове, и Аксаков вспоминает о нем недоброжелательно, как об отсталом педанте. Однако Городчанинов был переводчиком знаменитого рассуждения аббата Рейналя «История обеих Индий» (перевод выдержал два издания). Он писал стихи, повести, комедии, критические статьи, издал руководство по теории словесности. Городчанинов состоял в деятельной переписке с Евгением Болховитиновым и адмиралом Шишковым, приверженцем коего он являлся в литературе. И сам Аксаков как раз в это время сделался горячим шишковистом; шишковистом был и идиллик Панаев.

За учреждением литературного общества последовало основание периодического органа: с 1811 года при университете стали издаваться «Казанские Известия», одна из первых провинциальных газет. В «Известиях» печатались как профессора, так и другие казанские литераторы; при всех недостатках первого опыта газета стала сильным органом краевой культуры.

Казанское культурное гнездо конца XVIII в. и первого десятилетия XIX имеет, как мы убедились, многие черты, отличающие его от других областных гнезд. Особенностью тут является организованность культурной работы. В Северном крае Ломоносов, Шубин, Рычков собирали культурный запас отовсюду, вразбродь, были культурными одиночками. Саратовцы—Чернышевский, Введенский, Благосветлов—тоже не были связаны в родном городе в какую-нибудь широкую организацию. В Казани же гимназия, университет, литературное общество, периодическое издание объединяли, сплачивали в целую обширную группу деятелей. И деятели эти не разбредались в разные стороны, но оставались в одном гнезде. Наконец, важной чертой является то, что местные деятели, как Каменев, вступая

в столичную, общерусскую культуру, привносили в нее нечто готовое, созревшее дома, в общении с более мощным источником культуры—европейским.

В этом отношении необходимо в казанской культуре отметить еще одну группу явлений.

В 1810 году в Казань прибыл из-за границы вновь приглашенный профессор физики Ф. К. Броннер. Физиком он оказался неважным, но это был поэт с известным в Европе именем. Ему тогда было около пятидесяти лет, и он был автором многих поэтических произведений и обширных воспоминаний-исповедей, по своей литературной значительности стоявших не ниже его поэзии. Как поэт, Броннер был известен в Германии своими идиллиями; в этом жанре он был продолжателем Гесснера, с которым был в давнем дружеском общении. Гесснера в России много переводили в семидесятых и восьмидесятых годах XVIII века; потом увлечение идиллическим жанром упало. Теперь в Казань явился видный поэт-идиллик, полномочный представитель немецкой литературы. Он не мог остаться без воздействия на казанских словесников. Для большинства студентов его влияние было ослаблено тем, что он не говорил порусски. Но те, кто владел немецким языком, могли тем ближе подойти к писателю. Вскоре один из них, Василий Перевощиков, в «Российском музеуме» Измайлова в 1815 году с первых же номеров начинает печатать переводы «Броннеровых идиллий». Под влияние Броннера подпадает и другой молодой казанский литератор Владимир Панаев. В 1820 г. Панаев печатает, уже в Петербурге, отдельной книгой «Идиллии» и в приложении помещает «Рассуждение о пастушеской поэзии», а двумя годами позже, в 1822 г., Перевощиков в Дерпте издает свои «Опыты»—тоже в идиллическом жанре. И тот и другой не были выдающимися поэтами. Но войдя в Казани в непосредственное общение с европейским представителем жанра, своим дружным выступлением они воссоздали идиллию в русской литературе. Идиллии Гнедича («Рыбаки», 1821 г.) и Дельвига (начиная с «Купальниц», 1824 г.) последовали за ними. Позднейшие

шая «русская идиллия» С. Т. Аксакова «Рыбачье горе» (1829) восходит по типу к Fischergedichte Броннера.

Итак, в актив провинциального литературного гнезда занесем это выдвижение литературного жанра в общерусский оборот.

6.

Однако в истории русской культуры есть еще более яркий образец воздействия краевой литературы на общерусскую.

В обыденном литературном мышлении Гоголь неразрывно слит с развитием русской, т. е. великорусской литературы. Он включается в continuum эволюции великорусских художественных стилей и школ; он связывается с великорусской поэтической традицией; в истории литературы его выступление мыслится таким же, как и Пушкина, и Грибоедова, и Толстого.

А Гоголь, между тем, совсем иной.

Те были чистокровные великоруссы, Гоголь—украинец.

В сознании позднейших поколений великорусского общества это глубокое различие не учитывалось. Но петербургские и московские писатели, в среду коих вступал Гоголь в начале тридцатых годов, еще остро воспринимали его инородность. И сам он, овладевая великорусской культурой и становясь общерусским писателем, не менее сильно ощущал свое исключительное положение. В 1844 г., т. е. после «Ревизора» и «Мертвых душ», Гоголь в письме к приятелю говорит: «Я, как вам известно, соединил в себе две природы: Хохлика и Русского». И еще: «Скажу вам одно слово насчет того, какая у меня душа, хохлацкая или русская, потому что это, как я вижу из письма вашего, служило одно время предметом ваших рассуждений и споров с другими. На это вам скажу, что я сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак не дал бы преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином». Споры о двух душах Гоголя продолжались и позже. В шестидесятых годах, когда впервые четко обозначилось украинофильское

движение, были уже заявлены попытки трактовать Гоголя, как писателя украинского, и П. Кулиш в «Основе» 1861 года говорил о Гоголе в «Обзоре украинской словесности». В девятисотых годах литературные и идеологические украинизмы Гоголя стали предметом научного исследования. Были изучены восприятия Гоголем украинской народной поэзии, этнографически-украинские черты в его повествованиях, связи его с литературной украинской традицией XVIII и начала XIX вв., украинизмы в его литературном языке, черты его украинского национализма, наконец национально-украинские черты в самом душевном складе его.

Всеми такими изучениями Гоголь оказался крепко связан с украинским миром в его этнических, исторических, языковых, фольклорных, литературных элементах. Его особенность, исключительность в русской культуре по сравнению с другими писателями-современниками тем самым определилась весьма четко.

И все-таки далеко не всё еще было сказано. Научными изучениями киевских и харьковских историков был истолкован Гоголь сам по себе как украинец. Но выступление и положение Гоголя вовне, в столичной, общерусской культуре, во многом объясняется особой обстановкой, в какой он там появился. А этот вопрос до сих пор не был разработан во всей полноте материалов и выводов.

Его решение связано с учетом всего исторического обмена между великорусской и украинской культурами.

Обмен начался, как только сформировались эти культурно-политические миры. Общеизвестно, как Московское государство получало из «юго-западной России», т. е. чаще всего из Киева, необходимые культурные силы: иерархов, профессоров для славяно-греко-латинской академии, литераторов разных родов, деятелей театра и т. д. Менее известно, что и в XVIII веке этот ввоз украинской культуры в Великороссию не ослабевал. В церковной жизни украинцы-«черкасы» становились тогда даже ненавистны великорусскому духовенству, как сильные конкуренты. И в мирской культуре украинское влияние было ощутительно. В политическом кругу приобретали властность такие вы-

ходцы из Украины и ее патриоты, как Разумовские, в круге артистическом—такие, как поэт Капнист, живописец Боровиковский; заметны бывали украинские музыканты, певчие и т. д. Но совсем необычайную картину воссоздает изучение первой трети XIX века. Здесь приходится говорить уже не об отдельных выходцах из Украины, вступавших в столичную культуру и с нею сливавшихся, но о групповых выступлениях, целом вторжении украинской культуры в великорусскую, о сильном и длительном областном влиянии.

Проявления его были многообразны. В Петербурге и Москве, особенно после 1815 года, стали часто появляться в журналах и отдельными изданиями разнообразные труды по изучению Малороссии: путешествия, исторические опыты и документы, этнографические описания. В 1818 г. в Петербурге появилась книга А. Павловского: «Грамматика малороссийского наречия, или грамматическое показание существеннейших отличий малороссийского наречия от чистого российского языка». А в 1823 г. в Москве Общество любителей российской словесности в своих «Трудах» напечатало «Собрание слов малороссийского наречия», писанное «особым правописанием малороссийским» и составленное И. Войцеховичем.

Обилие научных работ свидетельствовало об устойчивом и зрелом интересе. Но литературных публикаций было еще больше. В 1819 году кн. Н. А. Цертелев опубликовал «Опыт собрания старинных малороссийских песен». Успех народных песен был так велик, что «лучшие журналы и издатели той эпохи наперерыв спешили испрашивать у князя продолжения его заметок и извлечений». И действительно, в тогдашних столичных журналах, в «Вестнике Европы», «Благонамеренном», «Духе Журналов», «Северном Архиве» и других, постоянно печатаются украинские народные песни, лирические, эпические, юмористические, а также и сказки, и народные анекдоты—на украинском языке.

Впрочем, это еще было бы довольно обычно; но что поразительно и что потом стало невозможно в великорусской печати—это появление в петербургских и москов-

ских журналах беллетристики и художественной лирики на украинском языке. Так, например, один из крупнейших украинских поэтов, Артемовский-Гулак, нередко печатался у Каченовского в «Вестнике Европы». В 1827 году здесь были опубликованы его «казки»: «Батько та Сын» и «Рыбачка», «Малороссийская баллада» (из Гёте) «Рыбак» и «две оды Горациевы до Пархома»; из «Вестника Европы» украинские произведения Артемовского-Гулака перепечатывались в других великорусских журналах. В 1828 г. у Каченовского же напечатано стихотворение «предание»: «Молодыця» (подпись: N), в 1830—«два сонета малороссийские» (подпись: Ш.). В «Северных Цветах» на 1830 г. помещена песня И. П. Котляревского (из «Наталки-Полтавки»): «Ой маты, маты, серце не вважае». В 1835 г. в «Молве» печатается обширная «думка». И. Срезневского «Корний Овара. Як поконтрактувавсь козак Корний Овара из бисом и що з того було». Печатались и опыты в прозе. В «Новом живописце общества и литературы» при «Московском Телеграфе» за 1831 год была помещена целая пьеса на украинском языке: «Быт Малороссии в первую половину XVIII столетия». Название прическое, так как сразу видно, что изображается быт сего дня, только глубоко старосветский. Превосходная разговорная украинская речь, живой диалог, меткие очерки типов, правдивая бытопись, юмор—выделяют эту пьесу и приближают ее к Гоголю (автор скрылся под буквами Т. М.).

Не перечисляя всех таких публикаций, скажу только, что необычайный вид представляли тогда столичные великорусские журналы, пестревшие произведениями на украинском языке и с особой орфографией. Очевидно, интерес к Украине был так велик среди читателей, что издатели не боялись отпугнуть их иноязычной словесностью.

Но, разумеется, рядовому читателю доступнее была иная литература. Среди литераторов двадцатых-тридцатых годов оказались люди разных категорий. Были поэты, писавшие только на украинском языке. Но были и другие, которые одинаково охотно писали и поукраински и повеликорусски. Таковы Квитка-Основьяненко, Гребенка. Были, наконец, ли-

тераторы, рожденные и воспитанные на Украине, но переселившиеся на Север и писавшие в великорусской печати и повеликорусски. С родины они привезли хорошее знание украинского языка, украинской народной жизни, старопомещичьего быта и проч. Таков был известный романист-реалист В. Т. Нарежный. В 1824 году он издал свой, столь потом популярный во многих поколениях, роман из украинской жизни: «Бурсак»; двумя годами позже вышла его повесть «Два Ивана, или страсть к тяжбам»; известна была и его повесть «Запорожец»—с удачными картинами Запорожской Сечи. Менее известный, но очень культурный и плодовитый беллетрист О. М. Сомов, сотрудник Дельвига и Пушкина, уроженец Харьковской губернии и питомец Харьковского университета, постоянно брал для своих повествований украинские темы: «Гайдамак», «Ночлег гайдамаков», «Русалка», «Оборотень», «Киевские ведьмы» и т. д. Учитель Гоголя по Нежину, И. Кульжинский, в .1827 г. издал книжку «Малорусская деревня», где намечена уже бытовая тематика «Вечеров на хуторе».

Воздействие этого своеобразного движения было так сильно, что отражалось и на творчестве чисто-великорусских писателей. У лицеиста Пушкина, еще овеянного французской поэзией, неожиданно встречаем под 1814 годом стихотворение «Козак. Подражание малороссийскому». Его меланхолический друг Дельвиг в позднейшее время вдруг пишет (в 1830 г.) «Малороссийскую мелодию». Ф. Н. Глинка еще в 1819 г. пишет повесть «Зиновий Богдан Хмельницкий». А поэт-гражданин Рылеев, пожив в молодости некоторое время на юге, в Острогожске, оказался тесно связан с украинской литературой и гражданской традицией. В конце 1821 года уже готова дума Рылеева «Богдан Хмельницкий»; к 1823 г. относится другая дума с украинским элементом: «Петр Великий в Острогожске». «Исповедь Наливайки» и «Войнаровский» являются кульминацией литературного и гражданского украинизма Рылеева. В поэмах Рылеева чувствуется влияние украинской народной поэзии и исторических изучений. Но еще больше здесь гражданской патетики, которой недоставало многим тогдашним укра-

инским стихотворцам, но которая была, однако, в наличности в самом украинском обществе.

Итак, украинский и украинско-великорусский литературный репертуар в столичной печати двадцатых-тридцатых годов был обширен. Средства художественного языка; приемы литературного сказа; элементы этнографические, легендарные, демонологические, лирические, бытовые, исторические; образы и типы; темы, сюжеты и ситуации,—всё это было очень хорошо разработано еще до приезда Гоголя в Петербург. Когда стали появляться первые повести Гоголя, они так естественно входили в готовую традицию, что Н. А. Полевой, ничего еще не зная о молодом авторе, подозревал, что они написаны О. М. Сомовым.

Сказанное необходимо продумать, чтобы в полной мере усвоить то важное обобщение, какое делает исследователь-специалист В. В. Каллаш: «Малороссийские повести Гоголя не создали интереса к Малороссии в тогдашнем русском обществе, а, наоборот, шли навстречу уже вполне определившемуся интересу». Когда, в надежде славы и добра, девятнадцатилетним юношей, Гоголь въезжал (в 1828 году) в Петербург с идиллией «Ганц Кюхельгартен» в портфеле, он, наверно, не представлял, в какую сторону там повернется его поэтическое творчество. Но уже вскоре он пишет матери из столицы: «Здесь так занимает всех всё малороссийское». И уже торопит присылать украинские песни и другие материалы. Напечатанный было «Ганц Кюхельгартен» подвергается авторскому уничтожению, а писаться и печататься начинают украинские повести из «Вечеров». Таково было давление среды, целого широкого литературного течения.

И можно сказать с уверенностью, что в те молодые годы (а в известной степени—и никогда в жизни) Гоголь не освоил вполне того общего исторического украинского движения, которое только одним из многих своих оказательств имело литературные выступления в столичной печати. В этом движении присутствовали и его одухотворяли не только элементы литературные, но и национально-политические. Великорусс-путешественник А. Левшин в своих

Письмах из Малороссии» (1816) констатирует: «К сожалению, я должен заключить описание нравственности малороссиян неприятною чертою; я должен сказать о ненависти их к великороссиянам». В передовых кругах украинского общества жили предания о политической независимости, назревало всё больше национальное самосознание; в годы перед 14 декабря это отразилось попытками организовать тайное общество с целью добиться «независимости Малороссии» (что потом стало мотивом к арестам и предметом допросов в Следственной комиссии о декабристах). Правда, тайное общество не оформилось. Но политическое протестантство имелось налицо. Оно сказалось, например, в письме украинского патриота Н. М. Маркевича к Рылееву: «Позвольте мне вам писать, как истинный гражданин своего любезного отечества, как добрый малороссиянин. Итак, могу ли я хладнокровно читать «Войнаровского» и «Наливайку»?... Мы не потеряли еще из виду деяний великих мужей-малороссиян, во многих сердцах не уменьшилась еще прежняя сила чувств и преданность к отчизне. Вы еще найдете живым у нас дух Полуботка... Вы возвышаете целый народ,—горе тому, кто идет на усмирение целых стран, кто покушается покрыть презрением целые народы; и они ему платят презрением».

Можно с уверенностью сказать, что молодой Гоголь не переживал таких настроений; они миновали его. Правда, впоследствии, сблизившись с Максимовичем, он готов был резко отзываться о «москалях», противопоставлял им себя, как украинца, и готов был бросить Московию для национально-просветительной работы в Киеве. Но это не шло глубоко.

Зато в литературном украинизме тридцатых годов, будучи последними по времени выступления, Гоголь оказался первым по таланту. Можно согласиться с академиком Перетцом, что Гоголь, «как показывает анализ его первых повестей, скорее является в них художником-завершителем предыдущего периода развития малорусской литературы, нежели начинателем новой». Однако это был мощный завершитель, углубивший и обогативший всё движение. Он слов-

но исчерпал до дна поэтический источник. После него на Украине продолжалось непрерывное развитие национальной литературы и предстояло еще выступление Шевченка. Но в столичной печати украинская струя после повестей Гоголя иссякает. Только в стилистике, в особенностях новеллистического сказа, в обрисовке бытовых образов, в приемах юмора долго будет чувствоваться украинское влияние.

Сам Гоголь обращается к другим задачам творчества. В цитированном выше письме 1844 года Гоголь писал: «Я сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены богом и, как нарочно, каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой: ясный знак, что они должны пополнить одна другую».

Войдя в тесное общение с лучшими представителями великорусской художественной культуры: Пушкиным, Жуковским, Аксаковым и другими, овладевая, не без их содействия, и общеевропейской культурой, быстро возрастая и созревая, Гоголь ставит и разрешает новые проблемы романтики в «петербургских» повестях и реализма в «Ревизоре» и «Мертвых душах». Здесь он органичнее объединяется с великорусской литературой и ее поступательным ходом.

И в этом сказалось не только двойное богатство духовных сил Гоголя.

Его выдвинула в северно-русскую культуру Украина. Точнее говоря, выдвинула Слободская Украина. Эту оговорку необходимо сделать, чтобы избежать большого искривления в понимании дела. В том культурном движении, какое описано выше, меньше всего участвовала Киевщина, Приднепровская Украина. Изучив биографии тогдашних украинских деятелей, мы приходим к неизбежному выводу, что то были питомцы Харьковщины и Полтавщины. В частности, именно Миргород, с легкой руки Гоголя ставший нарицательным именем украинского захолустья, как раз дал многих выдающихся деятелей. Здесь сказалось общее хо-

зяйственное оживление Юго-Востока после овладения Россией черноморским побережьем и колонизации южно-русских степей в XVIII веке. А затем благотворную роль сыграли и культурные надстройки: Харьковский коллегиум, молодой Харьковский университет, потом Нежинская гимназия высших наук, харьковская журналистика и книгоиздательство александровского времени, Филотехническое общество и т. д. Слободское дворянство испытывало тогда необычайный подъем, и это сообщило такое цветение украинской культуре.

Но культура эта не была, однако, целостной, беспримесной. Великоруссизмы вторгались в нее ничуть не меньше, чем украинизмы в столичную печать двадцатых-тридцатых годов. Преподавание в Харьковском университете и в Нежинской гимназии велось на великорусском языке. Харьковские журналы печатались повеликорусски. И что еще показательнее—руссификация вторгалась глубоко в домашний быт. В самый разгар украинского влияния в великорусской журналистике булгаринская «Северная пчела» уже имела основания злорадствовать: «Все пишущие и читающие малороссияне отказались от родного языка, в домашнем быту говорят иначе, как порусски; одни только чумаки сохранили старинное свое наречие. Малороссийские паны и помещики отказались от национального костюма... в высших сословиях уже нет малороссийского духа; старина, прежний язык, прежние обычаи сохранились только в низшем классе народа, всё прочее обрусело». Фактов, подтверждающих эту язвительную характеристику, немало. Мать Гоголя, всю жизнь прожившая в украинской деревне, писала на прекрасном великорусском языке. И сам Гоголь в четырехтомном собрании своих писем оставил нам едва ли не одно письмо, писанное поукраински (и то—к поляку-украинофилу Залесскому). «В высокой степени знаменательно то,—пишет Д. Н. Овсянико-Куликовский,—что фактически он даже не пробовал творить на малорусском языке, и что единственным и необходимым орудием его творчества был язык общерусский» (т. е. литературный великорусский.—*Н. П.*).

В этом борении и слиянии двух стихий явственно можно наблюдать то явление, которое В. В. Каллаш удачно определил, как «знаменательный международный эндосмос и экзосмос».

Во всяком случае вторжение украинской волны, с Гоголем на гребне, в великорусскую литературу двадцатых-тридцатых годов XIX века является наиболее выразительным и глубоким образцом взаимоотношений центральной и краевой культур. Без изучения его нельзя понять ни Гоголя, ни судеб великорусской и украинской литератур первой трети XIX века.

7.

Чтобы укрепить положение о необходимости изучать областные культурные гнезда, мне приходилось брать наиболее выразительные примеры тех гнезд, которые или высылали в столичную культуру отдельных крупных питомцев, или целую группу их, или создавали целое направление или движение.

Но само собой разумеется, что научное изучение должно быть сплошным, без нарочитого отбора. Через отдельные показательные примеры мы должны подняться к общему важному вопросу о взаимодействии областной и центральной культур. Существует непрерывный обмен, два постоянных встречных тока, сплошное массовое движение между центром и периферией, столицей и провинцией. В столице сосредоточиваются материальные богатства, технические средства, организационная власть, культурные силы, международное общение. Здесь создаются, берегутся и эксплоатируются лучшие достижения национальной и интернациональной культуры. Соотношение между столицей и провинцией обыкновенно мыслится как контраст богатства и скудости.

Приэтом не всегда пропорции определяются точно и взаимоотношение представляется смутно, обычно—в ущерб провинции. И сама культура обычно развивается в ущерб провинции. Столица выкачивает из провинции и материальные средства и духовные силы. Часто это де-

лается и насильственно, административным давлением. Но нередко влечет стихийно обаяние богатой столичной культуры, эти лучшие возможности осуществить свою общественную стоимость. Провинция от этого скудеет, хиреет, как от кровопускания, а столица богатеет от притока свежих сил и дарований. Она омолаживается и укрепляется.

Но это покупается дорогой ценой.

Столичная культура в своем стремлении к обогащению и утонченности неизбежно отрывается от провинции, поднимается над ней, изощряется. Приток даровитых, но некультивированных провинциалов угрожает этой утонченности, понижает уровень, разжижает столичную культуру. Ее коренные представители борются с этим, как с варваризацией, тем более, что энергичные варвары-провинциалы своей конкуренцией угрожают и материальному их благополучию. Отсюда—враждебность и презрительное значение клички «провинциал».

Овладевая столичной культурой, выходцы из областей стремятся освободиться от своего провинциализма. Но их происхождение неизбежно отражается и на их культурной продукции. Культуроведу это не безразлично. Он должен уметь различать продукты культуры по их происхождению. И если чистые культуры, провинциальные или столичные, признаются и различаются легко, то культуры смешанные, созидаемые провинциалами, освоившими столицу, распознаются гораздо труднее.

Впрочем, в нашем культуроведении даже сами приемы и цели такого распознавания мыслятся как-то смутно, безотчетно. Мы видели, что и вся-то культура мыслится недифференцированно. Тем более—ее отдельные деятели или их небольшие группы. Если деятель культуры работает в столице и его продукция получает широкую известность, он уже смешивается с аморфной столичной толпой—и от этого много проигрывает в нашем понимании.

Это очень заметно на литературной культуре. Если в столичных журналах одновременно печатались, скажем, Белый, А. Н. Толстой и Горький, то их различали по таланту, по жанрам, но всех мыслили одинаково—в одном сто-

личном комплексе. А они все трое совершенно разные, и из них столичный—один только Белый.

Необходимо же, наконец, четко различать три группы русских писателей XIX века: 1) усадебные, 2) столичные и 3) провинциальные. Усадебные—это питомцы наследственных барских поместий, там получившие основное воспитание, и если и отрывающиеся от своего гнезда на время для образования, для заграничного путешествия,—то неизбежно опять туда возвращающиеся. Это Тургенев, Фет, Лев Толстой; из новейших — Бунин, Б. Зайцев, А. Н. Толстой. Столичные — их можно было бы еще называть «урбанистами»—воспитались и остались в культуре большого города. Таков Достоевский, таковы—Брюсов, Андрей Белый. Провинциалы—это, например, старые народники, как Левитов, Златовратский, Петропавловский-Каронин, или еще Никитин, Решетников, Горький, Короленко, Куприн. Само собой разумеется, что не всегда отнесение к той или иной группе бесспорно. Возможны наряду с чистыми формами и формы переходные и смешанные. Леонид Андреев по происхождению и по многим приметам—провинциал, но он быстро и охотно овладел столичной культурой, и его можно было бы считать примером переходной формы. А. Блок во многом—урбанист; но его усадебное воспитание и барские тяготения давали ему смешанную форму—усадебно-столичную. В смешанной форме (усадьбы и столицы) приходится мыслить и Пушкина, как и Гоголя (провинция и столица), как и Некрасова (усадьба и столица).

Чистые формы наиболее удобны и показательны при расчленении понятий и явлений. Но историку культуры необходимо изучать и переходные и смешанные формы, тем более, что они, кажется, наиболее распространены.

Относительно многих и многих русских писателей нет и тени сомнения, к какой группе их отнести. В автобиографии Чириков сам себя рекомендует: «жил всё в провинции». И если бы он даже это скрыл, его произведения разболтают тайну. Но вот Чехов в одном письме пишет о себе и о Короленко: «Он, подобно мне, провинциал». Здесь

бесспорно и ясно только отнесение к провинциалам Короленко. Короленко, действительно, и по происхождению, и по месту жительства, и по деятельности, и, наконец, по принципам—провинциал-областник. С самим же Чеховым дело сложнее. Сын таганрогского лавочника, ученик уездной гимназии, бедный студент с кучей родственников—всё это рисует типичного провинциала. Необычайно показателен быт Чехова в Москве в годы студенчества и вскоре по окончании курса: эти дешевые, тесные квартирки, переполненные многолюдной семьей и «нахлебниками», эта мещанская меблировка, эти пироги по воскресеньям, эти прогулки компанией в Нескучный сад с самоварчиком и домашними пирожками, всё это—такое уездное, rus in urbe... Многое отсюда осталось в Чехове навсегда—в складе речи, в манере держаться, в костюме, в бытовых привычках, во вкусах. Но со студенчества начинается восхождение. Богатый силами и средствами Московский университет, московские театры, в их расцвете, знакомства среди начинающих художников и журналистов, общее культурное движение огромного города,—всё это раскрывало богатые силы юноши, способствовало их росту и созреванию. Позднее поэтический талант открыл Чехову доступ в среду высшей интеллигенции литературного и артистического мира не только Москвы, но и Петербурга. Кое-что, наконец, дополнили путешествия заграницу. Так постепенно, и довольно медленно, Чехов поднимался от скудного уездного мещанства к социально-культурным вершинам. В начале XX века мы созерцаем его в расцвете духовных сил и в обладании европейской культурой. Его творчество также совершало подъем—и не только в изощрении поэтической техники, но и в расширении охвата бытовых, психологических, идеологических материалов. Общение с столицами, Москвой и Петербургом, обогащало творческое воображение новыми наблюдениями и возбуждениями, и многие произведения Чехова (к примеру: «Скучная история», «Рассказ неизвестного человека», «Три года») не могли бы сложиться без этого общения.

Но многое осталось в столице закрыто для Чехова на-

всегда—как житейски, так и в творчестве. Как и Короленко, Чехов никогда не брался изображать аристократию, высшую буржуазию, индустриальный пролетариат. Здесь действовало то же социальное предопределение, которое влекло Толстого к созданию великосветских «Войны и мира» и «Анны Карениной», но лишило его возможности художественно воспринять и воссоздать русскую разночинскую интеллигенцию. А Чехов в своем творчестве стихийно тянул обратно из столицы в провинцию. И здесь не только бытовой и психологический материал, типы, образы, темы и сюжеты, но и стилистический наряд, лексика, система сравнений, метафоры, символика, пейзаж, юмор, лиризм,— всё было органически связано провинциальной стихией. Желанный гость столичных журналов, театров, обществ, Чехов не сливался до конца со столицей, и можно доказательно утверждать, что психологически этот талантливый провинциал тяготел не столько к столице, сколько к усадьбе.

Впрочем, холодок между ним и столицей не воспринимается многими потому, что и в самой столице было много провинциального. Нечего и говорить о Москве, «большой деревне». Но даже и в европеизированном Петербурге это очень заметно внимательному наблюдателю. Провинция глубоко вдвинулась в столицу и всюду воздвигала в ней свои форпосты. Следует отметить, что провинциалы и в столицах часто держались своими обособленными группами. В конце сороковых, начале пятидесятых годов в Петербурге очень характерную и сильную группу составили саратовцы: Ир. Введенский, Чернышевский, Пыпин, Благосветлов и другие, собиравшиеся на литературных вечерах у Введенского. Особую группу образовали в Петербурге же писатели и общественники-сибиряки. Обычное явление составляли в столице студенческие землячества — иногда очень многолюдные, сплоченные и властные.

В истории столичной культуры бывали целые периоды, когда она жила под знаком провинциализма. Таковы шестидесятые годы. Тогда еще длилось пышное цветение усадебной барской литературы: Тургенев, Толстой, Фет. Но

люди этой культуры начинали чувствовать себя в трагической изоляции. Так был замолчан Тютчев. Так Тургенев фатально столкнулся с молодой редакцией «Современника» и вынужден был отступить. А питомец усадьбы с гувернантками и французскими дневниками, вольтерьянец-гедонист Писарев добровольно оказался в чужом стане,—барин на службе разночинской идеологии. Никитин, Помяловский, Решетников, Глеб и Николай Успенские в шестидесятых годах владели думами читателей не меньше, чем Тургенев или Толстой. Вчерашние провинциальные семинаристы, двадцатипятилетний Чернышевский и двадцатилетний Добролюбов, сегодня властно правили столичной журналистикой. И когда на могиле Некрасова в ответ Достоевскому послышались крики, что Некрасов выше Пушкина,—это дружно кричали провинциалы, прибывшие завоевывать столицу.

В осознании этого борения столицы с провинцией необходимо сделать еще одно усилие и договорить до конца.

Мы делим писателей XIX века на столичных, усадебных, провинциальных—по литературным признакам, по материалам их творчества: языку, образам, бытописи, лиризму и т. д. Но выше мною уже намечались постепенно иные приметы—социальные. Сразу понятно, что писатели-усадебники суть дворяне. Менее ясно, что столичные писатели, урбанисты, это — представители буржуазии. В неясности здесь повинна и сама жизнь, не создавшая в России таких четких социальных и идеологических буржуазных форм, как на Западе. Но виновата и наша литературная и историческая мысль, привыкшая к дуалистическому пониманию социально-литературного процесса XIX века, видевшая в нем только две струи: барскую и разночинскую. Старая буржуазная литература была не осознана, не замечена, и только теперь, с огромным опозданием, Гончаров водворяется, по почину П. С. Когана и В. Ф Переверзева, в свою социальную среду. Новейшая буржуазная культура, рафинированно-столичная, культура «Весов», «Старых годов», «Аполлона»—еще ждет своего историка-социолога. Что касается провинциальной культуры, то совершенно ясно, что она

разночинская. О пришествии в культуру разночинца много говорили. Но не договорили, что пришел он именно из провинции, из губернских, из уездных городов, из богатых сел. Конечно, и здесь имеются варианты, смешанные и переходные формы—в разные времена и в разных условиях. Слободско-украинская культура времен Гоголя была однородно-помещичьей, можно даже сказать—мелко-поместной, усадебной. Казанское культурное гнездо первого десятилетия XIX века было тоже дворянским, и тут интересно наблюдать, как барская среда ассимилировала разночинцев: поэт-купец Каменев воспитан в благородном пансионе, женился на дворянке и тяготился торговыми делами; поповичи-профессора Карташевский, Запольский—женились на дворянках.

Зато северяне: Ломоносов, Шубин, Рычков вышли из богатого крестьянства. Саратовцы Чернышевский, Благосветлов, Ир. Введенский были поповичи (мать Пыпина—тоже поповна). Нижегородское областное гнездо времен Анненского, Короленко и Горького, очень многолюдное, было всё разночинским.

И это в общем и не могло быть иначе. Большие города в России очень молоды, русская культура одна из самых провинциальных в Европе, а социальный состав населения—наиболее демократичен.

Поэтому борьба в русской культуре провинции и столицы есть борьба социальных сил.

Современная научная мысль стремится расчленить колоссальную художественную продукцию страны по социальному признаку. Нередко при этом действуют на глазомер, по внешним приметам законченных, оторвавшихся от художника и среды, выступивших «на всенародные очи» произведений искусства. Не всегда в этой пестрой сутолоке легко разобраться; здесь возможны ошибки наблюдателя или своеобразная мимикрия произведения. Но даже и в лучшем случае, считаясь с отдельным произведением или даже группой произведений одного художника и ни с чем другим, мы можем дать только описание, дескрипцию социальных примет, то, что я называю социографией искусства. Социология же его, историческая диалектика тре-

бует не только описания, но и объяснения, генезиса явлений. И здесь, чтобы изучить тот огромный резервуар, который мы условно называем русским искусством, русской культурой,—необходимо восходить к источникам, какими он питается. Wer den Dichter will verstehen—muss in Dichters Lande gehen. Социологический анализ произведения требует знакомства с автором и с его социально-экономической средой. А это неизбежно возвратит исследователя из столицы, куда автор несет свое творчество, в тот край, который его воспитал.

Особенно это важно для осознания русского разночинского искусства, насквозь провинциального. Внесение областного принципа в культуроведение раскроет глубже то борение социальных сил, какое всегда присуще художественной жизни.

Наше время вписало в эту драму новый акт. Раз навсегда угасла усадебная барская культура. Социально-революционный сдвиг сместил крупную столичную буржуазную культуру. Перестроилась и провинция. Сменяя разночинца-поповича-чиновника-мещанина, на завоевание культуры выступает крестьянский сын, и этот выдвиженец областей в столичной культуре встречается с другим выдвиженцем—фабричным рабочим.

В условиях этих современных глубочайших социально-культурных смен острее и глубже познаются давние смены и борения культур.

Революция в число важных задач современности поставила новое национальное, административное, хозяйственное районирование областей. Наша историческая мысль должна столь же энергично произвести районирование старой культуры. Здесь современность помогает уяснить историю. Но и история, произведя ревизию, несомненно, в итоге поможет уяснить современность.

К МОЛОДЫМ КРАЕВЫМ ИСКУССТВОВЕДАМ

Выше было установлено, что очередным и крупным предметом научного культуроведения становится областное, краевое, местное культурное гнездо. Силы областных краеведов должны быть уделены этой большой проблеме.

Но для того, чтобы исследования были наиболее плодотворны, необходимо, прежде всего, точнее определить самое понятие «культурного гнезда». Местное культурное гнездо не значит—вся местная культура. Областная, краевая, местная культура может складываться из разрозненных, между собою не связанных слагаемых. Конечно, любое явление культуры и вся их совокупность интересны для краеведа и могут и должны быть изучаемы. Однако в местной культуре может не образоваться того, что следует называть культурным гнездом. Лермонтов и Белинский оба родились и выросли в Пензенской губернии, но из этого еще ничего не следует, так как Лермонтов воспитался в барской усадьбе, а Белинский в уездном, потом губернском городе, в совершенно инородной среде, и оба никогда не встречались на родине. Совсем другое дело, когда речь идет о казанских поэтах Панаеве и Перевощикове, вышедших из одной (дворянской) среды, обучавшихся одновременно в Казанском университете, участвовавших в одном литературном кружке, находившихся в Казани под одинаковым воздействием личности и поэзии Броннера.

Культурным гнездом назовем не механическую совокупность культурных явлений и деятелей, но тесное единение их между собою, некоторое органическое слияние. Если

в городе втечение многих лет существует литературный кружок, где участвуют даровитые люди, где читаются поэтические произведения, где обсуждаются литературно-теоретические вопросы, если в этом кружке под влиянием авторитетных старших сочленов воспитывается дарование молодого поэта, который потом выступит в столичной печати, это—литературное гнездо. Если в городе существует хорошо налаженный театр, с удачным подбором актеров и репертуара, с гастролями выдающихся столичных сил, с даровитым художником-декоратором, если в местной газете оказался даровитый театральный рецензент, к мнениям коего все прислушиваются, если к тому же в городе часто устраиваются любительские спектакли постоянным кружком и в общении с городским театром, и если в атмосфере этих театральных затей и увлечений воспитывается будущий известный актер или театральный критик, это—театральное гнездо. Благоустроенная гимназия или семинария с даровитыми педагогами, богатая публичная библиотека, циклы публичных лекций в местном народном университете, энергичные кружки самообразования, деятельность местного научного общества—своей совокупностью и взаимоотношением могут быть культурным гнездом, воспитывающим будущего ученого. История местного городского театра, местной гимназии, местной публичной библиотеки, рисовальной школы — еще не история местного культурного гнезда. Только сочетание подобных элементов в единении живых деятелей создает культурное гнездо. Другой приметой гнезда являются уже не его устроители, но его питомцы; культурное гнездо не мыслится без воспитания старшими младших, без выдвижения отдельных птенцов или целого их выводка. Оно не мыслится и без коллективной деятельности, оставляющей прочные объективные результаты.

Культурное гнездо может быть большего или меньшего объема, того или иного содержания. В городе может действовать, скажем, музыкальный кружок из немногих, но одаренных деятелей; он может изолироваться в городском обществе, ревниво замкнуться в себе, но оказаться деятель-

ным и выдвинуть своего талантливого питомца в общерусскую музыкальную культуру.

Но может быть и иначе. Город, оживленный новой железной дорогой, вновь открытыми фабриками, повышением своего административно-краевого значения, начинает жить широкой культурной жизнью; деятели просвещения, журналистики, театра, искусства, науки, общественности, помимо отдельных культурных учреждений и предприятий, участвуют в каком-либо общегородском культурном объединении. Такое культурное гнездо, конечно, иного объема и значения, чем музыкальный кружок.

Бывает и так, что географические, экономические и иные условия тесно связывают в культурное общение несколько соседних городов, образуя краевое или областное в собственном смысле слова культурное гнездо. Так, в восьмидесятых-девяностых годах были в постоянном культурном общении между собою средневолжские города: Нижний, Казань и Самара.

Вполне возможно, что в городе или крае одновременно существуют два или несколько культурных гнезд—или мирно сотрудничающих, или враждующих между собою, или совершенно не соприкасающихся. Бывают случаи, когда культурное гнездо в форме учреждения или общества живет долгие годы, десятки лет. Таковы, напр., известная Харьковская публичная библиотека или киевские ученые общества. Иногда культурная жизнь ярко вспыхивает и потом потухает. Так, в Самаре в середине девяностых годов вокруг «Самарского вестника» собралась ненадолго группа писателей-марксистов.

Само собой разумеется, что изучение любого отъединенного культурного явления: школы, библиотеки, газеты, театры — пойдет на пользу изучению культурного гнезда. Иногда только после таких разрозненных, случайных работ становится заметно, что за отдельными явлениями культуры скрывается их взаимная связь и обусловленность.

Но культурное гнездо в собственном, точном смысле должно обладать этими тремя постоянными признаками:

определенный круг деятелей, постоянная деятельность и выдвижение питомцев.

Для исторического воссоздания такого гнезда необходимы разнообразные подготовительные работы—или по мелким местным культурным ячейкам, или даже по отдельным явлениям, или их группам. И везде окажется, что для изучения сделано мало, что нетронутыми лежат богатые залежи материалов, что часто отсутствуют простые описи их или справочные пособия, словари, библиография.

Широкого, исчерпывающего, обобщенного исследования одного областного культурного гнезда мы еще не имеем; упомянутая в предисловии работа А. Н. Свободова о Нижегородском гнезде напечатана пока только вполовину; притом автор был крайне стеснен размером статьи в коллективном сборнике.

Зато опытов подготовительных и справочных работ накопилось довольно. Учитывая этот опыт, можно создать целый круг таких работ, подготовляющих сводную монографию культурного гнезда.

Подготовительные работы можно вести по нескольким группам культурных явлений и движений.

Такова, напр., группа просвещения. Сюда входит история местных школ, низшей, средней и высшей (если то—университетский город). В губернских городах, где давно существует гимназия и духовная семинария (иногда—свыше ста лет, как, например, в Казани или Пензе), и они отпраздновали не один юбилей,—нередко имеются и напечатанные их истории, например: «Столетие Киевской первой гимназии» (т. I, Киев, 1911) или «Исторический очерк I Пензенской гимназии», П. П. Зеленецкого (Пенза, 1889), или «История Воронежской духовной семинарии», П. В. Никольского (Воронеж, 1889). Нередко такие «истории» неудовлетворительны: написанные к юбилею по распоряжению учебного начальства, они страдают ведомственным оптимизмом, отсутствием критических оценок, сухостью канцелярского изложения. Однако в них много точных документальных данных, статистических таблиц и т. д. При известной осторожности ими следует пользоваться, а их

недостатки только оттенят те новые приемы и точки зрения, какие должны быть применены при изучении истории школы в наше время.

В той же группе просвещения подлежат обследованию местные просветительные начинания, общества и кружки, например, народные университеты, воскресные школы, вечерние курсы и т. п. Сюда же относятся публичные библиотеки и читальни. Изучение библиотек может дать иногда богатые результаты. Для многих библиотек имеются печатные каталоги, иногда очень обширные и хорошо составленные (например, каталоги Самарской Александровской публичной библиотеки, каталоги библиотеки Саратовского коммерческого собрания). Во многих случаях публичные библиотеки печатали свои ежегодные отчеты—с ценнейшими статистическими сведениями о читателях и их социальной группировке, о наиболее читаемых авторах и журналах и т. д. Такие сведения большею частью не подвергались социологическому обобщению, но оно на очереди. Существенно изучить и такую агентуру просвещения, как книжные магазины и книготорговля вообще. Для нее обычно сохранилось гораздо меньше данных,—тем важнее их сберечь, собрать и обработать.

Другой группой будет местная п е ч а т ь. Прежде всего—история местных газет. Она обычно начинается с официальных изданий: «Губернских» и «Епархиальных» ведомостей. Здесь, конечно, жизнь отображалась в ущербленном или искаженном виде, в угоду местному губернатору, архиерею или вообще властям предержащим. Однако следует помнить, что в таких изданиях иногда сотрудничали выдающиеся, знаменитые деятели, как, напр., А. И. Герцен в Вятских и Владимирских губернских ведомостях. Иногда по капризу судьбы такие органы печати бывали и либеральны. Во всяком случае, они содержат много точных фактических данных о местной культурной жизни. Достаточно указать, что по одним объявлениям в местной газете можно установить историю репертуара местного театра за десятки лет. В «ведомостях» печатались постоянно работы местных краеведов—часто по архивным документам или не-

посредственным личным расследованиям. Во многих случаях губернские и епархиальные ведомости были подробно описаны в библиографических указателях. Для Воронежских губернских ведомостей создана обширная двухтомная монография Н. В. Воскресенским. Для Владимирских губернских и епархиальных ведомостей имеется обширное описание А. В. Смирнова.

Но официальными газетами только начиналась история местной прессы. В дальнейшем она пополнялась частными изданиями, более независимыми (если забыть цензуру), более близкими к жизни. Иногда в больших городах, как Киев, Харьков, Одесса, Нижний, Саратов и др., одновременно существовали две, даже и три частных газеты. Материально они обычно бедствовали; поэтому для них издать библиографический указатель бывало не под силу. Тем настоятельнее исполнить это теперь. Но одного указателя, конечно, недостаточно. Необходимо создавать исторические очерки местной прессы, пользуясь всем сохранившимся материалом: письмами, архивными бумагами и т. д.—до воспоминаний здравствующих лиц включительно. Надо сказать, такие исторические очерки редки; между тем они раскрыли бы многое в жизни местного культурного гнезда. Периодика революционной эпохи необычайно ценна для истории перерождения областной культуры в последние десять лет.

В ту же группу печати следует отнести изучение местного издательства. Прекрасные образцы такого изучения даны в работах В. П. Семенникова: Литература и книгопечатание в провинции («Русский Библиофил», 1911—1913 гг.). Здесь из сухих библиографических дат выясняются иногда важные общекультурные явления, например, необычайно оживленная издательская деятельность в Смоленске в начале прошлого века.

Третьей группой сочтем т е а т р. Для истории провинциальных театров пока сделано мало,—гораздо меньше, чем для истории школы и печати. Даже для Воронежа, для которого изданы огромные работы по истории учебных заведений и «Губернских ведомостей», до сих пор нет отдельной, хотя бы маленькой книжки по истории театра;

а рассказать нашлось бы многое. Для других городов дело обстоит лучше: имеется история харьковского театра, киевского театра, несколько работ по одесскому театру. Но и они мало удовлетворительны. А для многих иных городов и вовсе нет ничего. Необходимо начать систематическое изучение провинциального театра, помня, что из Курска вышел Щепкин, из Самары—Стрепетова, из Саратова—Качалов. Следует использовать и материалы старых местных газет, и архивы учреждений, ведавших театрами, и частные архивы, и воспоминания здравствующих старожилов. Репертуар, монтировка спектаклей, игра актеров, гастроли знаменитостей, кружки театралов—всё это может дать в совокупности не только историю местного городского театра, но и крупные материалы для общей характеристики культурного гнезда.

Четвертую группу составят искусства: музыка, пластика, поэзия. Иногда в провинциальном городе, например, в Пензе, в Саратове, существовали художественные школы. Изучение их деятельности существенно для культурной характеристики города. Иногда действовали школы музыкальные. Действовали и кружки любителей искусств, и профессиональные организации художников и музыкантов. Устраивались публичные концерты и выставки. Какое событие составляли художественные выставки, можно судить по статьям В. Г. Короленко о нижегородских выставках. На художественной деятельности города воспитывались многие будущие деятели искусства. Гастроли А. П. Ленского в Тифлисе зажгли увлечение театром в гимназисте Южине.

К этому воспитательному влиянию артистической современной жизни необходимо присовокупить и влияние художественной старины. Многие старинные русские города, как Новгород, Ростов, Ярославль, суть Kunststädte, прекрасные архитектурно-живописные памятники. Они воспитывали эстетический вкус сами собою, без теоретической пропаганды. Поэтому необходимо учесть эту художественную старину—и не только в самом городе. Нередко возбудителем художественного творчества и вкуса было богатое по-

местье. Художник Борисов-Мусатов напитался впечатлениями саратовских барских усадеб.

От усадьбы близко и до деревни. Она ведь тоже имеет свою культуру. Крестьянское декоративное искусство, живописный костюм, народная песня, своеобразие местных обрядов—и это всё может подлежать учету в том или другом моменте. Кольцов был воспитан культурой города Воронежа. Но народные песни он слушал по деревням, и научное изучение его поэтического творчества невозможно без точного учета фольклора Воронежского края.

Есть еще одна группа изучений, устанавливающая существенные данные для понимания местного культурного гнезда: социально-экономические явления. Следует признать, что эта группа фактов меньше всего изучена. Школа находила своих официальных историков, газеты—усердных библиографов, театральная жизнь—летописцев-театралов. Но в огромном большинстве случаев все старинные краеведы этих типов были совершенно чужды социологического понимания вещей. Если они не культивировали казенного оптимизма, то чаще всего сбивались на анекдотическое повествование или на безразличное подбирание внешних фактов. Между тем мало собрать факты,—надо их осознать. Да и самое собирание фактов, его направление определяется тем, как мы смотрим на задачи такого собирания. Современный краевой культуровед не может ограничиться описанием местного культурного гнезда: он должен дать историческое объяснение, установить генезис, раскрыть факторы явления. Здесь на очередь выступает социологический анализ. Для понимания культурного гнезда существенно определить социальный состав его деятелей. Мы можем во всех подробностях рассказать, как в Казани, в конце XVIII—начале XIX в. налаживалось культурное гнездо, как в гимназии, потом в университете завязывались там литературные интересы и кружки, как студенты увлекались любительскими спектаклями, как возникло и действовало в Казани Общество любителей отечественной словесности, какое влияние оказывал на молодых казанских литераторов профессор-поэт Броннер и так далее.

Но мы не договорим существенного, не поймем главного, если не поставим и не разрешим вопрос о социальном составе казанского культурного гнезда начала XIX века. И раз такой вопрос поставлен, и материалы для ответа собраны,—всё освещается новым светом. Оказывается, что состав молодого казанского общества был преимущественно дворянский. Аксаков, Княжевичи, Панаевы, Перевощиков, Арцыбашев—всё это были питомцы дворянских усадеб, принесшие с собою и в университет, и в литературные и театральные начинания яркие черты своего социального происхождения. Это были студенты совершенно иного типа, чем те казанские студенты-разночинцы, которые потом увлекались лекциями Щапова, или те, которых еще позже наблюдал (и описал в «Моих университетах») Горький. Дворянская среда в Казани была так сильна при Аксакове, что подчиняла себе инородные элементы, и любопытно следить, как даровитые поповичи-разночинцы, преподаватели гимназии и университета, ассимилировались ею, женясь на дворянках и получая в приданое поместья. Потом, в полном соответствии с социальным составом культурного гнезда, из него вышли: министр (Александр Княжевич), попечитель учебного округа (Дмитрий Княжевич), сенатор (Карташевский). Из этого гнезда вышел яркий поэт стародворянского быта и консервативный славянофил Аксаков; отсюда же вышли и идиллики-поэты Панаев и Перевощиков. Социальный состав определил и житейскую карьеру, и идеологию, и литературные уклоны.

Однако проблема социологического изучения культурных гнезд еще мало осознана. Не определены и приемы такого изучения. Не приведены в известность и материалы для него. Они, конечно, есть. В том же архиве гимназии, из которого казенный историограф черпал сведения о наградах директорам, о посещениях важных особ и т. д., можно почерпнуть точные данные о социальном происхождении преподавателей, о сословном составе учеников, материальном положении тех и других и иные данные того же порядка. По отчетам городской публичной библиотеки можно восстановить социальный состав ее читателей и связи

с этим составом читательских вкусов; можно определить и социальные смены читателей по годам и десятилетиям. Можно и должно восстановить и общую социальную структуру города за время деятельности изучаемого культурного гнезда, чтобы увидеть его в социальной перспективе и осознать его социальные судьбы. Это почти никогда не делалось, и оттого историко-культурные наблюдения и выводы часто получаются какие-то ущербные, укороченные. Данные всеобщей переписи, городские и земские статистические сборники, послужные списки в архивах губернских и городских учреждений—этот материал может иногда говорить красноречивее психологических и литературных характеристик.

Существенно связать социологию культурной жизни с ее экономикой. Надо вскрыть эти связи между культурным укладом, социальным составом и экономическим бытом города и края. Культурную жизнь Самары девяностых годов нельзя до конца продумать без изучения местных «чумазых лендлордов»—купцов-землевладельцев, без изучения влияния на город Великого сибирского пути.

Научное значение таких исследований огромно. Когда талантливый питомец областного гнезда является в столичную культуру и приобретает в ней крупное значение, мы изучаем его творчество по его плодам, плохо угадывая корни и почву. Только краевед объяснит нам происхождение этого деятеля культуры и поможет уловить в новом столичном деятеле своеобразные особенности, неизгладимо наложенные на него его происхождением. Не только отдельный деятель, но целое культурное гнездо в своем происхождении, расцвете, замирании, вкусах и тенденциях будет понято наиболее полно и глубоко только в свете социально-экономических изучений.

И здесь недостаточно общих характеристик, определяемых на глазомер. Новые социально-экономические изучения должны быть такими же тщательными и документальными, как старинные генеалогические разыскания или библиографические описания. На глазомер заметно, что социально Вятка или Самара иные, чем, скажем, стародворянский Са-

ратов. Однако необходимы точные подсчеты, особенно там, где мы имеем пестрый, смешанный социальный и экономический состав среды.

Школа и просвещение, печать, театр, художественные организации и учреждения, социально-экономический быт — вот те явления и условия культуры, какие подлежат изучению краевого культуроведа. Будем помнить, что это еще не изучение культурного гнезда. Во многом такие широкие изучения для наших специальных заданий имеют только подсобное значение.

Подсобное значение имеют и некоторые специальные краеведческие работы. Таковы, например, *словари местных деятелей*. Они чрезвычайно полезны для литературных справок, для подсчетов социального состава и т. д. Ниже (в приложении) дан список таких словарей; из него видно, что таких работ накопилось уже много. Некоторые из них очень обширны, как, например, словарь рязанских деятелей или словарь полтавцев (в трех книгах). Особенно широко начат словарь саратовских литераторов (С. Д. Соколова), с богатой библиографией; к сожалению, словарь остался недопечатанным. По готовым опытам теперь нетрудно выработать наилучший тип такого словаря и затем создать его для края, который его еще не имеет.

Другим пособием является *краевая библиография*. Этот вид работ за последнее время приобрел большую популярность. Постоянно появляются местные библиографические указатели. Среди них имеются образцовые, монументальные, как, например, библиография Ярославского края. Не менее важное значение имеет и краевое *архивоведение*. Современный краевед, при новой общей постановке изучения, и в архиве уже разработанном найдет иное и более важное, чем прежние местные историки (например, материалы для классового определения культурных деятелей). Но часто бывает, что десятками лет лежат вовсе нетронутыми ценнейшие архивы.

Зато заброшен особый вид краеведческих работ: *синхронистика* культурной жизни. «Хронология — око истории». Встарину любили составлять хронологические табли-

цы; потом интерес к ним пал. Между тем они очень полезны. Точная летописная регистрация событий культурной жизни уяснит их последовательность и развитие. Если же работе придать вид синхронистики, картина будет еще нагляднее. Для синхронистических таблиц рационально взять всё те же рубрики культурной жизни, какие намечены выше, т. е. школа, печать, театр и т. д. Параллельное сопоставление таких культурных рядов даст возможность точнее и отчетливее представить взаимоотношение явлений. Не худо ввести и рубрику общегосударственных событий и политических явлений (например, местных революционных кружков и выступлений); такая рубрика углубит историческую перспективу культурной местной жизни.

Из сделанного беглого обзора ясно, что краеведные изучения, входящие в состав изучения местного культурного гнезда или его подготовляющие, разнообразны и сложны. Совершенно очевидно, что изучение культурного гнезда есть изучение комплексное. Но вместе с тем оно должно бы быть и коллективным. Здесь библиограф, архивист, искусствовед, просвещенец, экономист неизбежно сходятся на одном поле и должны помогать друг другу. В старину культурным краеведением занимались любители-одиночки. Часто они работали дилетантски, неметодично; часто изнемогали под бременем сырых материалов. В настоящее время, при мощном нарастании краеведческих кадров, при наличности прекрасных опытов краеведных исследований, при четкости заданий и утонченности приемов работы, необходимо перейти от мелкого кустарничества к широко организованной работе. Молодые местные культурники-краеведы хорошо сделают, если для планомерного комплексного изучения своих культурных гнезд будут организовывать исследовательские коллективы. Хочется верить, что таким объединения поможет предлагаемая книжка.

ТЕМЫ, БИБЛИОГРАФИЯ, ВОПРОСНИКИ.

ОБЛАСТНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕНТРЫ В ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ.

В. А. Келтуяла. Курс истории русской литературы. Т. I, кн. 1 и 2. Изд. 2-ое.

М. Н. Сперанский. История древней русской литературы. 2-ое изд. М. 1914.

А. С. Архангельский. Чтения по истории русской литературы. Казань. 1903.

История русской литературы до XIX в., под ред. А. Е. Грузинского. Изд. „Мир". М. 1916. (Статья *М. Н. Сперанского:* Развитие областной литературы. Общая ее характеристика в связи с ходом истории областей и местными интересами.)

ЯРОСЛАВСКИЙ СТИЛЬ В ВЕЛИКОРУССКОМ ХРАМОВОМ ЗОДЧЕСТВЕ И ЖИВОПИСИ ДОПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ.

Игорь Грабарь. История русского искусства. Изд. И. Кнебель.

В. А. Никольский. История русского искусства.

Н. Г. Огурцов. Опыт местной библиографии. Ярославский край (1718—1924). Ярославль. 1924.

К. Д. Головщиков. История города Ярославля. Ярославль. 1889. 277 стр.

А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVI—XVII вв.

Г. Н. Преображенский. Монастыри и храмы г. Ярославля. Ярославль. 1901. 131 стр.

А. Израилев. Упраздненные храмы в Борисоглебском приходе г. Ярославля. Ярославль.

И. С. Розов. Исторический очерк Угличской „Царевской", что на крови, церкви. Ярославль. 1906. (Труды Ярославск. губ. уч. арх. комиссии, кн. IV, вып. 2.)

И. Ф. Барщевский. Исторический очерк города Ярославля. Ростов Ярославский. 1900. (Труды Яросл. губ. уч. арх. ком., кн. III, вып. 4.)

СТЯГИВАНИЕ ОБЛАСТНЫХ ЖИВОПИСЦЕВ В МОСКВУ В XVII ВЕКЕ.

А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVI—XVII вв.

И. Грабарь. История русского искусства.

— Архитектурные и живописные школы в древней Руси.— Образование школы-академии царских живописцев в Москве в XVI веке.—Зодчество и живопись в областях московского времени. Выдающиеся мастера областного пластического искусства и их крупнейшие достижения.— Централизация мастеров в придворной академии.— Оскудение мастерами областей.

РАЙОНИРОВАНИЕ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Н. Л. Бродский, Н. А. Гусев, Н. П. Сидоров. Русская устная словесность. Историко-литературный семинарий. Изд. „Колос". Л. 1924.

В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности. Т. I. М. 1897.

Марк Азадовский. Сибирские темы в изучении рус. устного творчества. Сборник Трудов профессоров и преподавателей Иркутского Гос. Университета, кн. IX. Иркутск, 1925 (был отдельный оттиск).

— Синкретизм понятия „русской" народной словесности в старой литературной науке.—Необходимость дифференцировать это понятие. Устная словесность: 1) великорусская, 2) украинская, 3) белорусская, 4) сибирская, 5) национальных меньшинств. (По книжке Бродского, Гусева и Сидорова составить дифференцированную библиографию главных сборников текстов и исследований по этим пяти группам.)— Историко-географическое распределение великорусской устной словесности.— Северно-русское гнездо устной словесности. Факторы его обособления.— Обособление сибирского великорусского фольклора. Его особенности.—Районирование обрядовой и лирической словесности в Центральной области.—Фольклор Поволжья.— Украинский фольклор и его особенности.— Белорусский фольклор.— Географические, этнографические, народно-хозяйственные, культурно-политические и иные факторы дифференциации фольклора. На конкретном примере (свадебный обряд, причитанье, бытовая песня, частушка и т. п.) проработать областные своеобразия в устной словесности.— На вопросе о влиянии устной словесности на Кольцова показать необходимость районирования устной великорусской словесности.

ОТЛИВ СКОМОРОШЬЕГО ИСКУССТВА ОТ МОСКВЫ В ПОМОРЬЕ В XVII ВЕКЕ.

В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности. Былины. (Т. I.) М. 1897.

А. Фаминцын. Скоморохи на Руси. П. 1889.

Н. К. Пиксанов. Студия по истории русского театра. Скоморохи. Культура театра. 1921, № 4 (большая библиография).

— Происхождение скоморохов.—Скоморохи в Киевской Руси.— Скоморохи в Московской Руси.— Элементы скоморошьего мастерства: поэтические, драматические, музыкальные, хореографические и др.—Вопрос о школах скоморохов.— Скомороший стиль в устной поэзии.— Скоморохи при московском дворе.—Преследование скоморохов московской администрацией.—Отступление их в Поморье и в Сибирь.— Судьбы скоморошьего искусства на Русском Севере.

СЕВЕРНО-РУССКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР И ЛОМОНОСОВ.

Сочинения *Ломоносова*, под ред. М. И. Сухомлинова, изд. Акад. наук. 5 тт. П. 1891—1900.

В. И. Ламанский. М. В. Ломоносов. Биограф. очерк. П. 1864. Второе изд. 1865. (Первонач. Отечеств. Зап. 1863, I—II.)

Ф. А. Витберг. М. В. Ломоносов и северный культурный центр. Известия II. Отд. Акад. наук, 1912, III; ср. заметку *В. Ч.* там же, 1913, I, 382—83.

Б. Н. Меншуткин. М. В Ломоносов. П. 1911. Изд. Акад. наук (и повторные издания.)

Ломоносовский сборник. II. 1911. Изд. Акад. наук. (Стт. *Грандилевского, Сибирцева, Маштакова, Модзалевского* и др.)

Н. Марков. Русский Север в произведениях Ломоносова. Вологда. 1912.

Ломоносовский сборник. Изд. Архангельск. губерн. статистич. комитета, под ред. Н. А. Голубцова. Архангельск. 1911.

Выставка „Ломоносов и Елизаветинское время". Изд. Акад. наук. Т. VII. II. 1915. (Библиография Ломоносова, сост. *А. Г. Фоминым.)*

И. И. Томский. Путеводитель по Северу России. Спутник экскурсанта. Сольвычегодск. 1920. 228 стр.

Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Вып. I и II. П. 1922. (Стт. *С. Ф. Платонова, А. И. Андреева, Г. Ф. Чиркина, В. Г. Дружинина, С. В. Бахрушина.)* В вып. I—карта.

Ж. М. Н. П. 1895, V (ст *В. Рудакова* о Крестинение).

В. Г. Дружинин. Словесные науки в Выговской поморской пустыни. Ж. М. Н. П. 1911, VI, и отд. П. 1911.

История о зачале Выговской пустыни. *Ивана Филиппова.* Саратов. 1913.

Д. Островский. Выговская пустынь и ее значение в истории раскола. Известия Общества изучения Олонецкой губернии, за 1913—1914 гг.—Проф. *П. Г. Любомиров.* Выговское общежительство. Саратов. 1924 (есть обзор литературы.)

Акад. *Н. К. Никольский.* Сочинения соловецкого инока Герасима Фирсова. (Из истории северно-русской литературы XVII века.) П. 1916 (здесь и библиография.)

М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. 2 тт. М. 1913.

А. Верюжский. Афанасий, архиепископ Холмогорский и Важский. П. 1908.

А. Грандилевский. Родина Ломоносова. Известия Архангельского общества изучения русского Севера 1909, XII, 1910, II, IV, X, XI, XIII, XVII; 1911, III.

И. П. Ювачев. На родине Ломоносова. И. В. 1911, X—XI.

А. А. Кизеветтер. Русский Север. Роль Северного края Европейской России в истории Русского государства. Вологда. 1919. Изд. „Северосоюза".

С. Ф. Платонов. Прошлое русского Севера. П. 1924.

Иван Евдокимов. Север в истории русского искусства. Вологда. 1920. (Есть библиография.)

Игорь Грабарь. История русского искусства.

А. В. Мезиер. Следы влияния типичного ландшафта северной Руси в народном зодчестве XVII в. „Естествознание и география". 1913, № 6 (август).

В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности. Былины. М. 1897. Ср. *М. Н. Сперанский.* Русская устная словесность.—*В. А. Келтуяла.* Курс истории русской литературы. (Ср. и другие труды по изучению северно-русской народной словесности.)

Новый энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона, т. III; Русская энциклопедия, т. II; Большая советская энциклопедия, т. II. (S. U. Архангельская губ. и Архангельск—библиография, карты и таблицы.)

К. В. Харлампович. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. I. Казань. 1914. (Стр. 533, 695 и др.)

С. Соколов и И. Томский. Народное искусство Севера России. Изд. Архангельского губ. сов. нар. хоз. М. 1924.

— Природа Русского Севера.— История его населения.— Политическая история Поморья XVI—XVII вв.—Хозяйствен-

ная жизнь Поморья к началу XVIII в. Крестьянство, промышленники.—Приход и духовенство господствующей церкви.—Религиозные движения, роль раскола. Культура Поморья. Грамотность, учебные заведения, письменность.—Общение с иностранцами.— Старая архитектура церковная и гражданская.— Иконопись.— Костюм; украшения.— Театр в Архангельске.— Фонд народной поэзии: былины, духовные стихи, причитания, сказки и проч.—Обряды религиозные и бытовые. Народный театр.—Богатство и своеобразие северно-русской культуры к XVIII веку. Достаточно ли она изучена в частностях и обобщена в целой картине? Необходимость выделить историю северно-русской культуры в особую научную дисциплину.—Ломоносов как посланец Севера в новую общерусскую культуру. Другие представители северной культуры. Скульптор Шубин.—Замирание культуры Севера под давлением экономической конкуренции Петербурга.

ПИТОМЕЦ ПОМОРЬЯ, СКУЛЬПТОР ШУБИН.

П. Н. Петров. Сборник материалов для истории Академии художеств.—*Его же.* Русские скульпторы. 1863.

Игорь Грабарь. История русского искусства.

П. Ефименко. Библиографические заметки. Аргангельские губ. ведомости, 1868, № 12.—*Иванов.* Шубный, там же, № 21.

„Искусство" 1860, №№ 1—2.—„Иллюстрация" 1862, № 226.

„Старые годы" 1907, июль—сент. (*Н.Врангель.*)

И. Евдокимов. Север в истории русского искусства. Вологда 1920.

Ср. выше тему о Русском Севере и Ломоносове.

ЯРОСЛАВСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ГНЕЗДО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА.

К. Д. Головщиков. История гор. Ярославля. Ярославль. 1889.—*Его же.* Ярославская губерния. Историко-этнографический очерк. Ярославль. 1888.—*Его же.* Деятели Ярославского края. Вып. I и II. Ярославль. 1898 и 1899.

И. Ф. Барщевский. Исторический очерк г. Ярославля. Труды Яросл. губ. уч. арх. комиссии, кн. III, вып. 4. 1900.

Н. И. Корсунский. Заслуги Ярославской семинарии.

А. А. Ярцев. Основание и основатель русского театра Ф. Г. Волков. М. 1900. (Здесь — и библиография.)— *Его же.* На родине русского театра. Ежегодник имп. театров, сезон 1894—1895 гг., приложение I.

В. А. Филиппов. Факты и легенды в биографии Волкова. „Голос минувшего". 1913, VI.

В. Н. Всеволодский-Гернгросс. Против Волкова, как основателя русского театра. Ежегодник имп. театров 1912, I.— *Его же.* И. А. Дмитревской. II. 1923.

Л. Н. Трефолев. Ярославль при импер. Елизавете Петровне. Древняя и новая Россия 1877, IV.

Каталог выставки, устроенной Ярослав. учен. архивн. комиссией в память стопятидесятилетней годовщины основания российского театра Ф. Г. Волковым. М. 1900.

М. А. Липинский. Указатель к неофициальному отделу Ярославских губернск. ведомостей с 1831 по 1881 г. Труды Ярослав. губ. статистич. комитета, т. IX. М. 1885. Ср. *А. А. Титов.* Ярослав. епархиал. ведомости. Список и указатель статей. 1860—1892. Сергиев. Посад. 1893. Труды Ярослав. ученой архивн. комиссии (в кн. VII, вып. 2, 1914—перечень изданий Комиссии по истории Ярослав. края).

С. А. Золотарев. Писатели-ярославцы. Вып. II. Ярославская струя в литературе XVIII в. Ярославль, 1920.

Церковь Иоанна Предтечи в Ярославле. Объяснительная статья *Н. Первухина.* Изд. К. Ф. Некрасова.—Церковь Илии Пророка в Ярославле. Текст *Н. Первухина.* Изд. К. Ф. Некрасова.—*И. А. Вахромеев.* Церковь во имя Илии Пророка в г. Ярославле. Ярославль. 1906.—*Ю. Шамурин.* Ярославль. Романов-Борисоглебск. Углич. М. 1912.

Г. Н. Преображенский. Монастыри и храмы г. Ярославля. Ярославль. 1901.

Л. Н. Трефолев. Первый русский провинциальный журнал „Уединенный Пошехонец". Р. А. 1879, IX; ср. И. В. 1882, XI —*Ив. Иноземцев.* „Уединенный Пошехонец" (первый областной журнал). Антиквар, 1903, № 1—4, стр. 23—31.—Вестник Ярослав. земства 1883, №№ 130—138.

В. П. Семенников. Литература и книгопечатание в провинции. Русский Библиофил 1911, VI.—*Его же.* Библиогра-

фический список книг, напечатанных в провинции. Там же, 1912, II. Отдельн. оттиск: II. 1912 (стр. 8—12).—Ср. Русский Библиофил 1913, VII.

В. И. Лествицын. Генерал-губернаторский дом в Ярославле в 1777—1829 гг. Ярославль. 1880.

Новый энциклопедический словарь, т. XVI.—Русский биографический словарь, т. „Дабелов-Дядьковский" (о Дмитревском).

— Общее культурно-историческое значение Ярославского края.—Просветительные учреждения Ярославля к половине XVIII века. Ярославль, как художественный город (церкви и монастыри, их архитектура и живопись).— Театр в Ярославле. Волковы. Дмитревский.—М. Д. Чулков.—В. И. Майков. М. В. Попов.— Книгопечатание в Ярославле.— „Уединенный пошехонец".—„Ярославцы" в столичной культуре XVIII в.

УКРАИНСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ВЛИЯНИЕ В ВЕЛИКОРОССИИ В XVIII ВЕКЕ.

В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы. Т. I. Из истории русской песни. СПБ. 1900.

Н. Н. Трубицын. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX в. П. 1912.

Выставка „Ломоносов и елизаветинское время". Отд. XVII. Малороссия. С введением проф. Д. И. Багалея: „Малороссия в царствование имп. Елизаветы Петровны". П. 1912.

К. В. Харлампович. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. I. Казань. 1914.

Старинный театр в России. Сборник под ред. В. Н. Перетца. П. 1923.

Д. Вишневский. Киевская Академия в первой половине XVIII стол. Киев. 1903.

Рус. биографич. словарь (Разумовские).

— Присоединение Малороссии к Москве.— Культурные связи Южной Руси с Москвой в XVI—XVII веках.—Политика Петра В. в отношении к „черкасам".— Политическое

положение Украины в XVIII в. — Просветительная роль Киевской академии; умаление этой роли во второй половине века.—Влияние школьного театра.—Украинские певчие и музыканты при дворе.—Южно-русская литературная культура и ее влияние в Великороссии.—Обратное воздействие в елизаветинское время.—Деятели великорусской литературы и искусства из украинцев (Капнист, Боровиковский и др.)—Социальный характер культурных взаимоотношений.

ЛИТЕРАТОРЫ И КНИГОПЕЧАТАНИЕ В СМОЛЕНСКЕ ДО ВОЙНЫ 1812 г.

Н. А. Мурзакевич. История города Смоленска (в „Памятной книжке Смоленской губернии на 1904 год").—*И. И. Орловский.* Свящ. Н. А. Мурзакевич. Р. С. 1903. IV.—*Н. Н. Мурзакевич.* Автобиография. П. 1889.—*С. Писарев.* Смоленск и его история. Смоленск. 1894.—*М. М. Богословский.* Смоленское шляхетство XVIII в. Ж. М. Н. П. 1899, III.

Памятные книжки Смоленской губернии.

Смоленская Старина. Изд. Смоленской уч. арх. комиссии.

С. Н. Глинка. Записки. П. 1895.

В. П. Семенников. Литература и книгопечатание в провинции. Рус. библиофил. 1911, VII; 1912, III. (Библиография.)

Н. К. Пиксанов. Грибоедов и старое барство (по неизданным воспоминаниям). М. 1926.

В. В. Сиповский. Очерки из истории русского романа. Ч. I. и II. П. 1909—1910.

— Смоленск и его губерния к концу XVIII века.—Смоленское дворянство. — Просветительные учреждения до 1812 года.— Театр.—Русские литераторы XVIII—нач. XIX в., питомцы Смоленской губ.—Книгопечатание в Смоленске, как яркая черта его культурной жизни того времени.—Чем объяснить расцвет издательства в 1802 году? — Систематизация изданных книг, в связи с общим движением русской литературы того времени.—Переводы Коцебу.— Семейственные романы.— Консервативная публицистика.— Социальные тенденции издательской деятельности в Смоленске (среднедворянская среда).

ЗАЧИНАТЕЛЬ РУССКОГО РОМАНТИЗМА. КАЗАНСКИЙ ПОЭТ Г. П. КАМЕНЕВ.

С. А. Венгеров. Источники словаря русских писателей, т. II (для Каменева) и т. IV (для С. А. Москотильникова).

Е. А. Бобров. Первый русский романтик Г. П. Каменев. Истор. вест. 1903. VIII. *Его же.* К биографии Г. П. Каменева. Варшава. 1905. 109 стр.; ср. Сборник учено-литературн. общ. при Юрьев. университете, т. XV. Юрьев. 1909.

В. И. Резанов. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. Вып. I и II.

В. В. Сиповский. Очерки из истории русского романа. Т. I, вып. II. Вып. II. 1910 (стр. 557—560).

И. Н. Розанов. Русская лирика. М. 1914.

Залкинд. Каменев. Казань. 1926.

КАЗАНСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ГНЕЗДО В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА.

Казанские известия, газета политическо-ученолитературная. 1811—1820.—Полный систематический указатель статей „Казанских известий" в приложении 1-м к Известиям Общ. археологии, истории и этнографии при Казан. университете за 1879 г. (и отдельно).

Описание дел Архива мин. нар. просв. Т. II. П. 1921 (по указателю: Казанские Известия).

Н. А. Попов. Общество любителей отечественной словесности и периодическая литература в Казани с 1805 по 1834 год. Р. Вест. 1859, № 17, сент., 52—98 (и библиография). Ср. Вест. Европы 1816, ч. 90, № 23. (Из Казани.)

Н. Н. Булич. Очерки из истории русской литературы и просвещения.—*Его же.* Из первых лет Казанского университета.—*Н. П. Загоскин.* История Казанского университета.—Биографический словарь профессоров Казан. у-та.

Записки *Н. И. Мамаева.* И. В. 1901. I.

Н. К. Горталов. Из прошлого Казан. первой гимназии. Казань, 1910.

С. Т. Аксаков. Воспоминания (в разных изданиях). — *А. С. Архангельский.* С. Т. Аксаков. I. Детство и студенчество. Рус. обозрение 1895, июль—сентябрь.

Новый энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона, т. I (стб. 634: библиография Казан. духов. семинарии и академии).— *К. В. Харлампович.* Материалы для истории Казанской духовной семинарии в XVIII в. Казань. 1903 (Изв. общ. арх., ист. и этногр. при Казан. университете, т.т. XIX и XX).

В. И. Панаев. Воспоминания. В. Е. 1867. III.

Э. Л. Радлов. Очерк русской философской литературы XVIII в. „Мысль" 1922, III, 75—78 (о проф. Лубкине).

Русский биографический словарь (о Фуксах; о Перевощикове—бол. библ. Модзалевского; о Ф. М. Рындовском—ст. Л. К. Ильинского; о Зиновьеве).

Н. П. Лихачев. Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки. П. 1913 (из Рус. библиофила 1913, V).—*То же.* Приложения. П. 1913.

П. Дульский. Лев Крюков. (К истории миниатюры.) Казань. 1923.

Москва и Казань в начале XIX века. Записки Ив. Ал. Второва. Р. С. 1891, IV, 1—22.—М. Ф. Де-Пуле. Отец и сын (Второвы). Р. вестн. 1875, IV и VI. Ср. ниже тему: „Кружок Второва" (стр. 114).

А. Артемьев. Казанская гимназия в XVIII стол. П. 1874.

В. Владимиров. Историческая записка о 1-й Казанской гимназии. Казань. 1867.

А. Т. Соловьев и Н. Ф. Катанов. Каталог книг, отпечатанных в типографии Казанского университета с 1806 по 1896 год. Казань. 1896.—*Н. П. Лихачев.* Книгопечатание в Казани за первое пятидесятилетие существования в этом городе типографии. П. 1896.

В. П. Семенников. Литература и книгопечатание в провинции. Русск. библиофил. 1911, VIII (и библиография); 1912, III.

Н. Юшков. Материалы для истории русской литературы. Первый студент Казанского университета (С. Т. Аксаков). Казань. 1891.

Н. П. Лихачев. Г. Н. Городчанинов. Казань. 1886.—Литературный вестник 1903, VII—VIII (письмо и стихи Гор-ва).

А. Н. Попов. Документы к воссоединению униат. Ж. М. Н. П. 1869, VI (для Г. И. Карташевского). Ср. Нов. энциклопед. словарь (ст. Виленский университет).

— По воспоминаниям С. Т. Аксакова, Рус. библиографическому словарю, энциклопедическим словарям Брокгауза-Ефрона (старому и новому), Источникам словаря русских писателей Венгерова, Биографическому словарю профессоров Казанского университета и проч. установить биографии и литературную деятельность А. и Д. Княжевичей, Г. И. Карташевского, Д. Н. Зиновьева, Вл. И. Панаева, И. И. Чернявского, С. А. Москотильникова, Г. П. Каменева, Д. Перевощикова, М. И. Веревкина, Плавильщикова, К. С. Орлова, Н. С. Арцыбашева, Г. Н. Городчанинова и друг. — Казанский университет. — Гимназия.— Духовная академия и семинария.—Театр публичный и студенческий.— Литературные кружки и общество.—С. Т. Аксаков как питомец Казани.—Вклад Казани начала XIX в. в общерусскую культуру.—Социальные элементы казанской культуры; преобладание дворянства; ассимиляция им разночинских элементов.

КАЗАНСКИЕ ИДИЛЛИКИ. В. И. ПАНАЕВ И В. М. ПЕРЕВОЩИКОВ.

Н. П. Загоскин. История Казанского университета, т. I. Казань. 1902.—Биографический словарь профессоров Казанского университета.—*Н. Н. Булич.* Из первых лет Казанского ун-та.—*Его же.* Очерки по истории русской литературы и просвещения, изд. 2-е.

Д. Нагулевский. Профессор Ф. К. Броннер, его дневник и переписка (1758—1850). Казань. 1902.

Российский музеум за 1815 год (переводы из Броннера).

Новый энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона, т. XIX (Идиллия) и т. VIII (Буколическая поэзия).—*А. Г. Филонов.* Идиллия и ее образцы у разных народов. П. 1902.

Ср. Ж. М. Н. П. 1902. IX, 117—118 (отзыв Н. Ф. Анненского).

С. А. Венгеров. Русская поэзия. Собрание произведений русских поэтов. Т. I. XVIII в. П. 1897; вып. VII. П. 1901.

В. И. Резанов. Из разысканий и сочинений В. А. Жуковского. Вып. II. П. 1916 (гл. XLIV—XLV).

В. И. Панаев. Идиллии. П. 1820.—Записки В. И. Панаева. В. Е. 1867, IX и XII.—*Б. М. Федоров.* В. И. Панаев, воспоминания с обозрением его идиллий. П. 1861.—*М. И. Сухомлинов.* История Российской академии, т. VIII (о Панаеве).

Опыты *В. Перевощикова.* Дерпт. 1822.—Русский биографический словарь, т. „Павел—Петр" (стр. 497—499; с библиографией).

А. В. Васильев. Броннер и Лобачевский. Сборник Неофилологическ. общества при Петроградском университете, т. VIII. (Сборник в честь проф. Ф. А. Брауна.) П. 1915.

— История идиллического жанра на Западе в XVIII в.—Пересадка идиллии в русскую литературу.—Социально-бытовые корни идиллического жанра.—Замирание русской идиллии.—Дворянская культура в Казани в нач. XIX в. (см. выше отд. тему).—Броннер.—Казанские идиллики Панаев и Перевощиков.—Возрождение ими идиллического жанра в столичной литературе.

ТЕАТР В КУРСКЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА И ЩЕПКИН.

А. И. Купчинский. Театр в Курске. Курск. 1887.

М. С. Щепкин. 1788—1863. Записки его, письма, рассказы и пр. Сост. М. А. Щепкин. П. 1914.

А. Танков. Указатель статей в Курских губ. ведомостях с 1839 по 1900. Курский сборник, вып. I. Курск. 1901.

— Разработать историю театра в Курске в первой четверти XIX века.—Разработать курский период жизни Щепкина.—Разработать все связи Щепкина с курским театром.

ПЕТЕРБУРГ И МОСКВА.

(Противостояние двух культурных центров в понимании русских писателей.)

Пушкин. Мысль на дороге (1833—34).

Гоголь. Петербургские записки 1836.

Белинский. Петербургская литература (1845). Собр. соч. *Б—го*, т. IX.

Герцен. Москва и Петербург, 1842. В изд. Павленкова—в 7 т. IV.

А. Трисмегистов (Аполлон Григорьев). Москва и Петербург. Москов. городской листок, 1847, № 88.

П. В. Анненков. Воспоминания и критические статьи, т. III, стр. 140.

В. Г. Авсеенко, статьи в Русском Вестнике семидесятых годов (см. *Венгеров*, критико-биографич. словарь рус. писателей, т. I, стр. 95—97).

КУЛЬТУРА СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЫ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА — ХАРЬКОВСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ГНЕЗДО.

Д. И. Багалей и Д. П. Миллер. История г. Харькова.

Д. И. Багалей. Очерки из русской истории, т. II. Харьков. 1913.

Д. И. Багалей. Опыт истории Харьковского университета.

Библиографический словарь профессоров Харьковского университета.

Харьковский еженедельник 1812.

Украинский вестник 1816—1819.

Харьковский демокрит 1816.

Труды общества наук при Харьковском университете (1817).

Украинский журнал 1824—1825.

Вестник Европы 1816, ч. 85, № 1. О подписке на новый журнал (об издании „Украинского вестника", программа и цель журнала).

Описание дел архива Мин. нар. просв., т. II. П. 1921 (стр. 186, 207, 246, 260).

С. Р. Русанова. (Харьковская журналистика начала настоящего столетия). Киевская старина, 1892, VIII, 168—198.

В. И. Срезневский. И. Е. Срезневский. Ж. М. Н. П. 1898, VI.

А. Н. Пыпин. История русской этнографии.

В. И. Маслов. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. К. 1912 (гл. V).

Его же. Дополнения и поправки. Киев. 1916 (стр. 51—52).

М. Н. Сперанский. Один из учителей Гоголя (И. Г. Кулжинский). Известия истории филологического института в Нежине, т. XXIII (1910); ср. *В. В. Данилов.* К характеристике И. Г. Кулжинского. Украина за 1908 г.

В. В. Каллаш. К истории малорусской литературы. Киевская старина 1900, V, IX, XI.

А. С. Лебедев. Харьковский коллегиум как просветительный центр Слободской Украины (1726—1818). Чт. общ. ист. и древн. рос. 1885, IV, 1—103.

Дм. Федоровский. Очерк истории Харьковского духовного коллегиума. Духовная беседа, 1863, № 27.

Н. Ф. Сумцов. Из Украинской старины. Харьков, 1905.

К. П. Шелков. Харьков. Истор.-статистический очерк. Харьков. 1880.

Его же. Историческая хронология Харьковской губернии. Х. 1882.

И. А. Устинов. Литература о Харьковской губернии. Библиографический указатель. Харьков. 1886.

Н. М. Баженов. Г. Ф. Квитка-Основьяненко. Библиографический указатель. Известия II отд. Акад. наук, 1910, кн. I. Записки Істор.-Филогич. Відділу Украіинскоі академіі наук, 1919, кн. I (дополнения *И. Айзенштока*).

Ю. Т. (Тиховский). Указатель первых печатных проблесков малорусской литературы до появления „Малорусских повестей" Квитки. Киевская старина 1893, август. Ср. ст. *П. Симони* о гуслисте Трутовском в Трудах Харьковского археологического съезда и отдельно. М. 1905.

Литературные Прибавления к Русскому инвалиду, 1837, № 10 (библиографический обзор малорусской печатной литературы в критической статье о кн. Лукашевича).

В. И. Межов. Библиографический указатель книг и журнальных статей, относящихся до южно-русского края с 1858 по 1860 г. СПБ. 1862.

Харьковский календарь на 1884 и на 1885 годы. (Биографический указатель замечательных уроженцев Харьковской губ.)

С. Н. Брайловский. О. М. Сомов. Р. Фил. В. 1909, т. XI; ср. 1908, № 3 *(В. В. Данилов).*

Н. И. Черняев. Харьковский иллюстрированный театральный альманах. Материалы для истории харьковской сцены. Харьков. 1900—Ср. Рус. архив, 1901, VI, 244—247 (В. В. Каллаш).

В. П. Семенников. Литература и книгопечатание в провинции. Рус. библиофил, 1911, VII (и библиография), 1912, III.

Н. М. Петровский. Библиографические мелочи. I. К истории харьковской периодической печати. Изв. II Отд. Акад. наук, 1915, I, 1—17.

Н. Тихий. В. Н. Каразин. Его жизнь и общественная деятельность. Киев. 1905.—*Его же.* В. Н. Каразин, виновник учреждения университета в Харькове. Харьков. 1905.

Словарь членов Общества любителей рос. словесности. М. 1912 (для Филомафитского).

Г. С. Чириков. Указатель книг и брошюр, напечатанных в Харькове с 1805 по 1879 г. Харьковский сборник, вып. IV. 1890.

Биографич. словарь бывших питомцев Первой харьковской гимназии с 1805 по 1895 год. Харьков. 1905.

А. С. Грушевский. Из истории украинской этнографии. Изв. II отд. Акад. наук, 1909, кн. 2, ср. 1911, кн. 1.

— Политическая и хозяйственная история Слободской Украины в XVIII в. Южно-русские степи и их колонизация. Выход к Черному морю. Административная организация Слободской Украины. — Социальный строй населения.— Крепостное право.—Слободское дворянство, его происхож-

дение, социальный состав, культурный уровень, сословная организация. Дворянское землевладение и хозяйственная деятельность.—Помещичье винокурение.—Украинизм в дворянском быту и идеологиях.—Тяга к великорусской культуре.—Расцвет слободского дворянства к XIX веку.—Организация просвещения. Харьковский Коллегиум. Институт благородных девиц.—Харьковский университет.—Филотехническое общество и культурный подъем поместного хозяйства.—В. Н. Каразин (см. отдельную тему). Харьковская печать и журналистика.—Слободские поэты (Котляревский, Артемовский-Гулак, Квитка, В. А. Гоголь, Косяровский и др.).—Харьковский театр.—Пластические искусства в Харьковщине.—Разночинский элемент в слободской культуре, харьковское студенчество, социальный состав профессоров, литераторов. Параллели с культурой Киевщины того же времени.—Делегаты слободской культуры в столичную культуру. Общий социальный тип слободской культуры.—Ее выцветание и факторы этого.

ЭКСКУРС.—ВАСИЛИЙ НАЗАРОВИЧ КАРАЗИН КАК МЕСТНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ.

Сочинения, письма и бумаги *В. Н. Каразина*, собранные и редактированные проф. Д. И. Багалеем. Изд. Харьковского университета. Харьков. 1910.

Н. Тихий. В. Н. Каразин. Его жизнь и общественная деятельность. Киев. 1905 (здесь и обзор литературы о Каразине), первоначально в Киевской старине, 1905 г.—*Его же*. Политические воззрения В. Н. Каразина. Харьков. 1907 г.—*Его же*. В. Н. Каразин, виновник учреждения университета в Харькове. Харьков. 1905.—*Его же*. Вопрос о памятнике Каразину. Х. 1907.—*Его же*. Кручик теперь. Х. 1907.—*Его же*. Кручик—поместье В. Н. Каразина. Х. 1905.

Переписка *В. Н. Каразина* с малорос. ген.-губерн. кн. А. Б. Куракиным. Труды Полтавск. учен. архивн. комиссии, вып. XI, 1914.

Описание бумаг архива Министерства нар. просвещения, т. I, II. 1916 (стр. 90—„Предначертание устава об обще-

ственном воспитании" *В. Н. Каразина*—не вошло в собр. соч. Каразина).

Москвитянин 1842, VI, 339 (письмо *Сперанского* к Каразину).

Н. А. Мурзанов. О неутверждении Каразина в должности (1829). Р. С. 1905, V, 448—451.

Н. Барсуков. Жизнь и труды Погодина (по Ключу).

В. И. Семевский. Волнение Семеновского полка. Былое, 1907, I—III. Ср. Ист. вест. 1900, III, 1047—1053 *(Д. П. Миллер).*

Е. Иванов. К биографии Каразина. (Высылка из Москвы в Кручик. 1831—1837.) Сборник Харьковского ист.-филолог. общ., т. XVIII (1909): „Пошана"—в честь Н. Ф. Сумцова.

А. С. Пругавин. В казематах. II. 1909. Стр. 47—59.

Е. Трифильев. К биографии Каразина. Сборник в честь В. П. Бузескула. X. 1913—1914.

Дневник *Эт. Дюмона.* Гол. мин. 1913, III, 108 (визит Каразина к Дюмону, 1803).

Н. М. Петровский. Библиографические мелочи. IX. К истории харьковской периодической печати. Изв. II отд. Акад. наук, 1915, I, 1—7.

Н. К. Кульман. Из истории обществ. движений в России при Александре I. Изв. II Отд. Акад. наук, 1908, 1, 122 сл.

Д. И. Багалей. Очерки из русской истории, т. I.— *Его же.* История Харьковского университета.

В. И. Срезневский. В. Н. Каразин, Русский биографический словарь (1897; большая библиография).

С. А. Венгеров. Источники словаря русских писателей, II, 582—585.

Словарь членов Общ. люб. рос. словесности. М. 1912.

Сочинения *А. И. Герцена,* под ред. М. К. Лемке („Импер. Александр I и В. Н. К-н").

Ответ сочинителю речи о защищении прав дворян и т. д. от Россиянина. Чтения в Общ. ист. и древ. рос. 1859, III, 43—50.

Н. К. Пиксанов. Публицистика александровской эпохи. История русск. литературы XIX в., ред. Овсянико-Куликовского, изд. „Мир", вып. 1.

— Панегиристы и обличители К-на (Герцен, Семевский).—Моралистическая и социологическая постановки его оценки.—Выделение индивидуальных черт его личности и задачи изучения социально-политического типа К-на.—Политическая школа К-на.—Систематизация его политических, социальных, религиозных и просветительных взглядов.—Черты дворянской идеологии у Каразина.—Хозяйственная деятельность слободского дворянства.—Хозяйство Каразина.—Филотехническое общество.—Харьковский университет и дворянство.—Харьковский женский институт.—Социальный смысл культурной деятельности Каразина.

РЫЛЕЕВ И УКРАИНСТВО.

Сочинения *К. Ф. Рылеева*, изд. „Севера", ред. М. Мазаева. П. 1893. Ср. другие издания.

В. И. Маслов. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев. 1912 г.

Н. А. Котляревский. Рылеев. Изд. „Светоч". П. 1907.

Н. М. Ченцов. Библиография декабристов. Под ред. Н. К. Пиксанова. Изд. Центрархива. П. 1928.—*Его же.* Юбилейная литература о декабристах. М. 1927(из „Вестника коммунистич. академии", кн. 16, 17 и 19).

Остальную библиографию см. выше.

— Жизнь Рылеева на Украине (воссоздать во всех подробностях его украинскую бытовую обстановку, личные отношения, общественную среду и т. д.).—Литературное украинство и знакомство с ним Рылеева.—Украинство в творчестве Рылеева (пейзаж, быт, образы, исторические сюжеты и проч.).—Политический украинизм и Рылеев (сравнить с Гоголем).—Социальный тип украинства Рылеева; место его в системе декабристской идеологии.

УКРАИНСКАЯ СТИХИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ГОГОЛЯ.

Пять рефератов: 1) Этнографические и народно-поэтические элементы в украинских повестях Гоголя.—2) Мужик у Гоголя.—3) Украинское дворянство у Гоголя.—

4) Украинское чиновничество у Гоголя.—5) Казачество у Гоголя.

Собрание сочинений *Гоголя:* 1) под ред. Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока, издание десятое; 2) издание „Деятель", под ред. Н. И. Коробки; 3) изд. Ефрона, под ред. В. В. Каллаша.

Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. Изд. Академии наук. Вып. II и III, под ред. Г. П. Георгиевского. П. 1908—1909.—Гоголевские тексты, собр. Г. П. Георгиевским. П. 1910.

А. Н. Пыпин. Характеристики литературных мнений, гл. VIII.

Н. А. Котляревский. Гоголь. 3-е изд. II. 1911.

Д. Н. Овсянико-Куликовский. Собрание сочинений, т. III. Гоголь. 1913.

В. Ф. Переверзев. Творчество Гоголя. Изд. 2-е. 1925.

А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. III, стр. 203—210. Ср. т. I, гл. 11; статьи *Кулиша и Максимовича* в „Основе", 1861 и „Дне", 1861—1862 гг.; ср. „Время", 1862, № 1; перепечатаны в Литературном вестнике, 1902, кн. 1. Ср. мнение *И. С. Аксакова* о народных великорусских типах Гоголя.

В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России, т. II, гл. 9.

В. В. Данилов. Влияние бытовой и литературной среды на „Вечера на хуторе близ Диканьки" Н. В. Гоголя. „Сборник Новороссийского университета по случаю 100-летия рождения Гоголя". Одесса. 1909.

Б. М. Соколов. Гоголь-этнограф. Интересы и занятия Н. В. Гоголя этнографией. „Этнографическое обозрение" 1909, №№ 2-3, стр. 59—119.

В. Миларадович. Этнографический элемент в повести Гоголя „Заколдованное место". Киевская старина, 1897, № 9, стр. 55—60.

В. С. Катранов. Гоголь и его украинские повести. „Филологические записки", 1909, V—VI.

Е. Л. Невірова. Мотивы українскої демонольогії в „Вечерах" та „Миrородi" Гоголя. „Записки Українск. наукового товариства імени Шевченка" 1909, кн. V, стр. 27—60.

Н. Ф. Сумцов. Параллели к повести Гоголя „Вий". „Киевская старина", 1892, № 3, стр. 472—477.

Иван Ф. (Франко). Вій, Шолудивый Буняка і Юда Іскаріотский. „Україна", 1907, № 1, стр. 50—55.

Сергей Ефремов. Історія украінского письменства. Киев. 1912. (Розділ VI; здесь—и библиография.)—*Его же.* Меж двома душами. Киев. 1909.

И. Мандельштам. О характере гоголевского стиля. Гельсингфорс. 1902.

Н. И. Петров. Очерки истории украинской литературы XIX в. Киев. 1884; ср. отзыв Н. П. Дашкевича в Сборн. Акад. наук., т. LIX, 1 (1889).

А. И. Соболевский. Гоголь в истории русской этнографии. „Мирный Труд" 1909, апрель, стр. 176—182.

В. А. Розов. Традиционные типы малорусского театра XVII—XVIII вв. и юношеские повести Н. В. Гоголя. Киев. 1912.

А. Кадлубовский. Гоголь в его отношениях к старинной малорусской литературе. Харьков. 1911.

А. Я. Ефименко. Национальная двойственность в творчестве Гоголя. Вестник Европы. 1902, № 7 (перепечатано в ее сборнике „Южная Русь").

В. И. Маслов. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев. 1912 (гл. V).

Н. Н. Трубицын. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX в. П. 1912. (Стр. 505—508, 517, 550—557 и др.).

В. Н. Перетц. Гоголь и малорусская литературная традиция. „Н. В. Гоголь. Речи в Академии наук 21 февраля 1902 г.". П. 1902.

М. Н. Сперанский. К истории собрания песен Н. В. Гоголя. Сборник Истор.-филологического общества при институте кн. Безбородко в Нежине. Т. VIII (1912).

Г. И. Чудаков. Отражение мотивов народной словесности в произведениях Гоголя. Киевские университетские известия 1906, XII.

В. В. Данилов. О. М. Сомов. Р. фил. в. 1908, № 3. — *Его же.* Гоголь и П. П. Свиньин. Там же 1915, I.

Д. И. Багалей. Очерки из русской истории, 2 тт.

С. Н. Брайловский. К вопросу о пушкинской плеяде I, О. М. Сомов, Р. фил. в. 1909, LXI.

Русский биографический словарь (здесь см. статьи о П. П. Артемовском-Кулаке, Квитке и др.).

Н. Ф. Сумцов. Слободско-украинское дворянство в произведениях Г. Ф. Квитки. Киевская старина, 1884, № 6, стр. 201—206. Перепечатано в его сборнике „Из украинской старины". Харьков. 1905.

А. Я. Ефименко. Малорусское дворянство и его судьба. Вестник Европы, 1891, № 8 (перепечатано в сборнике „Южная Русь").

В. В. Каллаш. К истории малорусской литературы 20-х и 30-х годов XIX в. Киевская старина, 1900, №№ 5, 9, 11.

С. А. Венгеров. Собрание сочинений, т. II. Гоголь. II. 1913.

В. В. Лесевич. Евгений Павлович Гребенка. (Опыт характеристики.) Рус. мысль 1904, I, 131—156; II. 29—43.—Ср. *И. Ф. Павловский.* Словарь полтавских писателей. I. 52.

М. Н. Сперанский. Один из учителей Гоголя. (И. Г. Кулжинский). Известия Ист.-филологического института в Нежине, т. XXIII (1927). Ср. ст. *В. В. Данилова.* „Україна", 1908.

А. С. Грушевский. Н. А. Маркевич, Ж. М. Н. П. 1911, I.

Ю. М. Соколов. Нарежный. „Беседы", сб. Общ. ист. литературы. М. 1915.

С. Шелухин. Гоголь и малороссийское общество. Одесса. 1909. Украинофильство Гоголя. Киевская старина, 1902, IX, 115—119.

Н. Белозерская. В. Т. Нарежный. 2-е изд. П. 1896.

Иван Франко. Южно-русская литература. Энциклопед. словарь Брокгауза-Ефрона, полут. 81, стр. 300—321.—Сбор. „Памяти Гоголя". Киев, 1902—в „Чтениях Общ. Нестора Летописца", кн. XVI (ст. *Н. И. Петрова, И. М. Каманина, М. Н. Марковского* и др).

Иеремия Айзенштокъ. К вопросу о литературных влияниях. Г. В. Квитка и Н. В. Гоголь. Изв. II Отд. Акад. наук 1919, кн. I.

ВТОРЖЕНИЕ УКРАИНСКОЙ СТИХИИ В ВЕЛИКОРУССКУЮ БЕЛЛЕТРИСТИКУ.

А. Н. Пыпин. История русской этнографии.

Н. Белозерская. В. Т. Нарежный, изд. 2-е. 1896.

В. В. Каллаш. К истории малорусской литературы 20-х—30-х гг. XIX в. Киевская старина, 1900, V, IX, XI.

В. И. Шенрок. Материалы для биографии Гоголя.

Ю. М. Соколов. В. Т. Нарежный. Сбор. „Беседы", изд. Общ. истории литературы. М. 1915.

П. А. Кулиш. Черная рада. СПБ. 1899 (и др. изд.).

Н. М. Баженов. Г. Ф. Квитко-Основьяненко. Библиографический указатель. Известия II отд. Академ. наук, 1910, кн. I.

В. И. Срезневский. Г. Ф. Квитка и И. И. Срезневский. Sertum Bibliologicum, Сборник. П. 1922.

Историко-литературный Сборник, посвященный В. И. Срезневскому. Л. 1924 (ст. *П. Н. Столпянского*).

С. Ефремов. Історія українского письменства. Видання друге. П. 1912. (Розділ VI; здесь и библиография.)—*Его же.* Меж двома душами. Киев. 1909.

Н. Н. Трубицын. О народности в общественном и литературном обиходе первой трети XIX в. П. 1912 (стр. 103—109 и др.).

— Разделение общерусской литературы на областные.— Возникновение украинской литературы. — Судьбы ее в XVIII в. — Украинская культура около тридцатых годов XIX в. — Украинская литература того времени (ср. тему о Харьковском культурном гнезде). — Интересы к этнографии и народной словесности в России того времени. — Общение великорусской и украинской интеллигенции. — Продвижение украинской литературы в великорусские журналы. — Положение Гоголя между двух культур.

ЭКСКУРС.— УКРАИНСКИЙ СКАЗ В ВЕЛИКОРУССКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ.

И. Мандельштам. О характере гоголевского стиля. Гельсингфорс. 1902.

И. А. Груздев. О приемах художественного повествования. Записки Передвижного театра. 1922, №№ 40—42.

Б. М. Эйхенбаум. Сквозь литературу. Сборник статей. Л. 1924. (Ст. „Иллюзия сказа".)

В. В. Виноградов. Проблема сказа в стилистике. Сборн. „Поэтика" Гос. института истории искусств. Л. 1926.

В. Лазурский. Украинский элемент в творчестве Вл. Короленко. Учен. зап. высш. школы г. Одессы, т. II. 1922.

В. И. Шенрок. О влиянии Гоголя на последующих писателей. Русский филологический вестник. 1903. I—II.

А. Зморович. О языке и стиле Мельникова-Печерского. Р. фил. вест. 1916. I—II.

Н. Плевако. О стиле и языке повести Квитки „Маруся". Харьков. 1916.

Короленко. Лес шумит, Судный день.—*М. Горький.* Ярмарка в Голтве.—Сочинения *Г. Мачтета.*

— Установление украинской новеллы двадцатых—тридцатых годов.—Проникновение украинской новеллы в великорусскую журналистику.—Поэты-украинцы, писавшие на двух языках. — Писатели-великороссы, воспринявшие элементы украинизма.—Гоголь и его украинские повести.—Элементы украинского сказа в петербургских повестях Гоголя.—Традиция украинского сказа у ближайших последователей Гоголя.—Украинский сказ в „Судном дне" Короленко и в других его южных рассказах,—у Мачтета,—у Горького и др.

КУЛЬТУРА ПОЛТАВЩИНЫ ВО ВРЕМЕНА ГОГОЛЯ.

И. Ф. Павловский. Полтава. Исторический очерк ее как губернского города в эпоху управления генерал-губернаторами (1802—1856).—*Его же.* К истории полтавского дворянства. Т. I и II.

И. Ф. Павловский. Краткий биографический словарь ученых и писателей Полтавской губернии с половины XVIII века. Полтава. 1912.—Первое дополнение к словарю—Полтава. 1913.—*Его же.* Полтавцы. Иерархи, государственные и общественные деятели и благотворители. Опыт краткого биографического словаря. Полтава. 1914.

В. Л. Василевский. Полтавская гимназия с 1808 по 1831 г. Труды Полтав. учен. архив. комиссии, вып. III; ср. вып. V.

В. Л. Модзалевский. Материалы для истории Полтавского полка и к родословной Гоголь-Яновских. Труды Полтав. учен. архив. комиссии, вып. I—II.

П. А. Заболотский. К биографии Гоголя в полтавский период. Известия II Отделения Академии наук, 1912, II.

МИРГОРОД ЛИТЕРАТУРНЫЙ И МИРГОРОД ИСТОРИЧЕСКИЙ.

Миргород. Повести, служащие продолжением „Вечеров на хуторе близ Диканьки" *Н. Гоголя.* Часть первая и вторая. СПБ. 1835.

Собрание сочинений *Гоголя*, издания под редакцией Тихонравова, Каллаша, Коробки.

И. Ф. Павловский. К истории полтавского дворянства. Т. I и II.—*Его же.* Полтавцы. Опыт краткого биографического словаря Полтавской губернии с половины XVIII в. Полтава. 1914.—*Его же.* Краткий биографический словарь ученых и писателей Полтавской губернии с половины XVIII в. Полтава. 1912.—Первое дополнение к словарю. Полтава. 1913.

Воспоминания *С. В. Скалон* (урожд. Капнист). Истор. вест. 1891, V—VII.

В. Л. Василевский. Полтавская гимназия с 1808 по 1831 г. Труды Полтав. учен. архив. комиссии, вып. III.

— Литературный образ Миргорода, созданный в повестях Гоголя и ставший нарицательным в литературном обиходе; его черты.—Исторический Миргород. Прошлое города в XVII — XVIII веках.— Хозяйственно - административное значение Миргорода и его культурный уровень во второй половине XVIII в. и первой трети XIX века.—Учесть выдающихся деятелей литературы, искусства, науки и общественности, уроженцев Миргорода и его уезда.— Чем объяснить их большое количество?—Культурно-историческая переоценка литературной стилизации Миргорода у Гоголя.

ЛИТЕРАТУРА „ОБЩЕРУССКАЯ" И УКРАИНСКАЯ.

И. Мандельштам. О характере гоголевского стиля. Гельсингфорс. 1902.

Д. Н. Овсянико-Куликовский. Гоголь (отдельно и в собрании сочинений О.-К.).

П. А. Кулиш. Черная рада. П. 1899 и другие издания.

К. П. Михальчук. Открытое письмо к А. Н. Пыпину. (К истории отношений к украинству русского образованного общества.) Киев. 1909.

БЕЛИНСКИЙ И УКРАИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Сочинения *Белинского,* ред. Венгерова и Иванова-Разумника.—*Белинский.* Письма. Три тома, ред. Е. А. Ляцкого.

„Венок Белинскому", сборник, ред. Н. К. Пиксанова (ст. об „Истории Малороссии" Маркевича).—Ср. сочинения *Белинского,* т. XII, ред. В. Спиридонова, изд. Гиз. М. 1926.

А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. I и III.—*Его же и Спасовича.* История славянских литератур, т. I.

Сергій Ефремов. Історія українського письменства.

А. А. Котляревский. Старина и народность за 1861 год. М. 1862. Стр. 29.

Историко-литературный сборник, посвященный В. И. Срезневскому. Л. 1924. (*П. Н. Столпянский.*—На заре украинофильского движения.)

В. С. Катранов. Гоголь и его украинские повести. Филологич. записки за 1910 г.

Ю. Никольский. Тургенев и писатели Украины. Р. М. 1914. VII.

А. Багрий. Шевченко в русских переводах. Баку. 1925.

С. Кулябко. Шевченко и Белинский. Научное обозрение 1898, VIII.

— Из сочинений Белинского, его переписки, воспоминаний о нем выбрать и систематизировать все высказывания об украинской литературе.—Украинское влияние в великорусской литературе ко времени выступления Белинского

(см. выше отдельную тему).—Оппозиция Белинского создавшемуся положению вещей. — Аргументация Белинского. — Великорусский национализм Белинского.

БОРЬБА ЗА УКРАИНСКУЮ КУЛЬТУРУ В ЦАРСКОЙ РОССИИ.

(История украинофильства.)

Украинский вопрос. Составлено сотрудниками журнала „Украинская жизнь". 3-е изд. М. 1917.

К. П. Михальчук. Открытое письмо к А. Н. Пыпину по поводу его статей в „Вестнике Европы" о споре между южанами и северянами. Киев. 1909. Есть указания на литературу. Ср. статьи *Пыпина* в „Вестнике Европы", 1883, V; 1886, IV; 1887, I; 1899, XI.

Иван Франко. Южно-русская литература. Энциклопед. словарь Брокгауза, старое издание, полутом 81.

С. Ефремов. Історія українського письменства. Видання третє, з одминами і додатками. Київ. 1917 (библиография).

М. Яворський. Україна в эпоху капіталізму. Випуск I. Харків. 1924.

С. Н. Щеголев. Украинское движение как современный этап южно-русского сепаратизма. Киев. 1912 (книга резко тенденциозна, но в ней много литературных указаний).

Сочинения *Н. И. Костомарова* (ср. отдельную тему о Костомарове) *П. А. Кулиша, М. Максимовича.*

Ю. Венелин. Об источнике народной поэзии вообще и о южно-русской в особенности. М. 1834.

П. Н. Столпянский. На заре украинского движения. Истор.-литературный сборник в честь В. И. Срезневского. Л. 1924.

М. Ф. Де-Пуле. К истории украинофильства. Рус. вест. 1881, III.

Его же. К вопросу об украинофильстве. Там же, 1882, II (см. ответ *Н. И. Костомарова*, В. Е., 1882, V).

Его же. Украинофильство в его позднейшей формации. Русь, 1884, №№ 5—7.—*Его же.* Украинофильство и русинство. Там же, № 22.

УКРАИНОФИЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ „ОСНОВА".

Основа. Южно-русский литературно-ученый вестник, 1861—1862. СПБ. Ежемесячно. Редактор В. Белозерский. (Прекратился на 9-м № 1862 г.—При „Основе"—художественный сборник „Живописная Украина", изд. Л. Жемчужниковым.)

С. Ефремов. Історія українського письменства (большая библиография).

Л. М. Жемчужников. Воспоминания. В. Е., 1899, XI; 1900, XI—XII. Ср. отд. издание М. Сабашникова. М. 1926.

М. Яворський. Україна в епоху капіталізму. Випуск перший. Харків. 1924.

ГАСТРОЛИ УКРАИНСКИХ ТРУПП НА ВЕЛИКОРУССКИХ СЦЕНАХ.

Корифеи украинской сцены. Киев. 1901.

А. С. Суворин. Хохлы и хохлушки. СПБ. 1907.

Е. Колтоновская. Женские силуэты. СПБ. 1912.

Сергій Ефремов. Історія українського письменства (библиография Кропивницкого, Старицкого и др.).

М. Комаров. Українська драматургия. Збірка бібліографічних знадобів. Одесса, 1906, и добавление, Одесса, 1912.

КИЕВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВОСЬМИДЕСЯТЫХ ГОДОВ.

Заря, газета политическая и литературная. Изд.-ред. П. А. Андреевский (с ноября 1880 по 1886). Киев.

Киевлянин, литературная и политическая газета Юго-западного края (за восьмидесятые годы).

Киевская старина, ежемесячный исторический журнал 1882 года. Ср. Библиографический указатель журн. „Киевская старина" за первое десятилетие 1882 — 1891. Киев. 1893. Или: Систематический указатель ж. „К. стар.". Полтава. 1911.

Современник, ежемесячный журнал. Изд.-ред. Н. Д. Шигарин (декабрь 1883—апрель 1884). Киев.

Киевские губернские ведомости за восьмидесятые годы.

Киевское слово, литературно-политическая и экономическая газета с 1887 года. Изд.-ред. А. Я. Антонович.

Труд, газета экономическая, общественная, политическая и литературная. Изд.-ред. Г. Т. Корчак-Новицкий. 1881—1882. Киев.

Максим Белинский (И. И. Ясинский). Киевские рассказы. Киев. 1885.—*Его же.* Сиреневая поэма. Киев. 1886.—*Его же.* Путеводная звезда. Киев. 1888.—*Его же.* Наташка. 2-е изд. Киев. 1886. (Ср. *Мезиер.* Русская словесность XI—XIX ст., ч. II, стр. 471—473; *И. Владиславлев*, Русские писатели XIX—XX стол., изд. 4-ое, стр. 150 и 426.)

С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей, т. I (П. А. Андреевский, А. Я. Антонович), т. III (С. А. Бердяев, В. И. Бибиков).

Н. И. Николаев. Драматический театр в г. Киеве (1803—1893). Киев. 1898.

Игла. Юмористический сборник *(П. А. Андреевского).* Киев. 1886.

М. М. Захарченко. Киев теперь и прежде. Киев. 1888.

Иер. Ясинский. Роман моей жизни. Гиз. М. 1926.

—Киев восьмидесятых годов как административно-политический и экономический центр.—Открытие и роль Юго-западных жел. дорог.—Политический обрусительный режим.—Великорусско-националистические группы общества.—Украинские фракции.—Поляки.—Евреи.—Революционные движения.—Культурная жизнь города.—Университет, духовная академия, средняя школа.—Искусства, театр, музыка.—Литературно-артистические организации.—Рост журналистики. Журналистика реакционная и либеральная.—Насколько могли проникнуть в печать радикальные и революционные тенденции?—Положение украинской печати.—В чем особенности культурно-политического положения Киева сравнительно с Петербургом и Москвой? Сравнение с Варшавой, Одессой, Тифлисом.—Киевская литература восьмидесятых годов. Теат-

ральная рецензия, критический фельетон.—Стихи и беллетристика в газетах.—Великорусская беллетристика в отдельных изданиях.—Расслоение литературы по национальному и социальному признаку.

БЕЛОРУССКАЯ КУЛЬТУРА И ЛИТЕРАТУРА.

Курс Белоруссоведения. Лекции, читанные в Белорусском народном университете в Москве летом 1918 года. С библиографическим указателем и этнографической картой. М. 1919.

Беларусь. Нарысы гісторыі, эканомікі, культурнага і рэволюцыйнага руху. Менск. 1924.

У. Ігнатоускі. Гісторыя Беларусі у XIX і у пачатку XX сталецьця. Менск. 1925.

Проф. В. И. Пичета. Белорусский язык как фактор национально-культурный. Минск. 1924.

А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. IV. П. 1892.

Е. Ф. Карский. Белоруссы. Три тома (третий том—в трех выпусках). Отзыв (о III, 3) *В. Перетца.* Изв. II Отд. Академии наук, т. XXVII (1923).

Новый энциклопед. словарь Брокгауза-Ефрона, т. VIII, 1912, статьи: Белоруссия (*Д. Р.*), Белорусское движение (*Антона Новины*), Белорусское наречие (*С. К. Булича*), Белоруссы (*П. Ефименко*).

Н. Янчук. Нарысы па гісторыі беларускае літературы. Старадауны пэрыад. Менск. 1922.—*Его же.* Очерки белорусской литературы. Вып. I. Новейшая литература. Минск. 1920.

М. Гарэцкі. Гісторыя беларускае літературы. Изд. 3-е. 1924.

Большая советская энциклопедия, т. 5. М. 1927. (Статьи о Белоруссии.)

—Главнейшие моменты в истории белорусского народа до XIX в.—Социально-экономические отношения в Белоруссии в XIX в.; их развитие.—Борьба вокруг белоруссов великорусских и польских влияний.—Значение Виленского

университета.—Польское восстание 1863 года.—Освобождение крестьян.—Восьмидесятые годы.—„Беларуская рэволюцыйная грамада“ 1903.—Просветительное движение с начала XX в.—Печать.—Народная поэзия и обряд.—Театр для народа.—Развитие литературы и литературного языка.—Белоруссия после Октябрьской революции. Социальные сдвиги.—Проблемы культуры, искусства, поэзии.

ОДЕССА КАК ЮЖНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР.

А. И. Кирпичников. Умственная жизнь г. Одессы. Статьи по новой русской литературе. Изд. 1-ое или 2-ое (без перемен).—*Его же.* Столетие Одессы. Исторический вестник. 1894, № 8; с изменениями вошло в отдел „Духовная жизнь в Одессе“ в книге „Одесса, 1794—1894. К столетию города“. Одесса, 1895, стр. 569 и сл.—*Его же.* Одесса и Пушкин. (Речь при открытии памятника Пушкину в Одессе.) Ист. вестн. 1889, № 6. (Напечатано также в брошюре „Открытие памятника-фонтана Пушкину в Одессе 16 апр. 1889“. Одесса. 1890.)

А. И. Маркевич. Одесса в родной поэзии. Одесса. 1888. Отд. оттиск из II т. Трудов VI Археологич. съезда.

Д. Атлас. Старая Одесса в русской литературе (1820—1840). Изв. Одесского библиографического общества. 1911, т. I, 39—58.

Д. Г. Атлас. Старая Одесса, ее друзья и недруги. „Труды слушательниц Одесских высших женских курсов“, т. I, вып. II. Одесса. 1911.

Александр Де-Рибас. Старая Одесса. Исторические очерки и воспоминания. Одесса. 1913. 379 стр. *Рец.: 1) А. Флоровский.* Изв. Одесского библиографического общества. 1913, т. II, вып. III, 98—103; *2) И. Филиппов,* в книге: „Неумирающие темы“ (очерк „Porto franco“).—*А. Рибас.* Библиографические материалы по истории Новороссии. Указатель статей. Одесса. 1914.

Из прошлого Одессы. Сборник статей. Составлен *Л. М. Де-Рибасом.* Одесса. 1894.

Прошлое и настоящее Одессы. Сост. *С. Ч.* (под редакц. А. Н. Кирпичникова и А. И. Маркевича). Одесса 1894.

О. М. Лернер. Одесская старина. Од. 1902.

А. В. Флоровский. Из одесской старины. Изв. Одесского библиографического общества, т. I, вып. IX (Од. 1912), 351—356. (Состав одесской масонской ложи „Понт Эвксинский"); стр. 358—361. (Отзывы одесского цензора о некоторых французских книгах 1826 г.).

А. Скальковский. Участие Одессы в подвигах на поприще наук, отечественной истории и словесности. Сын отечества, 1848, № 6, отд. V, 19—68.

Одесский альманах на 1840 г. Од. 1839. „Литературная летопись Одессы" (статья без подписи; написана *И. С. Андреевским).*

Одесса. 1794—1894. Изд. Одесского городского общественного управления к столетию г. Одессы. Одесса. 1895.

Смоляников. История г. Одессы. Записки Одесского общества истории и древностей, т. III.

Коханский. Одесса за сто лет. Одесса. 1894.

А. И. Маркевич. Двадцатипятилетие Новороссийского университета. Одесса. 1890.

Новый энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона, т. 28 (Новороссийский край, Новорос. университет), т. 29 (Одесса).

Н. М. Лисовский. Русская периодическая печать (по алфавитному указателю выбрать все одесские периодические издания).

В. Яковлев. Печать в Новороссийском крае.

Архив Раевских, ред. Б. Л. Модзалевского. Архив кн. Воронцова.

Л. Чижиков. Odessica. Изв. Одесского библиографического общества. 1913, т. II, вып. IV, 181—192; т. III, 35—46.

В. Флоровский. Odessica. Там же, т. II, вып. VI, 282—288.

Л. М. Де-Рибас. Библиографические материалы по истории Новороссии. Од. 1914.

И. А. Линниченко. А. И. Маркевич. Биографические воспоминания и список трудов. Одесса. 1904. (Указаны многочисленные труды по истории Одессы.)

М. Г. Попруженко. Указатель статей, помещенных в I—XXX томах Зап. имп. одесск. общ. ист. и древностей. Одесса. 1914.

—Внешняя история Одессы. Административное положение.—Роль в государственном, краевом и международном экономическом обороте.—Состав населения.—Периоды в развитии Одессы.—Общий культурный тип Одессы. Сравнения с Киевом, Харьковом, Иркутском, Тифлисом, Варшавой, Ригой, Москвой, Петербургом.—История просветительных учреждений Одессы (лицей, университет, публичная библиотека, ученые общества, и проч.).—Театр и искусства в Одессе.—Литературные круги и организации.—Периодическая печать.—Питомцы Одессы в столичной культуре.—Посылки столиц в Одессу.

„ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК" (1827—1894).

В. А. Яковлев. Печать в Новороссийском крае. (Исторический очерк.) Юг, 1882, № 1, особенно стр. 8—27.

„Одесский вестник", 1877, от 5 янв.

М. П. Алексеев. Запрещение „Грозы" в Одессе. Сборник „Островский", изд. ГИУ, Одесса, 1923 (библиография об „Одесск. вестн." и его цензоре гр. А. Г. Строгонове).

Анатолий Егоров (Конспаров). Страницы из прожитого. Од. 1913, II, 40—43; 70—77. (Отношение цензуры к „Одескому вестнику".)

„Древняя и новая Россия", 1877, № 1, стр. 213 (журнальные юбилеи).

В. Туманский. Стихотворения и письма. СПБ. 1912. Стр. 409—410.

М. П. Розберг. Р. архив 1900, II, 199—201. (Письмо Р-га к Н. И. Розанову.)

А. Ф. Шидловский. Из бумаг В. Г. Теплякова. Р. стар., 1896, IV, 192; „Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина", вып. VII, 344—347 и реферат об этом Н. Л. (Лернера)—„Из Одесской старины". – „Ведом. одесского градоначальства", 1900, № 180; „Биографический словарь профессоров Юрьевского университета". 1917.

Письмо *М. П. Розенберга* к А. С. Пушкину. „Переписка Пушкина", изд. Академии наук, т. II, 198.

Н. Г. Мурзакевич. А. Г. Тройницкий. Записки Одесского общ. ист. и древ. IX, 369; „Отъезд Тройницкого из Одессы". Одесск. вестник, 1857, № 100 (Краткий очерк его деятельности в Одессе за 33 года); „Очерк жизни А. Г. Тройницкого" Р. арх, 1894, I (здесь и библиография); *А Ф. Шидловский*, А. Г. Тройницкий (одесский период его службы), Рус. стар., 1897, № 2; „Ришельевский лицей и Новороссийский университет", сборник, ч. I. Одесса, 1898. 43—50 (его биография, составленная *А. И. Маркевичем*).

— „Одесский вестник"—его внешняя история.—Его редакторы и сотрудники.—Его общественно-политическая программа.—„Одесский вестник" и его цензурные мытарства.—Составить перечень литературного (оригинального) материала, помещенного в „Одесском вестнике".—„Од. вестн." в ряду других одесских газет („Новороссийский телеграф" Н. Л. Озмидова)—см. ст. В. Яковлева.

ОДЕССКИЕ АЛЬМАНАХИ.

С. А. Венгеров. Русские книги, т. I (альманахи).

С. П. Крейтон. Библиографическое описание первых трех „Одесских альманахов". — Изв. Одесского библиографического общества, т. I, вып. II, 59—62.

В. Яковлев. Печать в Новороссийском крае. „Юг" 1882, № 1, 1—71, особенно стр. 59 65.

А. Скальковский. О периодических изданиях в Одессе. Одесский вестник 1858, № 1.

В. В. Данилов. Н. И. Надеждин в Одессе в 1836—1842 гг. Русский филологический вестник 1911, II, 349 и сл.

Путята. Перекличка альманахам, Пирятин. 1900.

С. Пономарев. Русские альманахи. Альманах „Киевлянка". Киев, 1884. Стр. 107—111.

З. А. Бариневич-Бабайцева. Пушкин и Одесские альманахи. „Пушкин. Статьи и материалы". В. II. Одесса. 1926.

— Одесские альманахи в ряду других русских альманахов. — Составить библиографическое описание следуюших

альманахов: „Одесский альманах" 1831, 1839, 1840; „Подарок бедным" (1834); „Альциона" (1848); „Литературные вечера" П. Фумели, 1849 — 1850; „Новороссийский литературный сборник" (1856).—Отзывы об „Одесской литературе" В. Белинского, Валер. Майкова. Участие в „Одесском альманахе" столичных литераторов.—Редакторы и сотрудники.

ОДЕССКИЙ ТЕАТР.

А. А. Алексеев. Воспоминания актера. М. 1894.

Ф. Ф. Вигель. Записки. М. 1892.

Н. А. Витте. Краткая историческая записка о положении театрального дела в Одессе с начала постройки сгоревшего театра, т. е. с 1808 г. Одесса. 1886.

В. Всеволодский-Гернгросс. Театр в России в эпоху Отечественной войны. СПБ. 1912.

И. А. Горновский. К столетию театральных представлений в Одессе. „Библиотека театра и искусства". 1905, октябрь.—*Его же.* Осколки театральной старины. Там же. 1904.

Двадцатипятилетие Одесского городского театра 1887—1912. Одесса. 1912.

Кн. И. Н. Долгорукий. Славны бубны за горами или путешествие мое кое-куда (1810). М. 1870. (Из чтений общ. ист. и древностей Р.)

О. М. Лернер. Одесская старина. Од. 1902. (Очерк „Одесского театра".)

„Репертуар и Пантеон" 1845, кн. V; 1852, кн. VI, 1853, кн. V—IX.—„Москвитятин", 1850, № 10; 1851, № 15; 1852, № 5; 1853, №№ 16, 21.

А. А. Скальковский. Биографический очерк Одесского театра. Од. 1858.

К. А. Скальковский. Воспоминание молодости. СПБ. 1906.

А. И. Маркевич. Гоголь в Одессе. Од. 1902.

„Островский". Сборник. Изд. ГИУ. Од. 1923.

К. Экскурсия по кладбищам—„Одесские новости", 1897, № 4001 (о могилах П. Л. Мочалова и Н. К. Милославского).

Верещагин. Памяти прошлого. СПБ. 1914, стр. 164. (Внутренность здания Одесского театра по рисунку Де-Бальмена.)

Из архива К. Э. Андреевского. Т. I—II. Од. 1913—14.

Л. Н. Самсонов. Пережитое. Мечты и рассказы русского актера (1860—1876). СПБ. 1880.—*Его же.* Золотой город. Очерки Одессы. Од. 1870.

Ср. тему: „Одесса как южный культурный центр".

ОДЕССКАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА З. К. ОЗМИДОВА (ЗЕО).

Зео. Первая жена. Роман. Одесса. 1888.—Три соперницы. Одесса. 1889.—Рассказы. Одесса. 1889.—Для досуга. Рассказы. Од. 1890.—Из жизни. Од. 1891.—Сказки. Од. 1892.—Новые рассказы. Од. 1893.

Новороссийский телеграф, газета, 1870—1880-х годов (здесь—беллетристика и рецензии *Зео-Озмидовой).*

Одесский листок 1895, 31 марта (о 25-летнем юбилее З. К. Озмидовой).

Исторический вестник 1907, XII (о М. П. Озмидове и его газете).

— Биография З. К. Озмидовой.—Участие в „Новороссийском телеграфе".—М. П. Озмидов как одесский общественный деятель, публицист и журналист.—Его эволюция от либерализма к реакционности.—Борьба в Одессе 80-х годов различных общественных групп.—Политическая роль администрации.—Социальный состав общества.—Позиция, занятая Зео-Озмидовой.—Ее статьи в „Новорос. телеграфе" (составить полный список).—Ее беллетристика. Общий ее характер. — Социально-политические тенденции. — Местные одесские темы, образы, бытопись в беллетристике Озмидовой.

ОДЕССКАЯ „БОСЯЧЕСКАЯ" ЛИТЕРАТУРА. (ВЛИЯНИЕ М. ГОРЬКОГО.)

Кармен. Дикари. (Из жизни обитателей Одесского порта.) С иллюстрациями, принадлежащими карандашу бывшего обитателя порта *А. П-ва.* Одесса. 1901. (Отзыв: „Рус. богатство", 1901, IX.)

С. С. Полятус. „Интеллигентные босяки". Очерки и рассказы. (Из личных наблюдений.) Одесса. 1902.

Н. Б. Полиновский. Среди босяков. Очерки и рассказы. Одесса. 1903.

Кармен. На дне Одессы. Изд. Е. Е. Свистуновой. Одесса. 1904.

„ВОРОНЕЖСКИЕ АФИНЫ".—ГОРОД ОСТРОГОЖСК В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА.

Россия. Полное географическое описание. Издание Девриена. Т. II. Средне-черноземная полоса.

Г. М. Веселовский. Город Острогожск. Историко-статистический и этнографический очерк. Воронеж. 1867.

В. Н. Тевятов. Острогожск—крепость и полковой город. Труды Воронеж. учен. архив. комиссии. Вып. III.

Записки и дневник *А. В. Никитенко*, изд. 2-е. П. 1904.

В. И. Маслов. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев. 1912.

Н. И. Костомаров. Автобиография. Изд. „Задруга". М 1922.

КОЛЬЦОВ И ВОРОНЕЖСКИЙ ФОЛЬКЛОР.

Сочинения *А. В. Кольцова,* под ред. А. И. Лященко, изд. Разряда Изящной словесности Импер. академии наук. П. Третье дополненн. и исправленн. изд. 1911.

P. Schalfeijew. Die volkstümliche Dichtung Kol'cows und die russische Volkslyrik. Berlin. 1910. A. Duncker Verlag.

А. И. Некрасов. Кольцов и народная лирика. (Опыт параллельного анализа.) Изв. II отд. Акад. наук, 1911, II, 83—135.

Н. Н. Трубицын. О народной поэзии в литературном и общественном обиходе первой трети XIX в. П. 1912.

В. Стоюнин. Кольцов. Сын отечества, 1852, №№ 3—5. (Сопоставления Кольцова с народными песнями.)—*В. Водовозов.* Кольцов, как народный поэт—в *его* „Новой русской литературе" (сопоставления Кольцова с народными песнями).

А. И. Яцимирский. Писатели-крестьяне. Литературный вестник, 1904.—*Его же.* И. З. Суриков (1841—1880) в семье

своих литературных преемников. (По неизданным материалам.) Русская старина, 1905, № 4, стр. 74—107.

Г. И. Успенский. „Крестьяне и крестьянский труд" (глава „Поэзия земледельческого труда").

Программа для собирания материалов и сведений о художественной литературе местного края. Воронеж. 1925.

Д. К. Зеленин. Описание рукописей Р. географ. общ., вып. I, 1914 (см. Воронежск. губ.).—*Его же.* Великорусские говоры. П. 1913 (гл. IV).—*Его же.* Указатель этнографической литературы (стр. 29 и сл.).—*Его же.* Воронежск. былина. „Памятная книжка Воронежской губ.", на 1907 г.

Сергей Шервинский. Бар. Дельвиг и русская народная песня. Р. А. 1915, VI. 139—164.

В. Данилов. Кольцов как поэт личных настроений. Р. Ф. В. 1910, т. LXIV.

Для сопоставлений: Сочинения *И. С. Никитина, С. Д. Дрожжина, И. З. Сурикова.*

Роберт Борнс. Стихотворения в переводе русских поэтов. М. 1897, или 2 изд. Ср. *Н. Ля-ева.* Роберт Борнс (шотландский народный поэт). „Дело" 1876, №№ 5 и 6.

— Степень знакомства Кольцова с народной поэзией.— По сборникам народных песен и исследованиям о них наметить объем и содержание народно-песенного материала, обращавшегося в Воронежском крае в первой трети XIX в.—Совпадения и расхождения К. с народными песнями (в языке, образах, мотивах). Личное в песнях К.

ВОРОНЕЖСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ ЗА ПЕРВОЕ ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЕ (1838—1862).

Воронежские губернские ведомости 1838—1862. Ср. „Вор. г. вед.", 1869, №№ 13, 15—17, 20 и 32 (указатель).

Н. В. Воскресенский. Пятидесятилетие Воронежск. губ. ведомостей. Историч. очерк, т. I—II.

Н. В. Воскресенский. Воронежские губернские ведомости. Воронежский юбилейный сборник в память трехсотлетия г. Воронежа, т. II. Воронеж. 1886.

Сочинения *Никитина* под ред. А. Г. Фомина (см. здесь библиографию Второвского кружка в гл. VI биографии).

— Редакция, сотрудники и читатели В. г. ведомостей.—Отделы газеты и их содержание.—Культурное значение издания.—Общественные тенденции газеты.—Этапы в развитии.—Другие периодические издания в Воронеже, возникшие вслед за Губ. ведомостями.

УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ВОРОНЕЖА ВРЕМЕН КОЛЬЦОВА И НИКИТИНА.

Юбилейный сборник Михайловского воронежского кадетского корпуса. Воронеж. 1898.

П. В. Никольский. История Воронежской духовной семинарии. Воронеж. 1889.

Н. И. Поликарпов. Никитин, как воспитанник Воронежской духовной семинарии. Воронежский телеграф 1896, № 119, и отдельно.—*П. В. Никольский.* Воронежский семинарист старого времени. Воронежские епархиальные ведомости 1899, №№ 3, 4.

Г. Веселовский. Исторический очерк Воронежской гимназии. Воронежская беседа 1861, I, 317—380.—*Его же.* Воронеж в историческом и современно-статистическом описании. 1866.

Г. И. Пантелеевский. Материалы для истории Воронежской гимназии. Памятная книжка Воронежской губернии на 1900 г.

ВОРОНЕЖСКИЙ ТЕАТР ВРЕМЕН КОЛЬЦОВА И НИКИТИНА.

По Воронежским губернским ведомостям и русским театральным журналам тридцатых—пятидесятых годов проследить историю воронежского театра и общественных увеселений.

А. А. Шкляревский. Воронежский театр. Русская сцена 1864, кн. 6 и 10.

Черты из истории Воронежского театра. Воронежский листок 1867, № 58.

Указатель статей серьезного содержания в русских журналах. Издание Н. Бенардаки и Ю. Богушевича. „Репертуар и Пантеон". П. 1858 (стр. 36).

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СТАРИНА ВОРОНЕЖА.

Воронежская старина, издание Воронеж. истор. археологического комитета.

Г. М. Веселовский. Исторический очерк г. Воронежа. 1586—1886. Воронеж. 1886.

Г. К. Лукомский. Воронежская старина. П. 1915.

Ю. И. Успенский. Старый Воронеж. Художественно-исторический очерк. Воронеж. 1922 (и библиография).

СЕРЕБРЯНСКИЙ И ВОРОНЕЖСКИЕ СЕМИНАРИСТЫ.

Е. Сталинский. Кольцов и Серебрянский. Изд. газ. „Дон". Воронеж. 1868. Рец. в „Голосе", 1868, № 335.— *М. Ф. Де-Пуле.* Замечательные люди нашего края. Воронеж. губ. ведом. 1865, № 7.

А. П. Серебрянский. Сочинения. Воронеж. 1911.

А. М. Путинцев. Серебрянский, его жизнь и литературные произведения. „Памятная книжка Воронежской губернии на 1906 г." (и отдельно, Воронеж, 1906). — *Его же.* О влиянии Серебрянского на Кольцова. Филилогич. записки 1909, вып. I.

А. И. Николаев. Списки окончивших курс в Воронежской духовной семинарии с извлечениями из семинарского архива сведений о лицах, обучавшихся в семинарии. „Воронежские епархиальные ведомости", 1882, прибавление и отдельно.

П. В. Никольский. История Воронежской духовной семинарии. Воронеж. 1899. Ср. *Его же.* Воронежский семинарист старого времени. Воронежские епархиальные ведомости, 1899, № 3 и № 4.

М. Т. Олейников. К биографии Серебрянского. Воронежская старина, вып. IX. Воронеж. 1910.

Сочинения *А. В. Кольцова*, под ред. А. И. Лященко.

Н. Щукин. Серебрянский (биография, поэма, письма). Филолог. зап. 1910.

— Личность и литературная деятельность Серебрянского. — Научные и литературные интересы в семинарских кружках. — Влияние кружков на Кольцова. — Семинарская традиция и Никитин. — Семинарские кружки в других городах.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВЗГЛЯДЫ НИКИТИНА (В СВЯЗИ С АНАЛИЗОМ ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ).

Полное собрание сочинений и писем *И. С. Никитина*, под редакцией А. Г. Фомина. Изд. т-ва „Просвещение". Ср. изд. Панафидиной, под ред. О. М. Гершензона.

М. Ф. Де-Пуле. Биография И. С. Никитина (печаталась в прежних изданиях, последний раз—в юбилейном издании И. Д. Сытина, М. 1911).

А. И. Цикавый. Никитин и воскресные школы. „Воронежский телеграф", 1911, № 234, приложение.

„Воронежский юбилейный сборник в память 300-летия г. Воронежа". Воронеж. 1886.

А. А. Корнилов. Общественное движение при Александре II. М. 1909.—„История России в XIX в.", изд. Гранат и К° (соответств. главы).

А. Цикавый. Первые Воронежские воскресные школы. „Известия по народному образованию Воронеж. губ.", 1912—1913, № 1, 2, 3 и 4.

Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений под ред. М. К. Лемке, т. IV, стр. 151—174 (или—изд. под редакц. Е. В. Аничкова).

О „Русской беседе": *Н. П. Колюпанов.* Биография А. И. Кошелева, т. II, гл. IV; *Н. Г. Чернышевский.* Сочинения, т. III (Современник, 1857, № 4); *Н. П. Барсуков.* Жизнь М. П. Погодина (по Ключу); Р. А. 1863, стр. 1041 (указатель).

— Филиация общественного движения пятидесятых и начала шестидесятых годов. — Славянофильство, либерализм,

радикализм.—Направление „Русской беседы".—Второвский кружок и его общественные взгляды.—Взгляды Никитина и их эволюция (освобождение крестьян, народное просвещение, культурничество, столичная журналистика, элементы национализма, взгляд на дворянство, роль мещанства и проч.).—Отталкивание от Некрасова.—Черты провинциализма в миросозерцании Никитина.—Отражения теоретических взглядов в творчестве.

НИКИТИН И НЕКРАСОВ.

(Провинциал и урбанист.)

Сочинения и письма *И. С. Никитина,* под ред. А. Г. Фомина. Ср. изд. Панафидиной под ред. М. О. Гершензона.

Стихотворения *Н. А. Некрасова* в четырех томах. П. 1879. (Здесь и библиография, составленная С. Пономаревым.) Ср. изд. 1927 г. под ред. К. И. Чуковского и со ст. И. Н. Кубикова.

М. Ф. Де-Пуле. Н. А. Некрасов. Р. вест. 1878, V.

В. И. Покровский. И. С. Никитин. Сборник статей. М. 1910 (то же—о Некрасове).

И. В. Владиславлев. Русские писатели XIX—XX стол., 4-е изд. М. 1924 (библиография Некрасова и Никитина).

В. Евгеньев-Максимов. Некрасов. Сборник статей. Изд. К. Ф. Некрасова. М. 1914.

Некрасовский сборник под ред. В. Е. Максимова-Евгеньева и Н. К. Пиксанова. П. 1918. (Здесь—хронологический указатель произведений Некрасова.)

— Круг общественных идей, настроений и отношений у Некрасова, — у Никитина.— Сближение и расхождение здесь Некрасова и Никитина.—Провинциализм Никитина.—Объем некрасовского творчества при жизни Никитина (точная хронология).—Сравнение произведений поэтов на всем протяжении их деятельности (язык, формы, сюжеты, типы, лирика, идейность).

БЫТОВАЯ ЖИВОПИСЬ НИКИТИНА.

(Жанровые картины провинции.)

Сочинения *Никитина* под ред. А. Г. Фомина. Изд. т-ва „Просвещение". 3 тт.

А. М. Путинцев. Этюды о жизни и творчестве Никитина. Воронеж. 1912.

С. М. Городецкий. Эпос Никитина. Сочинения *Н-на*, изд. „Деятель", т. II.

Ф. Поликарпов. Народная жизнь в изображении Никитина. „Памятная книжка Воронежской губ. на 1911 г." (и отдельно, Воронеж. 1911).

Для аналогии: *Горький.* Городок Окуров; *Е. Замятин.* Уездное.

ВОРОНЕЖСКИЙ КРУЖОК ВТОРОВА.

Собрание сочинений *Никитина* под ред. А. Г. Фомина. (Здесь в гл. VI биографии перечислены члены кружка и указана библиография.)

М. Де-Пуле. Н. И. Второв. Черты областной умственной жизни в России. Рус. арх., 1877, II.—*П. И. Мельников-Печерский.* Воспоминания о Н. И. Второве. Северная пчела, 1865, № 266.

Воронежский юбилейный сборник в память 300-летия г. Воронежа. Воронеж. 1886.

Н. В. Воскресенский. Исторический обзор деятельности Воронежского губернского статистического комитета. Воронеж. 1892.

В. В. Литвинов. Первая памятная книжка Воронежской губернии. Воронеж. 1906.—*Его же.* Памятные книжки Воронежской губернии 1856—1906 гг. Воронеж. 1907.

И. Землянский. Воронежские письма. Русское слово 1860, кн. III, 24—44.

А. М. Путинцев. Этюды о жизни и творчестве И. С. Никитина. Воронеж. 1912.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТ ЭПОХИ РЕФОРМ. М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ.

Воронежский юбилейный сборник в память 300-летия г. Воронежа. Воронеж. 1886. Стр. 378—395.

Д. Д. Языков. Обзор жизни и трудов русских писателей, вып. V, VI и сл. (Ср. *М. Ф. Де-Пуле.* Провинциальное безмолвие. Дело, 1864, VII.)

Русский биографический словарь, т. „Дабелов-Дядьковский" (1905).

Сочинения *И. С. Никитина*, ред. А. Г. Фомина. Изд. „Просвещение". П. 1913.

С. А. Венгеров. Источники словаря русских писателей, т. II.

Н. К. Пиксанов. Два века русской литературы, 2-е изд. (стр. 168—169. „Русское слово").

А. Г. Фомин. Письма Тургенева и Л. Н. Павленкова к М. Ф. Де-Пуле. Литературно-библиографический сборник, ред. Л. К. Ильинского. П. 1918.

К биографии А. Д. Галахова (письма к М. Ф. Де-Пуле). Сообщ. А. Г. Фомин. Сборник Sertum Bibliologicum в честь А. И. Малеина. Л. 1922.

Г. М. Веселовский. Воспоминания о М. Ф. Де-Пуле. „Дон" 1885, №№ 102, 104, 107 и 109.

Воронежская литературная беседа. Сборник, ред. А. М. Путинцева. Воронеж. 1925.

— Внешняя биография Де-Пуле.—Перезд в Воронеж и культурническая деятельность здесь.—Литературно-критические работы Де-Пуле.— Его публицистика в шестидесятых годах; политическая ориентация.—Административная карьера Де-Пуле и поворот к консерватизму.

ИЗ ИСТОРИИ КРАЕВЕДЕНИЯ. ВОРОНЕЖСКИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ПЯТИДЕСЯТЫХ—ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДАХ XIX В.

Н. В. Воскресенский. Исторический обзор деятельности Воронежского статистического комитета. Воронеж. 1892.

Воронежский юбилейный сборник в память 300-летия г. Воронежа. Воронеж. 1886.

Воронежская беседа на 1861 год, изд. М. Ф. Де-Пуле и П. П. Глотовым. Воронеж. 1861.

В. В. Литвинов. Первая памятная книжка Воронежской губернии. Ее содержание и сотрудники. Памятная книжка Вор. губ. на 1906, отд. III.—*Его же.* Памятные книжки Воронежской губернии 1856—1906. Воронеж. 1907.

Н. В. Воскресенский. Пятидесятилетие Воронежских губернских ведомостей. Исторический очерк. Т. I—II.

С. Д. Соколов. Саратовцы писатели и ученые. Саратов. 1913. (Стр. 60—61: работы Г. М. Веселовского.)

Источники и пособия для изучения Воронежского края. Воронеж. 1889.

Сочинения *Никитина,* редакция А. Г. Фомина, изд. „Просвещения", т. I, биография, гл. VI.

См. темы. „Воронежский кружок Второва", „Провинциальный публицист М. Ф. Де-Пуле".

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ВОРОНЕЖСКИХ КУЛЬТУРНИКОВ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА.

(Библиографию см. выше.)

— Составить полный список местных воронежских культурных деятелей пятидесятых—шестидесятых годов (литераторы, преподаватели, статистики, этнографы и т. д.).—Определить для каждого его происхождение, материальное и общественное положение, образовательный ценз, службу.—Социально-сословные группы (поместные дворяне, купцы, мещане, крестьяне, поповичи, офицерство, чиновничество).—Процентное соотношение этих групп.—Кто преобладал?—Как складывался общий политический тон?—В какую сторону тяготело культурничество?—Какими факторами обусловлен социальный состав и идеологический тип воронежских культурников?

ИРКУТСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ГНЕЗДО В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА.

Иркутские губернские ведомости с 1857 г.

„Амур" газета. 1860—1862.

Ф. Буссе. Указатель литературы об Амурском крае. Изд. 2-ое, дополн. СПБ. 1882.

В. П. Сукачев. Иркутск, его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. М. 1891. Отзыв А. Н. Пыпина: Вест. Европы 1891, X, 844—850.—*В. Вагин.* Иркутск в 40-х годах. Литературный сборник, под ред. Н. М. Ядринцева, изд. „Восточного обозрения", 1885.

В. И. Межов. Сибирская библиография. Т. I—III. П. 1891—1892.

И. Барсуков. Граф Н. Н. Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. П. 1891. Ср. Новый энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона, т. 27, 1916 (новая библиография о Муравьеве).

В. И. Семевский. М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы. Ч. I. М. Изд. „Задруга", 1922.—*Его же* М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири. Голос минувшего 1915, I, III, V (большая библиография).—*Его же*, биография Н. А. Спешнева в Энциклопедическом словаре Брокгауза, т. 31; ср. Рус. биографич. словарь, т. „Смеловский—Суворина" (1909).—*Д. Д. Языков.* Обзор жизни и трудов русских писателей. Вып. II, изд. 2-е. М. 1915 (стр. 80).

Ю. М. Стеклов. М. А. Бакунин. Его жизнь и деятельность. Ч. I. М. 1920.;—*В. П. Полонский.* М. А. Бакунин. Жизнь. Деятельность. Мышление. Т. I. Изд. 2-е. М. 1925.

Б. Г. Кубалов. Страницы из жизни М. А. Бакунина и его семьи в Сибири. Сборник трудов профессоров Государ. иркутского университета. Вып. V. Иркутск. 1923.

П. П. Семенов. История полувековой деятельности Рус. географич. общества. 1845—1895. Ч. I—III. П. 1896. Ср. Нов. энциклопедич. словарь Брокгауза-Ефрона, т. 13, 1913 (Географическое рус. общество).

Литературный сборник редакции „Восточ. обозрения". СПБ. 1885 (стр. 352—406).

Сочинения *А. И. Герцена*, ред. М. К. Лемке, тт. X и XI (№№ 1365, 1488, 1781 и примечания к ним) и по указателю имен в XXII томе.

Исторический вестник 1904, X (некролог М. В. Загоскина); ср. Нов. энциклопедич. словарь, т. 18 (1914).—*С. А. Венгеров.* Критико-биографич. словарь рус. писателей, т. VI, стр. 243—244. *Его же.* Источники словаря рус. писателей, т. II.

В. Лейкина. Петрашевцы. М. 1924 (много библиографии).

Н. А. Белоголовый. Воспоминания. Изд. 4-е. П.

С. Волконский. О декабристах. По семейным воспоминаниям. П. 1922.

В. П. Быкова. Записки старой смолянки. Т. II. СПБ. 1899.

Автобиография *С. С. Шашкова*. Восточное обозрение 1882, № 32.

М. К. Лемке. Н. М. Ядринцев. П. 1904. См. тему Сибирские „сепаратисты" (1865 г.)

— Характеристика Иркутска к половине XIX века (история, население, хозяйство, учреждения, школы, общественная жизнь, административно-политическое значение для Восточной Сибири).—Деятельность Муравьева-Амурского.—Иркутское общество и роль в нем ссыльных.—Декабристы.—Петрашевский, Спешнев, Ф. Львов, Бакунин.—Выдающиеся местные деятели.—Иркутские губернские ведомости под редакцией Н. А. Спешнева; участие в них декабристов и петрашевцев (изучить содержание Ирк. губ. вед.).—Газета „Амур".—Восточно-сибирский отдел Русского географического общества; экспедиции.—Культурная жизнь Иркутска за 1857—1862 гг. (по Губ. ведомостям и газ. „Амур").—Общие итоги. Вклады иркутского культурного гнезда в общерусскую культуру (С. С. Шашков, Н. А. Белоголовый и др.).

ЭКСКУРС. ПЕТРАШЕВЕЦ Ф. Н. ЛЬВОВ И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ИРКУТСКЕ.

Ф. Н. Львов. Заметки отставного канцелярского служителя в поисках его за промышленностью. Современник, 1861, III.—*Его же.* Выдержки из воспоминаний ссыльно-каторжного. Современник, 1861, IX; 1862, II.

Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее Щукина т. X (переписка *Ф. Н. Львова*).

В. И. Семевский. М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы. Ч. I. М. 1922.—*Его же.* М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири. Голос минувшего, 1915, III (большая библиография).

Энциклопед. словарь Брокгауза-Ефрона, т. 18.

И. И. Венедиктов. Из воспоминаний. Р. стар., 1901, IV, 171—175.

В. Лейкина. Петрашевцы. М. 1924 (хорошая библиография).

Г. Бешкин. Литература о петрашевцах. Вестн. социалистич. академии, кн. VI.

„СИБИРСКИЕ СЕПАРАТИСТЫ" (1865).

Дюгамель. Записки. Рус. арх., 1885, VII, X.

А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. IV (Сибирь). П. 1892.

Б. Глинский. Н. М. Ядринцев. С приложением воспоминаний Г. Н. Потанина. СПБ. 1895.

В. И. Семевский. Н. М. Ядринцев. Рус. мысль, 1895.

В. И. Межов. Сибирская библиография. П. 1892.

Дело о лекциях *С. С. Шашкова.* Сибирские записки, 1917, I.

К. Дубровский. Рожденные в стране изгнания. П. 1916. (А. П. Щапов, Н. М. Ядринцев, С. С. Шашков, Н. И. Наумов, Г. Н. Потанин.)

М. Ветошкин. Сибирское областничество. Совр. мир, 1913, III.

Д. Клеменц. Г. Н. Потанин. Рус. богатство, 1905, IX.

М. Лемке. Н. М. Ядринцев. Биографический очерк. К десятилетию со дня кончины. П. 1904.—*Н. М. Ядринцев.* К моей автобиографии. Рус. мысль, 1904, VI.

Письма *Н. М. Ядринцева* к Г. Н. Потанину. Сибирские записки, 1916. II—IV.—По поводу писем—там же, 1916, II.

И. И. Попов. К 80-летию Г. Н. Потанина (Потанин и областничество). Гол. мин., 1915, I.

Г. Н. Потанин. Воспоминания. Сибирск. жизнь, 1913 и след.—Обзор. их. Гол. мин., 1913, IX.—*Его же.* Встреча

с С. Ф. Дуровым. Сборник „На славном посту". Изд. 2-е. СПБ. 1906.

Д. Д. Языков. Обзор жизни и трудов рус. писателей. Вып. II, изд. 2-е. М. 1915 (для С. С. Шашкова).

А. А. Шилов. Общество „Независимости Сибири" 1865 г. „Вольная Сибирь" 1918, №№ 4, 6, 9.—Перепеч. в Сибирских записках, 1918.

Записка Западно-сибирского отдела Рус. географическ. общества за 1924 год (допросы Потанина и др.).

САРАТОВСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ГНЕЗДО К СЕРЕДИНЕ XIX в.

Н. Ф. Хованский. Очерки по истории г. Саратова и Саратовской губернии. Саратов. 1884 (библиография Сарат. края и местных изданий, словарь писателей и др.). Ред. Д. Л. Мордовцева. И. В. 1884 (перепеч. в его Историч. Пропилеях, т. II). — *Б. И. Оппокова.* Прошлое Саратовского края. Саратов. 1924.

С. Д. Соколов. Саратовцы писатели и ученые. Материалы для био-библиограф. словаря. Труды Саратов. учен. архив. комиссии, вып. 30 и 33, 1913 и 1916 гг. (доведено до сл. Павел); здесь био-библиографии Благосветлова, Пр. Введенского, М. С. Жуковой, Костомарова, Мордовцева, С. А. Макашина и др.

Автобиография *Н. И. Костомарова.* Изд. „Задруга". М. 1922 (гл. V).

Письма *Н. Г. Чернышевского* к Г. С. Саблукову. В. е., 1911, V.—*Ф. Духовников.* К биографии Г. Е. Благосветлова. Р. с. 1913, I—III. — *Б. П. Козьмин.* Г. Е. Благосветлов. Современник, кн. I. М. 1922.

Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. I. Саратов. 1893 (по истории печатного дела, периодич. изданий, народ. образования, книготорговли, общественных собраний и т. д.).

П. Черняев. Материалы для истории Саратовской первой гимназии. Труды Саратов. учен. архивн. комиссии, вып. XXV.

Д. Л. Мордовцев. Школьные воспоминания. Рус. слово 1863, I — II. — *Его же.* Н. И. Костомаров по моим личным воспоминаниям. Новь 1888, №№ 15 — 17. — *Его же.* Профессор Ратмиров. Роман.

П. Юдин. Н. Г. Чернышевский в Саратове. И. В. 1905. XII. — *Его же.* Из юношеских лет А. Н. Пыпина. И. В. 1908, VIII, 557 — 566. — *Его же.* Н. И. Костомаров в Саратове. И. В. 1905, IV и XII. — *Его же.* Мордовцевы в Саратове. И. В. 1907, III.

А. Н. Пыпин. Мои заметки. П. 1910.

Е. А. Ляцкий, статьи о Н. Г. Чернышевском. См. Владиславлев, Русские писатели, 4-е изд. М. 1924.

В. Е. Чешихин-Ветринский. Н. Г. Чернышевский. 1828—1889. П. 1923.

И. У. Палимсестов. Воспоминание о Костомарове. Р. обозр., 1895, VII.

Библиографич. указатель статей Саратов. губерн. ведомостей, сост. Н. Ф. Хованский. Труды Саратов. учен. комиссии, вып. I — II. — Саратов. епархиал. ведомостей, сост. К. Г. Рыбин, — там же, вып. 20.

М. Воронов. Болото. Картины петербургской, московской и провинциальной жизни. П. 1870.

ЭКСКУРС.—НАСТАВНИК ЧЕРНЫШЕВСКОГО И БЛАГОСВЕТЛОВА, ОРИЕНТАЛИСТ Г. С. САБЛУКОВ.

Русский биографический словарь, т. Сабанеев — Смыслов. П. 1904 (и библиография).

Письма *Чернышевского* к Г. С. Саблукову. Вест. европы 1911, V.

Ф. Духовников. К биографии Г. Е. Благосветлова. Р. С. 1913, I — III. — *Б. П. Козьмин.* Благосветлов. Современник, кн. I, 1922. — Ср. *Н. К. Пиксанов.* Два века русской литературы, изд. 2-е (темы о Благосветлове о Русском слове).

Е. А. Ляцкий. Чернышевский в годы учения. Современ. мир, 1908, V, VI, XII; 1909, III. Ср. тему: „Саратовское гнездо".

1). РОЛЬ ОБЛАСТНИЧЕСТВА В НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЯХ А. П. ЩАПОВА.—2). РОЛЬ ЩАПОВА В СИБИРСКОМ ОБЛАСТНИЧЕСТВЕ.

Сочинения *А. П. Щапова*. Изд. М. Пирожкова. Т. I—III. П. 1906—1908. Ср. Известия Сибир. отдела Рус. географич. общества, т.т. III, IV, VII.

М. Н. Покровский. Борьба классов и русская историческая литература. Изд. „Прибой", Л. 1923.—*Его же*. А. П. Щапов. „Историк-марксист", т. III (1927).

Г. В. Плеханов. Сочинения, т. II (о книге Аристова о Щапове); ср. т. I.

Д. Чудинов. Забытый предтеча. Сибирские огни, 1924, V, 170—189.

Н. Н. Козьмин. А. П. Щапов. Его жизнь и деятельность. Иркутск. 1902. Ср. *Его же*. Очерки прошлого и настоящего Сибири. П. 1910.

Русский биографич. словарь, т. Щапов—Юшневский. П. 1912 (ст. *Н. Сербова;* библиография).

Г. Алексинский. Историк-публицист. Рус. мысль, 1901, VII—VIII.

А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. IV.

Г. А. Лопатин. Автобиография, показания, статьи. Собрал А. А. Шилов. П. 1921.

Н. Я. Аристов. Афанасий Прокофьевич Щапов. П. 1883. Отзыв *В. Вагина*—„Сибирь", 1884, № 7.

„Дело" 1876, IV. (Некролог Щапова, составл. *С. С. Шашковым*.) Ср. Живописное обозрение, 1881, №№ 44,46, 47, 48 (*С. Шашков*).

А. Попельницкий. Панихида по убитым крестьянам в с. Бездне. Гол. мин., 1917, IX—X. Ср. Красный архив, кн. 4 (подлинный текст речи *Щапова*).

Марк Азадовский. Легенда о Щапове. Сибирская живая старина, вып. I. Иркутск, 1923.—*Его же*. Пути этнографических изучений. Сибирская живая старина, вып. II (VI). 1926.

М. И. Успенский. Краеведение в сочинениях А. П. Щапова. Краеведение, 1926, № 3.

Красный архив, кн. 19 (1927) — письмо *А. П. Щапова* к Александру II.

Русская история в классовом понимании. Сборник статей под ред. *М. Н. Покровского*. М. 1927 (ст. *Арк. Сидорова* о Щапове).

ОБЛАСТНИЧЕСТВО В НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЯХ КОСТОМАРОВА.

Н. И. Костомаров. Автобиография. Изд. „Задруга", М. 1922. — *Его же*. Литературное наследие. П. 1890 (полный список трудов. Ср. *Д. Д. Языков*. Обзор трудов рус. писателей, вып. V и слл.). — *Его же*, собрание сочинений.

Гр. Данилевский. Основьяненко. П. 1856 (письма *Костомарова*).

В. И. Семевский. Кирилло-мефодиевское общество. Гол. мин., 1918, X — XII.

И. Ф. Павловский. К истории Кирилло-мефодиевского общества в Киеве, Р. С., 1911, XII.

А. С. Грушевский. Ранние этнографические работы Н. И. Костомарова, Изв. II Отд. Академии наук, 1911, кн. 1. — *Его же*. Из харьковских лет Костомарова. Ж. М. Н. П. 1908. IV. — *Его же*. Литературные планы и надежды Кир.-мефод. об-ва. Украинский журнал, 1914, II.

П. А. Кулиш. Воспоминание о Костомарове. Новь, 1885, № 13.

Н. И. Костомаров. П. А. Кулиш и его литературная деятельность. Киев. Старина 1883, II. Ср. В. Е.. 1882, III.

Рус. биографич. словарь, т. Кнаппе — Кюхельбекер, 1903 (ст. *Ал. Маркевича*).

М. Н. Покровский. Борьба классов и русская историческая литература. Изд. „Прибой", Л. 1923.

П. Н. Сакулин. Русская литература и социализм. Часть I. Изд. 2-е. М. 1924 (гл. восьмая).

— Влияние на Костомарова харьковского украинского движения. — Кирилло-мефодиевское общество. — Изучение областной жизни в саратовской ссылке. — Журнал „Основа". — Собрать и изучить исторические труды Костомарова

с областнической и федеративной тематикой. („Мысли о федеративном начале в древней Руси", 1861; „Северно-русские народоправства", 1863 и др.) — Статьи К-ва об украинофильстве. — Позиция К-ва среди историков шестидесятых—семидесятых годов. — Его школа (А. Никитский и др.).

КАМСКО-ВОЛЖСКАЯ ГАЗЕТА КАК ОРГАН ОБЛАСТНИЧЕСТВА В СЕМИДЕСЯТЫХ ГОДАХ.

Камско-волжская газета. Политическая и литературная. Казань. 1872—1874. Ср. *Н. М. Лисовский.* — Библиография рус. периодич. печати, стр. 281.

С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей, т. I (стр. 897 и слл. — об Н. Я. Агафонове).

Литературный сборник „Первый шаг". Казань, 1876.

Сборник в память А. С. Гацисского. Изд. Нижегород. учен. архивн. комиссии. Н.-Новгород. 1897. Ср. *Д. Д. Языков.* Обзор жизни и трудов рус. писателей, вып. XIII. П 1916 (о Гацисском). — *В. Г. Короленко.* Собрание сочинений, изд. Маркса, т. II.

О К. В. Лаврском: *С. А. Венгеров.* Источники словаря рус. писателей, т. III; Нов. энциклопед. словарь Брокгауза-Ефрона, т. 23; Государственная дума первого призыва. М. 1906 (стр. 30); Полн. собр. сочинений *В. Г. Короленко*, т. LI (Письма, кн. 2, стр. 104).

М. К. Лемке. Н. М. Ядринцев. П. 1904.

Н. Агафонов. Казань и казанцы. Казань. 1906.

Б. Б. Глинский. Печать в провинции. Ист. вестн. 1898, I.

ОБЛАСТНИЧЕСТВО В ДИСКУССИИ 1875—76 гг.

Д. Л. Мордовцев. Печать в провинции. Дело 1875. IX—X; 1876, V. Ср. Нов. время 1876, № 70. — *Его же.* Исторические пропилеи. П. 1889. Т. II (стр. 246—349).

Литературный сборник „Первый шаг". Казань. 1876 („Литературное обозрение" *К. В. Лаврского*).

С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь, т. I (стр. 897 и слл. — о Н. Я. Агафонове).

А. Гацисский. Смерть провинции или нет? Открытое письмо Д. Л. Мордовцеву. Нижний-Новгород. 1876.

Б. Б. Глинский. Печать в провинции. Ист. вест. 1898, I.

В. Г. Короленко. Литератор-обыватель (А. С. Гацисский). Собр. соч. *Короленко,* изд. Маркса, т. II.

Н. К. Михайловский. Сочинения, изд. 2-е, Н. Н. Михайловского (по указателю имен).

Газета „Неделя" за 1886 — 1888 гг. — статьи *Д. ж.* (Деревенского Жителя, *К. В. Лаврского*). Ср. Письма *В. Г. Короленко,* кн. 2 (Полн. собр. соч. Короленко. т. LI). Харьков, 1923 (стр. 104, письмо к Ф. Ф. Павленкову).

НИЖЕГОРОДСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ГНЕЗДО ВРЕМЕН В. Г. КОРОЛЕНКО И Н. Ф. АННЕНСКОГО

Газеты: „Нижегородский биржевой листок", „Волгарь", „Нижегородский листок" за восьмидесятые — девяностые годы.

Ч. Ветринский. В. Г. Короленко в Нижнем. Нижегородский сборник. II. 1906, стр. 77 — 106. Ср. *Н. Шаховская* В. Г. Короленко. М. Изд. К. Некрасова. 1912.

Театрал. Заметки о нижегородском театре (1798 — 1908). Н.-Новгород. 1909.

В. Е. Чешихин (*Ч. Ветринский*). Люди Нижегородского Поволжья. Вып. I. Краткий словарь писателей-нижегородцев. Н.-Новгород. 1915.

Жизнь и творчество В. Г. Короленко. Сборник статей и речей. II. 1818. См. библиографич. указатель I, сост. *В. С. Венгеровым.*

И. В. Владиславлев. Русские писатели XIX — XX стол. Изд. 4-е. М. 1924. (Биографические материалы о Горьком.) — *М. Горький.* Мои университеты.

Памятная книжка Нижегородской губернии (за соответствен. годы). — Нижегородский ежегодник, под ред. Г. И. Сергеева и В. Е. Чешихина (Ч. Ветринского), за 1911 и слл. гг. Ср. Нов. энциклопед. словарь, т. 28 (стр. 471 — 480 и 484 — 488).

А. П. Мельников. Нижегородская старина. Н.-Новг. 1923.

Нижегородский краеведческий сборник, т. I. Н.-Новгород. 1925 (*А. Н. Свободов.* В Нижнем-Новгороде на заре XX в.).

Красный архив, кн. VI.

Нижегородский сборник памяти Вл. Г. Короленко. Изд. Нижегород. Губсоюза. Н.-Н. 1923.

КОРОЛЕНКО-ОБЛАСТНИК.

Полное собрание сочинений *В. Г. Короленко* в изданиях: 1) Маркса и 2) Украинского Госиздата (ср. в т. XV: „Десять лет в провинции"). — *Его же.* Письма. Государственное издательство Украины (вышли два тома). — *Его же.* Дневники. Изд. то же (вышли два тома).

Н. Шаховская. В. Г. Короленко. Опыт биографии. М. 1912. — *Т. А. Богданович.* В. Г. Короленко. Биография. Харьков. 1922.

Жизнь и творчество В. Г. Короленко. Сборник к 65-летнему юбилею. П. 1918 (по библиографич. указателю, сост. *В. С. Венгеровым,* выбрать корреспонденции Короленко из провинции).

Нижегородский сборник. Изд. „Знание", П. 1906 (*Ч. Ветринский.* Короленко в Нижнем. — *С. Протопопов.* Заметки о Короленко).

Нижегородский сборник памяти В. Г. Короленко. Изд. Нижегородского губсоюза. Н.-Новгород. 1923.

Короленко. Петербургский сборник, ред. А. Б. Петрищева. П. 1922 (*С. Протопопов.* О нижегородском периоде жизни Короленко; письма *Короленко*).

М. Горький. Мои университеты.

Нижегородский краеведческий сборник. Т. I. Н.-Новгород. 1925 (*А. Н. Свободов.* В Н.-Новгороде на заре XX в.).

САМАРСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ГНЕЗДО В ДЕВЯНОСТЫХ ГОДАХ XIX в.

Самарская газета и Самарский вестник за девяностые гг. (установить сотрудничество Горького, Чирикова, Скитальца, марксистов).

Н. А. Архангельский. Г. Самара. Исторический очерк. Самара. 1923.

П. А. Преображенский. Очерк истории Самарского края. Самара. 1919.

Треплев. Горький на Волге. Воспоминания. Путь, 1913, IX—X.—*Его же.* Как Горький начал свою карьеру. Жизнь в Самаре. Бюллетени литературы и жизни. 1913, III, 160—162.

Автобиографические заметки *Горького* — в „Рус. литературе XX века", под ред. Венгерова, т. I, 190—200.

Н. Гарин (Михайловский). Несколько лет в деревне. Рус. мысль 1892, III—VII; Деревенские панорамы. Р. богат. 1894; В сутолоке провинциальной жизни. М. бож. 1900 (перепеч. в собр. соч. Гарина).

Смарагд Горностаев (Н. И. Васильев). Из записной книжки провинциала. III. Интеллигентные кружки. „Наука и жизнь" 1904, XI, 929, 970.

В. Ваганян. Библиография Г. В. Плеханова. М. 1923 (стр. 29 и 111).

И. И. Блюменталь. В. И. Ленин в Самаре. С примечаниями *А. И. Елизаровой.* Губиздат. Самара. 1925.

Н. Клестов-Ангарский. Легальный марксизм. М. 1925 (и библиография). — *Ю. Мартов.* Записки социал-демократа. Изд. „Красная новь", М. 1924. — *Н. Самойлов.* Первая легальная марксистская газета в России („Самарский вестник" 1896—1897). Пролетарская революция 1924, № 7(30).

ЭКСКУРС. МАКСИМ ГОРЬКИЙ В САМАРЕ. ФЕЛЬЕТОНЫ НЕГУДИИЛА ХЛАМИДЫ.

Самарская газета девяностых годов.

Русская литература XX века, ред. С. А. Венгерова, т. I (автобиография *Горького*) и т. II (автобиография *Чирикова).*

Треплев. Горький на Волге. Воспоминания. Путь 1913, IX—X. Ср. Бюллетени литературы и жизни 1913, III.—*Его же.* Горький в Самаре. День рабочей печати, однодневная газета. Самара, 1923.

И. А. Груздев. Максим Горький. Биографический очерк. (По новым материалам.) Изд. „Кубуч", Л. 1925.

Рафаил Григорьев. М. Горький. Критико-биографическая серия Госиздата. М. 1925.

Нижегородский краеведческий сборник. Т. I. Н.-Новгород. 1925 (*А. Н. Свободов.* В Н.-Новгороде на заре XX в.).— *А. Н. Свободов.* Максим Горький как литературный критик. „Красная новь", 1925, I. Ср. выше библиографию о марксистах в Самаре.

— Составить полный и точный список сочинений Горького, напечатанных в „Самар. газете". — Самарское общество девяностых годов. — Библиотека, музей, театр, газеты.— Литераторы в Самаре: Горький, Чириков, Скиталец, Гарин, Михайловский и др. — „Самарский вестник" и марксисты. Полемика с „Самар. газетой". — Позиция Горького. — Фельетоны Горького. Систематизация их по темам. — Приемы письма. — Тип фельетона, выработанный Дорошевичем. — Иегудиил Хламида как отображение целого этапа в развитии творчества и идеологии М. Горького.

ПРОВИНЦИАЛИЗМЫ ЧЕХОВА.

И. В. Владиславлев. Русские писатели XIX — XX стол. Изд. 4-е. М. 1924 (библиография Чехова).

— Столицы и провинция в развитии русск. литературы.— Столичные и провинциальные литературы на Западе.—Когда становится заметно участие в русской литературе писателей-провинциалов? — Провинциализмы Гоголя. — Провинциализмы Никитина, Решетникова, Левитова и др. народников,— Короленко, Мамина-Сибиряка, М. Горького. — Собрать все черты разночинского провинциализма в воспитании, бытовой обстановке юноши-Чехова.— Насколько это было ослаблено Москвой в Чехове-студенте. — Что провинциального осталось в Чехове навсегда: в складе речи, в манере держаться, в костюме, в бытовых привычках, во вкусах и т. д. — Литературные провинциализмы Чехова: в языке, стиле (система сравнений, метафор, символика), пейзаже, юморе

составе образов, сюжетах, симпатиях и антипатиях и т. д.— Что осталось чуждо Чехову-художнику в столице (напр., аристократия, высшая буржуазия); параллели с Л. Н. Толстым. — Завоевание Чеховым столичной культуры (собрать все данные о его самообразовании, о сближении с театром, с искусствами, с высшей столичной интеллигенцией; путешествия за границу). — Овладение столичной жизнью в творчестве Чехова (быт, образы, настроения, идейность).—Чехов на вершине культуры и творчества.

ПРОВИНЦИАЛИЗМ Е. Н. ЧИРИКОВА.

И. В. Владиславлев. Русские писатели XIX—XX вв. Изд. 4-е. М. 1924.

История рус. литературы XX века. Ред. С. А. Венгерова. Изд. „Мир". (Автобиография *Чирикова.*)

— Биография Чирикова; черты провинциализма в происхождении, раннем воспитании, школьном обучении, университетской жизни (помимо автобиографии и др. документов, критически использовать беллетристику Чирикова в ее автобиографических чертах).—Первые выступления в печати и их типичный провинциализм.—Дальнейшая литературная и общественная деятельность—в провинции же.—Наезды в столицу и занимаемая там позиция.—Новые возвраты в провинцию. Социальный тип Чирикова-разночинца.—Провинциализм в его творчестве: язык и стиль, образы, сюжеты, особенности реализма, настроенность.—Идеология Чирикова.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОВРЕМЕННОГО СИБИРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЛАСТНИЧЕСТВА.

Н. Чужак. Сибирский мотив в поэзии. Чита. 1922 (в приложении: сонет *Д. Бурлюка* „Сибирь" и поэма *С. Третьякова* „Путевка" со вступительной статьей *Н. Асеева*).

Марк Азадовский. Из литературы об областном искусстве. Известия Гос. Института Народ. Образования в Чите, вып. I, 1923 (о книге Н. Чужака).

Сибирские огни 1922, № 2 (отзыв *В. Правдухина* о кн. Чужака).

Б. А. Болдырев-Казарин. Sibirica в искусстве. Красные зори (Иркутск) 1923, № 5.

Сочинения *Вс. Иванова, Л. Сейфуллиной, В. Шишкова, Ф. Березовского, И. Гольберга.*

Л. Троцкий. Сибирь. М. 1927 г.

Художественная литература в Сибири (1922—1927). Сборник статей. Новосибирск. 1927.

ЖУРНАЛ „СИБИРСКИЕ ОГНИ" КАК ОБЛАСТНОЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОРГАН.

Сибирские огни, 1922—1927.

В. Правдухин. Литературная современность. Гиз. 1924.

„Пролетарские писатели". Антология пролетарской литературы. Составил *Семен Родов*, под ред. *П. С. Когана.* Гиз. 1925 (для Ф. Березовского).

Г. Вяткин. 1-й съезд писателей Сибири. Известия, 1926, № 82 (2713), 10 апр.

Художественная литература в Сибири. Сборник. Новосибирск. 1927.

ПРОВАНСАЛЬСКОЕ ОБЛАСТНИЧЕСТВО ВО ФРАНЦИИ.

Е. Адамов (Френкель). Ф. Мистраль и областное движение во Франции. Совр. мир., 1914, XI, 93—117.

В. Ф. Шишмарев. Фредери Мистраль. Жур. Мин. Народ. Просвещ., 1915, IX, 87—103.

С. В. Соловьев. Очерки из истории новой французской и провансальской поэзии. П. 1914.

А. В. Луначарский. Мистраль. Газ. „День", 1914, № 77 Перепеч. в кн. „Этюды критические". М. 1925.

КАК СТАВИТЬ КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ МЕСТНОГО КУЛЬТУРНОГО ГНЕЗДА?

Вопросы краеведения. Сборник докладов. Под. ред. Вл. Вл. Богданова. Изд. Центр. бюро краеведения. Нижполиграф. 1923. (Статьи *Богданова, Бакушинского, Ю. и Б. Соколовых, Ушакова, Богословского, Рыбникова, Городецкого.)*

Программа для собирания материалов и сведений о художественной литературе местного края. Воронеж, 1925.

Е. Н. Клетнова. Изучение родного края. Под. ред. Н. А. Рыбникова. Гиз. М. 1923. Изд. 3-е.

М. П. Сокольников. Литература Иваново-вознесенского края. Введение в изучение местной литературы. Иваново-Вознесенск. 1925. (Труды Ив.-вознес. губ. научного общества краеведения, вып. 3.)

М. В. Мурашов. Изучение местного края. Изд. „Мир", М., 1925.

А. Н. Свободов. В. Нижнем-Новгороде на заре XX века. К характеристике культурного и литературного гнезда. Нижегородский краеведческий сборник, т. I. Н.-Новгород. 1925.

Н. Н. Фатов. О краеведческом изучении истории литературы. Родной язык в школе, сборник 9-й, 1926.

П. С. Богословский. Пермский край в историко-литературном отношении. Журн. „Экономика", 1925, № 2—3 (33—34).

Как изучать свой край. Сборник статей по краеведению под ред. проф. С. А. Советова и проф. Н. И. Кузнецова. Изд. Брокгауз-Ефрона. Л. 1925.

ПОНЯТИЕ „БОЛЬШОГО ГОРОДА" В КУЛЬТУРОВЕДЕНИИ.

Н. И. Кареев. Государство-город античного мира. Изд. 3-е. П. 1910.

А. Дживелегов. Средневековые города. М. 1902.

Большие города. Сборник статей. П. 1905 г.—*А. Вебер.* Рост городов в XIX стол. П. 1903.—*И. Озеров.* Большие города. М. 1906.—*Б. Веселовский.* Календарь-справочник городского деятеля на 1913 г. П. 1913 (библиография).—*Э. Вандервельде.* Бегство из деревни и возвращение к полям.

Н. А. Рожков. Русская история.—*Его же.* Город и деревня в русской истории.

М. Н. Покровский. Русская история, в четырех томах.—*Его же.* Очерк истории русской культуры.

В. Стоклицкая-Терешкович. Город с историко-социологической точки зрения. Печать и революция, 1925, I—II.

Н. Анциферов. Пути изучения города как социального организма. Изд. „Сеятель". Л. 1925.

Н. и Т. Анциферовы. Книга о городе. I Город как выразитель сменяющихся культур. Изд. Брокгауз-Ефрон. Л. 1925.

Город в произведениях художественной литературы. Составили И. В. Владиславлев, О. С. Лейтнеккер, Б. Е. Лукьяновский. Гиз. М. 1926. Изд. 2-е.

А. А. Коленкин. Русский город и его роль в прошлом и настоящем. Дальняя экскурсия. Л. 1924.

Экскурсии в культуру. Сборник под ред. проф. И. М. Гревса. Изд. „Мир". М. 1925.

Территориальное и административное деление Союза ССР на 1-е января 1925 года. Изд. Статистич. бюро НКВД. М. 1925.

— Главнейшие моменты в историческом развитии города.—Исторические типы больших городов и их культур.—Современные города большие, средние и малые в Европе, —в Америке.—История русского города.—Города столичные, областные, губернские, уездные.—Современный большой город общеевропейского типа в его экономических, социальных и культурных чертах. Соотношение и зависимость этих черт.—Перестройка культуры в революционной Москве в сравнении с царской Москвой (школа, наука, литература, печать, театр, искусство, зрелища и проч.)—Культурная централизация и децентрализация.—Значение нового районирования СССР в культурной роли городов больших и малых.

ТИП СЛОВАРЯ МЕСТНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ.

Н. В. Здобнов. Основы краевой библиографии. Изд. „Колос", Л., 1925 (стр. 24—26).

Вопросы краеведения. Под. ред. В. В. Богданова, Нижполиграф. 1923 (*Н. А. Рыбников.* О собирании биографий местных деятелей).

П. Е. Потребность в биографическом словаре южнорусских деятелей и несколько слов о его программе. Киевская старина, 1886, IV.

Список словарей местных деятелей см. ниже, Приложение.

— Проследить историю местных биографических словарей за сто лет, начиная со статей Кеппена 1828 г.—Каковы итоги такого обзора?—Наметившиеся на практике типы местных словарей: общие словари местных уроженцев и деятелей, специальные словари (краеведов, администраторов и т. д.), словари местных писателей;—словари областные, словари городские;—биографические словари, библиографические словари; сборники случайных биографий.—Какие из наличных словарей следует признать лучшими?—Официозное происхождение многих старых словарей.—Отсутствие в них политических и революционных деятелей.—Консервативный или либеральный угол зрения.—Как создать новый местный биографический словарь деятелей культуры, литературы, искусства?

УКАЗАТЕЛЬ БИОГРАФИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ МЕСТНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ.

(В алфавите местностей.)

П. И. Кеппен. О словаре **балтийских** писателей. Материалы для истории русской литературы. Издание П. А. Ефремова. П. 1867.

Уроженцы и деятели **Владимирской** губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы. (Материалы для био-библиографического словаря.) Собрал и дополнил *А. В. Смирнов.* Выпуск 1-й. Губ. гор. Владимир. Тип. Губерн. правл. 1896. Мал. 8⁰ (12⁰). (Загл. лист+4 нен.+II+247 стр. Печ. обл. Оттиск из „Влад. губ. вед.“, 1896 г., №№ 5—11, 13—15, 21, 23, 25, 26, 28—33.)—Выпуск 2-й. 1897. Мал. 8⁰ (12⁰). Загл. лист+II+2 нен. +264 стр. Печ. обл. Оттиск из „Влад. губ. вед.“ 1896 г., №№ 42—45 и 51—1897 г., №№ 13, 15, 18, 20, 21, 23, 25, 27, 29—31, 39, 41 и 43.—Выпуск 3-й. 1898. Мал. 8⁰ (12⁰). Загл. лист+2 нен.+II+2 нен.+286 стр. Печ. обл. Оттиск из „Влад. губ. вед.“, 1898 г., №№ 16—31, 33, 34, 37, 41—46.—Выпуск 4-й. 1910. Мал. 8⁰ (12⁰). Загл. лист+6 нен.+240+2 нен. стр. Приложены на отдельных листах 16 цинкографических портретов: Д. А. Смирнова, И. А. Голышева, М. И. Алякринского, Я. Е. Протопопова, В. И. Доброхотова, В. А. Борисова, Н. П. Шаганова, свящ. Н. М. Меморского, Н. Я. Дубенского, иеромонаха Іоасафа (Гапонова), К. Н. Тихонравова, Н. Г. Добрынкина, К. Ф. Надеждина, протоиерея М. И. Хераскова, Л. П. Сахарова и М. М. Ранга. Печ. обл. Оттиск из „Влад. губ. вед.“ за 1902—1910 гг.

Портретная галлерея уроженцев и деятелей **Владимирской** губернии. Составил *А. В. Смирнов.*

Выпуск 1-й. (Я. Е. Протопопов.—В. А. Борисов.—В. И. Доброхотов.—К. Н. Тихоправов.—Н. Я. Дубенский.—Н. И. Шаганов.—Д. А. Смирнов.—И. С. Шмидт.) Губ. гор. Владимир. Типо-литография Губернского правления, 1900 г. 8°. Загл. лист+31 стр. Приложены цинкографические портреты всех указанных на заглав. листе лиц. Печ. обл.—Выпуск 2-й. (Іеромонах Іоасаф.—М. И. Алякринский.—Н. М. Меморский.—И. А. Голышев.—М. И. Херасков.—К. А. Веселовский.) Типо-литография Губернского правления. 1902. 8°. 32 стр. Приложены цинкографические портреты указанных на загл. листе лиц. Печ. обл.—Выпуск 3-й. (Ф. Д. Нефедов.—Н. Г. Добрынкин.—В. Ц. Герцык.—М. К. Поливанов.—Л. И. Сахаров.—К. Ф. Надеждин.—С. А. Архангельский.—Н. А. Артлебен.—Архим. Митрофан.) Типо-литография Губернского правления. 1904 г. 8°. 35 стр. Приложены цинкографические портреты указанных на загл. лиц. Печ. обл.

Все три выпуска—отд. оттиски из „Трудов Владим. ученой архивной комиссии".

П. А. Дилакторский. **Вологжане-писатели.** Материалы для словаря писателей, уроженцев Вологодской губернии. Вологодские губ. вед. 1898, №№ 37—41, 43—48, 51; 1899, №№ 166, 171, 172, 178, 184, 189, 192, 197, 208, 210, 213, 221, 253, 260, 267, 268, 280 и отд. Вологда. 1900 г. 8°. 241 стр. в колич. 50 отт.

2-е изд. наход. в рукописи в музее Вологод. общ. изуч. Сев. края. Листы с буквами И. К. Л. утрачены.
Рец. Ист. вест. 1900, июль, стр. 708—709 *(А. Круглов).*
См. еще: *Венгеров.* Источники, II, 253.

П. А. Дилакторский. Несколько дополнительных слов к „Вологжанам-писателям". Вологод. губ. вед. 1899, № 201.

Александр и Алексей Веселовские. **Вологжане-краеведы.** Источники словаря. Издание Вологодского отделения госуд. издательства. Вологда. 1923 г. 8°. XVII+165 стр., с портр.

Содержание: Вместо вступления. Стр. VII—X.—Среди источников. XI—XIII.—Пособия. XIV.—Алфавитный перечень краеведов (больших) с указанием колич. работ и страниц. XV—XVI.—Основной список вологжан-краеведов. 1—148. Добавочный список. 149—166.

Помещенные в книге портреты (на вкл. листах): Арсеньева Ф. А. (гравюра на дереве), Иваницкого Н. А., Мерцалова А. Е. (линогравюры), Сняткова, Авен. Алекс. Степановского, П. К. (гравюры на дереве) и Суворова Ник. Ив. (линогравюра) исполнены *И. И. Варакиным* (и отпечатаны в тип. Северосоюза в Вологде).

Н. В. Воскресенский. „**Воронежские** губернские ведомости". Юбилейный сборник в память 300-летия города Воронежа, т. II.

М. Б. Тулинов, П. А. Придорогин, архиеп. Серафим, А. Н. Марин, И. А. Малышев, Н. Ф. Бунаков.

Также: митропол. Евгений Болховитинов, гр. Д. П. Бутурлин, А. В. Кольцов, Н. И. Костомаров, Н. А. Северцев.

Н. В. Воскресенский. Пятидесятилетие „**Воронежских** губернских ведомостей". Исторический очерк с биографиями редакторов и сотрудников. Т. I. Воронеж. 1890. 623+32 стр.

Первоначально—в Воронеж. губ. ведомостях за 1888—1889 гг.

Н. Н. Пантелеевский. Материалы для истории **Воронежской** гимназии. Должностные лица гимназии за сто лет (1786—1886). По документам архива гимназии. Памятная книжка **Воронежской** губернии 1900 г. Воронеж. 1899.

А. Ф. Селиванов. Замечательные **воронежские** уроженцы и деятели. Памятная книжка Воронежской губернии 1899 г.

Митроп. Леонтий, А. П. Богданов, И. И. Захаров.

В. В. Литвинов. Замечательные уроженцы города Воронежа и **Воронежской** губернии. Памятная книжка Воронежск. губ. 1903 г. Воронеж. 1903 (отд. III, стр. 89—111).

П. Е. Астафьев, И. В. Ингеницкий, Иосиф Баженов, О. И. Рудинский, В. И. Рудинский.

Его же. То же (продолжение). Памятная книжка Воронежской губ. на 1904 г.

А. К. Бао, И. И. Захаров, еп. Филарет.

В. В. Литвинов. Первая памятная книжка **Воронежской** губернии. Ее содержание и сотрудники. Памятная книжка Воронеж. губ. на 1906 г. (отд. III, стр. 72—107).

В. В. Литвинов. Памятные книжки **Воронежской** губернии (1856—1906 гг.). Их содержание и сотрудники. Историко-биографический очерк. Памятная книжка Воронеж. губ. на 1908 г. (и отдельный оттиск, Воронеж, 1907, 141 стр.)

М. П. Сокольников. Литература **Иваново-вознесенского** края. Введение в изучение местной литературы. Труды Иваново-вознесенского губ. научного общества краеведения, вып. 3. Иваново-Вознесенск. 1925 (был отд. оттиск, 38 стр.).

А. Н. Островский, А. А. Потехин, Н. А. Потехин, П. А. Зарубин, В. А. Рязанцев, Ф. Д. Нефедов, С. Ф. Рыскин, К. Д. Бальмонт, И. А. Волков, А. Е. Ноздрин, С. М. Проскурнин, М. Д. Артамонов, Дм. Семеновский, Сергей Семин, Дм. Белов, Смирнова-Варфоломеева, Мих. Шошин.

1905 год в **Иваново-вознесенском** районе (Губбюро Истпарта). Изд. „Основа", Ив.-Вознесенск, 1925, 378 стр.

Дано 17 биографий участников событий 1905 г.

Словарь **Кавказских** деятелей. Приложение к справочной книге *Старожила (Г. М. Туманова).* Кавказ, № 1.— Тифлис. 1890. 16°. 85+XI стр.

Библиографические материалы о Северном **Кавказе.** Литературные деятели Северного Кавказа. *Б. М. Городецкий* Сев-кавк. альманах на 1908—1909 гг. Екатеринодар. 1909 г. Стр. 248—273.

Материалы для библиографии Северного **Кавказа.**—Литературные и общественные деятели Северного Кавказа. Биобиблиографические очерки. *Б. М. Городецкий.*—Екатеринодар. 1913. 8°. 62 стр., с 6 портр. (Отд. отт. из „Куб. сборн.", 1913, т. XVIII, стр. 333—396).

Н. Я. Агафонов. Заволжская Вивлиофика. Выпуск первый. Казань. 1887. 59 стр.

Биографические сведения о Чебышове-Дмитриеве, Д. Н. Садовникове, И. А. Шидловском, А. Печерском.

Н. Я. Агафонов. **Казанские** археологи, историки и этнографы. Волжский вестник 1888, № 46.

Н. Я. Агафонов. Казань и казанцы.

К столетней годовщине **Казанского** университета. Деятели имп. казанского университета 1805—1900 гг. Опыт краткого биографического словаря профессоров и преподавателей Казанского университета за первые 95 лет его существования. Сост. проф. *Н. П. Загоскин.* Казань. 1900. 4 нен.+179+9 нен. стр.

За сто лет Биографический словарь профессоров и преподавателей И. **Казанского** университета. 1804—1904. Часть I—II. Казань. 1904.

С. В. Кисловский. **Кашинский** край.

Биографический словарь профессоров и преподавателей **Киевского** имп. университета св. Владимира (1834—1884). Составлен и издан под редакцией ордин. проф. В. С. Иконникова. Киев. В типографии имп. университета св. Владимира. 1884. 4° (8°). Шмуцтитул+загл. лист+XXXVI+816+II (опечатки и поправки) стр.

Кинешемский земский календарь-ежегодник. 1914 год (9-й год изд.). Кинешма. Изд. Кинешемск. уездн. земства. 1914. С диагр. и рис. 16 нен.+14+56+102+120+25+32 стр.+8 портр. на мел. бум. и 2 карты.

М. К. Казанский.—Портретная галлерея. (Достопамятные уроженцы и деятели местного края.) 1) Адмирал Геннадий Иванович Невельский. С портр. (стр. 1—10). 2) Алексей Антонович Потехин. С портр. (стр. 11—17). 3) Иван Васильевич Шуленников. С портр. (стр. 18—24). 4) Савва Евгеньевич Цареградский. С портр. (стр. 25—26).

А. А. Титов. Материалы для био-библиографического словаря. Словарь писателей духовного и советского чина **Костромской** губернии. По рукописи костромского ученого протоиерея М. Я. Диева: „Ученые деятели Костромского

Вертограда". Москва. Издание журнала „Библиографические записки". 1892. Тип. И. Д. Сытина и К°. 8°. 43 стр. Печ. обл. На обороте загл. листа напечатано: „Оттиски из 5-го № „Библиограф. записок."

Г. Геннади. Указание биографических сведений о замечательных людях **Малороссии**. Черниговские губерн. ведомости, 1855, № 8 и 1856, № 16.

Ср. Полтав. губ. ведомости, 1846, №№ 48 и 49; 1847, № 2.

Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко (**Нежинский**). Издание второе, исправленное и дополненное. СПБ. 1881.

Биографии основателей, почетных членов, директоров, профессоров и преподавателей, воспитанников гимназии и лицея, списки сочинений воспитанников, списки должностных лиц, списки студентов.

Историко-филологический институт князя Безбородко в **Нежине**. 1875—1900. Преподаватели и воспитанники. Нежин. 1900. 1+3+120 стр.

Биографии, автобиографии и перечни трудов преподавателей и воспитанников Института.

А. С. Гацисский. Люди **Нижегородского** Поволжья. Биографические очерки. Н.-Новгород. 1887. XXI+260 стр.

Люди **Нижегородского** Поволжья. Выпуск I. Краткий словарь писателей-нижегородцев. Под редакцией члена комиссии В. Е. Чешихина (П. Ветринского). Нижний-Новгород. 1915. VI+50 стр. (Действия Нижегород. губ. уч. арх. комиссии.)

А. И. Маркевич. Двадцатипятилетие имп. **новороссийского** университета. Одесса. 1890.

Есть био-и автобиографии профессоров.

Памятная книжка **Пензенской** губернии на 1889 год.

Биографии уроженцев Пензен. губ. (сост. *А. Ф. Селивановым*).

Пермская губ. уч. арх. комиссия. Биографический указатель памятных деятелей **Пермского** края. Выпуск первый: 30 очерков *А. А. Дмитриева*. Пермь. 1902. II+48 стр. (Труды Перм. уч. арх. комиссии, вып. V, 1902).

Памятная книжка **Полтавской** губернии на 1866 год. Полтава. 1866.

Биография уроженцев Полтав. губ., а также писателей, в ней умерших.

Биографический указатель уроженцев **Полтавской** губернии или умерших в ней известных своею служебной или литературной деятельностью. Памятная книжка Полтав. губернии 1865 г.

И. Ф. Павловский. Краткий биографический словарь ученых и писателей **Полтавской** губернии с половины XVIII в. Изд. Полт. учен. арх. ком. Полтава. 1912. 8°. 240 стр.

И. Ф. Павловский. Первое дополнение к краткому биографическому словарю ученых и писателей **Полтавской** губернии с половины XVIII века. Полтава. 1913. 8° 2+85+1 стр.

И. Ф. Павловский. **Полтавцы.** Иерархи, государственные и общественные деятели и благотворители. Опыт краткого биографического словаря Полтавской губернии с половины XVIII в. С 182 портретами. Издание Полтавской ученой архивной комиссии. Полтава. 1914. XV+294 стр.

И. Н. Шемякин. **Псковской** Некрополь. I. Псков. 1916. 31 стр. (Оттиск из „Сборника Псков уч. арх. комиссии", вып. 1.)

К 25-летию Рязан. арх. комис. Библиографический словарь писателей, ученых и художников, уроженцев (преимущественно) **Рязанской** губернии. Составлен *И. В. Добролюбовым* и дополнен *С. Д. Яхонтовым.* Издание Рязанской архивной комиссии под редакцией С. Д. Яхонтова. Рязань. Губерн. тип. 1910. 8°. Загл. лист.+2 нен.+338+9 нен. (алфав. указатель)+1 нен. пустая+4 нен. (опечатки) стр.

Н. Ф. Хованский. Очерки по истории г. **Саратова** и **Саратовской** губерн. Выпуск первый. Саратов. 1884.

Биографии: А. Н. Радищев, Н. Т. Скопин, Н. А. Радищев, И. Х. Гамель, А. М. Княжевич, Г. И. Чернышевский, А. Ф. Леопольдов, А. Н. Росницкий, С. П. Шевырев, А. В. Попов, Н. П. Слепцов, А. К. Жуковский, И. И. Введенский, Э. И. Губер, А. У. По-

рецкий, А. И. Артемьев, Я. П. Бутков, И. Г. Воронин, А. Н. Пыпин, И. А. Салов, С. С. Гусев, П. Н. Яблочков, И. П. Ларионов, А. Н. Минх и др.

Краткие биографии некоторых членов **Саратовской** ученой архивной комиссии за 25 лет ее существования—25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. 1886, 12/XII 1911 г. Исторический очерк. Сост. *В. П. Соколов.*—Краткие биографии. Сост. *Н. Ф. Хованский.* Саратов. 1911. 45 стр.

С. Д. Соколов. **Саратовцы**—писатели и ученые. Материалы для био-библиографического словаря. Труды Саратов. уч. арх. комиссии, вып. 30. Саратов. 1913.—Вып. 33. Саратов. 1916.—Вып. 34, ч. 2. Саратов. 1924 (Опыт словаря псевдонимов и инициалов).

К. Газенвинкель. Материалы для справочно-биографического словаря **сибирских** деятелей. Деятели XVI и XVII стол. Князья Ростовского дома. Тобольск. 1895.—Князья Шаховские, Щербатовы и Масальские. Тобольск. 1893.

М. Е. Стож. Словарь **сибирских** писателей, поэтов и ученых. Часть I.—Иркутск. 1896. 16°. 56 стр., с портретом.—То же. Изд. 2-е.—Иркутск. 1916. 16°. 78 стр., с рис.

Н. Здобнов. Материалы для **сибирского** словаря писателей. Приложение к ж. „Северная Азия". 1927, I, II, IV, V. М. 1927.

Сборник исторических и статистических сведений **Симбирской** губернии на 1868 г. Симбирск. 1867.

Обзор жизни и трудов писателей, уроженцев губернии.

И. Токмаков. Биографический словарь замечательных деятелей и уроженцев **Тамбовской** губернии. Известия Тамбов. уч. арх. комиссии, вып. XLI. Тамбов, 1897. (Приложение, стр. 167—194.) Ср. вып. LIII, ч. VI, стр 25—34.

И. Сахаров. О словаре **тульских** писателей. Материалы для истории русской литературы. Изд. П. А. Ефремова П. 1867.

Н. И. Борисоглебский. Воспитанники Московской духовной академии из **Тульской** духовной семинарии за 75 лет. 1814—1889. Тульские епархиальные ведомости 1889—1891.

Болдырев. Исследователи нашего края **(Уральского)**.— Уральский вестник 1874, №№ 39—42; 1875, №№ 2—6.

П. И. Кеппен. О словаре **харьковских** писателей. Материалы для истории русской литературы. Издание П. А. Ефремова. II. 1867.

Биографический указатель замечательных уроженцев и деятелей **Харьковской** губернии. Харьковский календарь на 1884 год.—То же, 1885 год.

Биографический словарь бывших питомцев Первой **Харьковской** гимназии с 1885 по 1895 год. Харьков. 1895.

Историко-филологический факультет **Харьковского** университета за первые 100 лет его существования (1805—1905). I. История факультета. II. Биографический словарь профессоров и преподавателей под ред. М. Г. Халанского и Д. И. Багалея.—Харьков. 1908. 8°. VIII+168 +390+XII стр., с 15 рис.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. **Юрьевского**, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования. 1802—1902. Т. I—II. Юрьев. 1902—1903.

К. Д. Головщиков. Очерк жизни и ученых трудов бывших питомцев **Ярославской** семинарии, не оставшихся в духовном звании. (Вып. I.) Ярославль 1893. 52 стр.

Его же. Очерк жизни и ученых трудов бывших питомцев **Ярославской** семинарии, оставшихся в духовном звании. (Вып. II.) Ярославль. 1893. 60 стр.

Его же. Архиереи из питомцев **Ярославской** духовной семинарии. Ярославль. 1893. 25 стр.

Его же. Некрологи **ярославцев** за 1892 и 1893 гг. Ярославль. 1894. 30 стр.

К. Д. Головщиков. Деятели **Ярославского** края. Издания Яросл. уч. арх. комиссий. Выпуск I. Аарон — Андрей. Ярославль 1898. IV+120 стр. Выпуск II. Андрей—Башмаковы. Ярославль 1899. Стр. 121—281.

С. Золоторев. Писатели-**ярославцы.** Ярославский край, как один из культурных и литературных центров России. Выпуск. I. П. З. Суриков, А. Ф. Иванов-Классик, С. Я. Дерунов. Ярославль 1920. 80 стр.—Выпуск II. Ярославская струя в литературе XVIII века: Ф. Г. Волков, И. А. Дмитревский, В. И. Майков, М. Д. Чулков, М. В. Попов.—„Уединенный пошехонец".—И. А. Майков (Розов). Ф. Н. Слепушкин. Ярославль. 1920. 72 стр.

ДОПОЛНЕНИЯ К УКАЗАТЕЛЮ.

(Сообщены Н. В. Здобновым и Н. М. Ченцовым.)

М. Н. Швецов. Из прошлого. Историко-литературные очерки. Вологда, 1913.

Сводка материалов о писателях **вологжанах.**

В. В. Данилов. Кадниковский уезд **Вологодской** губ.—„Север" 1923, № 3—4.

Стр. 223—228: Кадниковцы-писатели.

И—ч. Писатели, ученые и журналисты на **Дальнем Востоке** за 1918—1922 гг. Владивосток, 1922, 74 стр. (Словарь.)

П. Знаменский. История **Казанской** духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842—1870 годы). Казань, 1892, 466 стр.

Списки студентов Казанской духовной академии, **окончивших** курс за 1846—1870 годы (и биографии).

Пушкин. Статьи и материалы. Под ред. М. П. Алексеева. Вып. III. Одесса, 1927, 97 стр.

Материалы для биографического словаря **одесских** знакомых Пушкина.

М. И. Смирнов. Переславщина. Источники и материалы краеведения, их систематизация и обзор. Переславль-Залесский. Госуд. тип. 1921. 77 стр. (Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества. Вып. № 9.)

Стр. 58—72 (приложения): Материалы, для биографического словаря уроженцев и деятелей **Переславского** края.

Д. Смышляев. Сборник статей о **Пермской** губернии. Пермь, 1891.

Материалы для биографий замечательных местных деятелей (Н. К. Чупин, М. Н. Зырянов, А. Е. Теплоухов, Е. А. Словцева-Камская, А. А. Пищалкин).

„Экономика" (Пермь), 1925, № 2—3.

Список пермских писателей сост. П. С. Богословским.

Проф. *П. С. Богословский.* Из материалов по истории литературы и печати в **Пермском** крае. — „Пермский краеведческий сборник". Вып. II. Пермь, 1926, стр. 94—110.

Словарь писателей. Рец. Н. Здобнов. „Краеведение", 1926, № 4, стр. 551—554.

Василий Гиппиус. О некоторых писателях, связанных с **Пермским** краем. Там же.

Дополнения к статье П. С. Богословского: „Пермский край в историко-литературном отношении".

Материалы для биографического словаря **восточно-сибирских** этнографов. Предварительный список. Иркутск, 1926, 20 стр. Отд. оттиск из „Известий Вост.-сиб. отд. Рус. Госуд. географич. о-ва". Т. LI, стр. 193—210.

Краткий исторический очерк **Томского** университета за первые 25 лет его существования (1888—1913 гг.). Томск, 1917, 544 стр.

Глава II: „Личный состав университета" (список профессоров и преподавателей с краткими биографич. сведениями. Сгруппированы по факультетам и кафедрам).

В. С. Арсеньев и *И. М. Картавцов.* Декабристы — **туляки.** Тула, 1926, 51 стр.

П. И. Кеппен. Список **слободско-украинским** писателям и ревнителям просвещения. „Моск. Телеграф", 1828, № 11, стр. 417—419.

СОКРАЩЕНИЯ.

В. Е. — Вестник Европы.
Гол. Мин. — Голос минувшего.
Ж. М. Н. П. — Журнал министерства народного просвещения.
Изв. II Отд. Акад. Н. — Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук.
И. В. — Исторический вестник.
Р. В. — Русский вестник.
Р. М. — Русская мысль.
Р. С. — Русская старина.
Р. Ф. В. — Русский филологический вестник.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Предисловие	3
Областные культурные гнезда. Введение в их изучение	9
К молодым краевым искусствоведам	60

Темы, библиография, вопросники.

Областные культурные центры в допетровской Руси	72
Ярославский стиль в зодчестве и живописи	—
Стягивание областных живописцев в Москву в XVII веке	73
Районирование русской народной словесности	—
Отлив скоморошьего искусства на Север	74
Северно-русский культурный центр и Ломоносов	75
Питомец Поморья, скульптор Шубин	77
Ярославское культурное гнездо во второй половине XVIII века	—
Украинское культурное влияние в Великороссии в XVIII веке	79
Литераторы и книгопечатание в Смоленске до войны 1812 г.	80
Зачинатель русского романтизма. Казанский поэт Г. П. Каменев	81
Казанское культурное гнездо в начале XIX в.	—
Казанские идиллики. В. И. Панаев и В. М. Перевощиков	83
Театр в Курске в первой половине XIX века и Щепкин	84
Петербург и Москва	85
Культура Слободской Украины в первой трети XIX века. Харьковское культурное гнездо	—
В. Н. Каразин как местный деятель	88
Рылеев и украинство	90
Украинская стихия в творчестве Гоголя	—
Вторжение украинской стихии в великорусскую беллетристику	94
Украинский сказ в великорусской беллетристике	94
Культура Полтавщины во времена Гоголя	95
Миргород литературный и исторический	96

Стр.

Литература „общерусская" и украинская 97
Белинский и украинская литература . . . . . —
Борьба за украинскую культуру в царской России 98
Украинофильский журнал „Основа" 99
Гастроли украинских трупп на великорусских сценах . . . . . —
Киевская литература восьмидесятых годов . . . . . —
Белорусская культура и литература 101
Одесса как южный культурный центр 102
„Одесский Вестник" (1827—1894) 104
Одесские альманахи 105
Одесский театр 106
Одесская писательница З. К. Озмидова (Зео) 107
Одесская „босяческая" литература . . . . . —
„Воронежские Афины".—Город Острогожск 108
Кольцов и воронежский фольклор . . . . . —
Воронежские губернские ведомости 109
Учебные заведения Воронежа времен Кольцова и Никитина . . 110
Воронежский театр времен Кольцова и Никитина . . . . . —
Художественная старина Воронежа 111
Серебрянский и воронежские семинаристы . . . . . —
Общественные взгляды Никитина 112
Никитин и Некрасов 113
Бытовая живопись Никитина 114
Воронежский кружок Второва . . . . . —
Провинциальный публицист эпохи реформ М. Ф. Де-Пуле . . . 115
Из истории краеведения. Воронежские краеведческие работы в 50—60 годах XIX века . . . . . —
Социальный состав воронежских культурников половины XIX в. 116
Иркутское культурное гнездо в середине XIX в. 117
Петрашевец Ф. Н. Львов и его деятельность в Иркутске . . . 118
„Сибирские сепаратисты" (1865) 119
Саратовское культурное гнездо к середине XIX в. 120
Ориенталист Г. С. Саблуков 121
Роль областничества в научно-исторических построениях А. Щапова.—Роль Щапова в сибирском областничестве 122
Областничество в исторических построениях Костомарова . . 123
„Камско-волжская газета" в 70-х годах 124
Областничество в дискуссии 1875—1876 гг. . . . . —
Нижегородское культурное гнездо 125
Короленко-областник 126
Самарское культурное гнездо в 90-х годах XIX в. . . . . —
М. Горький в Самаре 127
Провинциализмы Чехова 128
Провинциализм Чирикова 129

Стр.

Теория и практика современного сибирского литературного областничества 129
Журнал „Сибирские огни“ 130
Провансальское областничество во Франции 130
Как ставить комплексное изучение местного культурного гнезда —
Понятие „большого города“ в культуроведении 131
Тип словаря местных культурных деятелей 132
Приложение. Указатель местных биографических словарей 134
Сокращения 145

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ПИКСАНОВ Н. К.

СТАРОРУССКАЯ ПОВЕСТЬ

Введение в историю повести. Темы для литературных работ. Систематическая библиография. Руководящие вопросы. Приложения: Текст повести о Карпе Сутулове, сказание о молодце и девице, повесть о королевиче Валтасаре.

Стр. 92. Ц. 25 к.

***

ПИКСАНОВ Н. К.

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
„ГОРЯ ОТ УМА“

(ПЕЧАТАЕТСЯ)

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ, МАГАЗИНАХ И КИОСКАХ ГОСИЗДАТА

1 р. 60 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ПИКСАНОВ Н. К.

ДВА ВЕКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СОДЕРЖАНИЕ: Введение. Темы для литературных работ. Систематическая библиография. Руководящие вопросы.

Изд. 2-е. Стр. 280. Ц. 1 р.

Пособие проф. Н. К. Пиксанова, охватывающее русскую литературу 18 и 19 столетий, можно горячо рекомендовать всем учащимся как высшей, так и средней школы, преподавателям, руководителям литературных кружков, семинарий, бесед и т. п., а также и всем, желающим самостоятельно заниматься литературой. В книге предлагается около 209 тем, с подробной библиографией, с наводящими разъяснениями, в отдельных случаях даже с конспектом рефератов. Указания даны с редкой осведомленностью, точностью и широтой взгляда...

„Два века" для каждого, кто желает работать в области нашего литературного прошлого, должна быть настольной книгой.

(МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ, 1925, ч. II)

★ ★ ★

ПИКСАНОВ Н. К.

ГРИБОЕДОВ и МОЛЬЕР

(ПЕРЕОЦЕНКА ТРАДИЦИЙ)

Стр. 80. Ц. 15 к.

СОДЕРЖАНИЕ: Постановка задачи. Обзор сближений „Горе от ума" с произведениями западно-европейской литературы. Работа А. Н. Веселовского „Альцест и Чацкий". Методологические предпосылки анализа сближений. Группировка и анализ сближений „Горе от ума" с „Мизантропом". Пункты расхождения „Горе от ума" с „Мизантропом". Анализ бесспорно оригинального в „Горе от ума". Общая эстетическая переоценка „Мизантропа". Общие выводы.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ, МАГАЗИНАХ И КИОСКАХ ГОСИЗДАТА.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00037065987